

ΑΗΗ
ΓΘΘΗ

ΑΗΖΕΛΙΚΑ

АНН
ГОЛОН

АНЖЕЛИКА
ТУЛУЗСКАЯ
СВАДЬБА

Исторический роман

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА
Г61

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии Анастасии Лестер

Перевод с французского:
Golon A. Angélique. Tome 2. Mariage Toulousain

Переводчик *Юлия Котова*

Художник-дизайнер обложки *Яна Крутий*

ISBN 978-966-14-5479-7 (PDF)

- © Anne Golon, 2006
- © Hemiго Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

Исторические и литературные истоки романа-потока Голон «Анжелика»

История нашего знакомства с романом-потоком¹ Голон, как и с экранизациями отдельных его томов, право же, курьезна. Знакомство это началось с того, что в 1968 году мы увидели на наших экранах «Анжелику и короля». Затем нам показали экранизацию первого тома, а в 1971 году издательство «Прогресс» познакомило нас с ее первоисточником, за которым последовал перевод седьмой книги.

Спустя семнадцать лет после выхода на экраны СССР «Анжелики и короля» — третьего из пяти фильмов, поставленных по роману Голон Бернаром Бордери, кинопрокат предоставил нам возможность посмотреть снятый в 1964 году второй фильм, «Великолепная Анжелика», назвав его «Анжелика в гневе». И наконец, еще через год — четвертый и пятый фильмы, объединив (и соответственно сократив) их под названием «Неукротимая маркиза». Годовалые младенцы за это время успели стать совершеннолетними людьми. Люди среднего возраста — выйти на пенсию... Подробности виденных ранее фильмов были забыты, а если иной раз где и мелькали эти картины, то только порознь и, как правило, в порядке, нарушающем композицию.

¹ Так во Франции определяется жанр многотомного романа, рассказывающего жизнь одного героя.

То же касается и публикации отдельных томов, выхода которых на русском языке дождалась читающая публика: переводы были безграмотны до нелепости и безобразны по объему сокращений.

Понятно, что при таких условиях трудно было уловить смысл литературного произведения и его экранизации. Отсюда — пренебрежение многих читателей и зрителей. И это тем более естественно, что отечественная критика приложила немало усилий для создания у нас превратного впечатления как об этих фильмах, так и о книгах.

Правда, автор преди- и послесловия к книгам, вышедшим у нас в семидесятые годы, А. Эпштейн, предпринял попытку серьезного их анализа, которая была тут же высмеяна в прессе: говорить дурно об «Анжелике» стало уже хорошим тоном. Отчаянные усилия автора этих слов остановить оголтелый вой известных критиков были тщетны: редакции слали отписки — от сдержанно-бюрократических до хамовато-фамильярных.

Между тем несостоятельность скоропалительных оценок именитых писак была очевидна.

Как до горечи верно заметил когда-то Ю. Б. Борев, «критики часто рассуждают о произведении без всякого понимания его типа и его особенностей». Между тем, по словам Пьера Декса, автора замечательного исследования жанра романа, — «странная и удивительная вещь то глубокое доверие, которое романист должен питать к тем, кому он адресует свое произведение»¹.

Стараясь оправдать это доверие, мы и подошли к анализу романа Голон. На такое же доверие со стороны читателя мы рассчитываем, излагая свои соображения об этом произведении.

Как известно, 19 декабря 1921 года в Тулоне, в семье морского офицера Пьера Шанжэ родилась дочь Симона. Творческое начало было свойственно ее родителям. Мать девочки была блестящей пианисткой, а отец занимался научными исследованиями в области военной техники. Их дочь написала свой первый рас-

¹ Декс П. Семь веков романа. — М., Изд. иностранной литературы, 1962. — С. 99.

сказ, едва научившись писать. А в восемнадцать лет опубликовала первую книгу. С тех пор она не прекращала сочинять. Одна из двух последующих книг стала бестселлером. Кроме книг, были сценарии для кино, работа по организации журнала «Франс».

Через два года Симона получила литературную премию за приключенческий роман для юношества, опубликованный под псевдонимом Жоэль Дантерн. Это дало ей возможность отправиться в большое путешествие. Она избрала франкоязычное Конго, чтобы сделать серию репортажей для французских газет.

Однажды ей пришлось брать интервью у Всеволода Сергеевича Голубинова, сына русского консула в Персии. Голубинов родился 23 августа 1903 года. Когда началась революция, его семья бежала во Францию, а Всеволод, учившийся тогда в Севастополе, тоже бежал, выдав себя за лавочника. Кроме французского, на котором говорил бегло, как любой русский аристократ, Голубинов знал еще добрых полтора десятка языков. Он был прекрасным спортсменом, геологом, химиком. Он искал золото в Китае, Бирме, Индии, Сиаме, Тибете и, наконец, в Африке, где и пересеклись судьбы будущих супругов...

Незаурядная натура Всеволода настолько увлекла молодую журналистку, что вскоре там же, в Африке, она вышла за него замуж.

И теперь уже вместе они путешествовали на лошадях, в лодке, на автомобиле и пешком. А в 1952 году, с началом войны африканских народов за независимость, вернулись во Францию.

К 1954 году у Симоны Шанжё вышло шесть книг, а также множество статей и сценариев (под разными псевдонимами), у В. С. Голубинова — одна (под псевдонимом Серж Голон). Совместно написали две книги, но успех их был невысок. И тогда издатель предложил обратиться к историческому роману.

Поначалу супруги встретили эту идею скептически, но все же решили обдумать предложение... Они не знали, что им суждено создать один из самых популярных романов XX века...

Вглядимся в общественную жизнь Франции, философию, культуру этого периода.

То было время противоречий Четвертой республики, в недрах которой зарождалась Пятая республика генерала де Голля.

Колониальная война во Вьетнаме, а сразу после нее — в Алжире. Несоответствие потенциальных возможностей страны ее положению в послевоенном мире.

Но уже произнесена речь де Голля в Байе 16 июня 1946 года: «На протяжении периода времени, не превышающего жизни двух поколений, Франция пережила семь вторжений и перепробовала тринадцать режимов... Столь многочисленные потрясения накопили в нашей общественной жизни немало ядов, которыми питается старая галльская склонность к ссорам и раздорам... Соперничество партий приобретает у нас непримиримый характер, всегда и все ставящий под вопрос. Перед ним отходят на задний план высшие интересы государства. Это — очевидный факт, связанный с национальным темпераментом, превратностями истории и потрясениями сегодняшнего дня...»¹

Академическая среда Франции в эту пору постепенно принимает во многом пессимистическую философию экзистенциализма, которая в определенном смысле становится официальной.

Правда, в 50-е годы интеллектуалистов пытается дискредитировать театр абсурда, выступающий с позиций крайнего интеллектуального анархизма. Но этому течению не под силу было оптимизировать настроение умов, как и «новому роману» Натали Саррот и Роб-Грийе с отказом от логической последовательности, психологических мотивировок и с изоляцией факта от причинных взаимосвязей.

В 1955 году в США умирает изгнанный из Франции за ересь член ордена иезуитов, крупный ученый-антрополог Тейяр де Шарден. Обеспокоенный отчаянием и страхом, наполнявшими общество в 30—50-е годы, он предпринял попытку согласовать новейшую науку с религией, чем навлек на себя гнев ордена

¹ Цит. по кн. «Франция» под ред. Ю. Рубинского. — М., 1973. — С. 306—307.

и запрещение устной или письменной публикации своих философских воззрений. Смерть Тейяра сделала недействительным этот запрет. Франция узнала суть его учения, прямо противоположного экзистенциализму. В мире, который, по Тейяру, эволюционировал для появления мыслящего человека, природа не враждебна порожденному ею «гомо сапиенс», а наоборот, полностью открыта для познания. Призывами к решительному улучшению условий жизни на земле учение Тейяра подрывало официальные догмы католицизма, привлекая к себе внимание и большое число сторонников.

Но власть церкви в это время была очень сильна. Около 1950 года по всему миру стали появляться католические киноцентры, имевшие целью «подчеркивать католическое мнение, вызывать те или иные эффекты в кинопродукции»¹. В 1952 году возникает «Апостольская кинематографическая комиссия», которой в 1954 году передается компетенция в вопросах радио и телевидения. Но уже в том же году на экраны Франции выходит антиклерикальная экранизация «Красного и черного» режиссера К. Отан-Лара.

В сентябре 1953 года кардинал Пиццардо подписал циркуляр о роспуске зародившегося во Франции в конце Второй мировой войны института священников-рабочих. «Французский епископат сообщил в Рим, что внезапный роспуск священников-рабочих встретит со стороны последних сопротивление и породит возмущение в широких рядах католической общественности Франции. ...Видные католические писатели и деятели — Франсуа Мориак, Даниэль Ропс, Этьен Борн, Жорж Гурден и ряд других выступили в печати в защиту священников-рабочих»².

В то же время до 1966 года существует Индекс запрещенных книг, в который Ватикан включает произведения Андре Жида, Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар и других. В «черные списки» верховного ведомства католицизма чуть не попали

¹ Breza T. Spizowa Brama. — Warszawa, 1973. — S. 351—352.

² Григулевич И. История инквизиции. — М., 1970. — С. 413—415.

и супруги Голон за антиклерикальную тему, пронизывающую всю серию их романов.

Но мы забежали вперед. Замысел романа, авторы которого прославятся под псевдонимом Анн и Серж Голон, только зреет. Итак, почему же именно историко-приключенческий роман с продолжениями? Ведь, кроме экзистенциалистских метаний и абсурдистского анархизма, во Франции 50-х годов XX века существовали романы Арагона, Триоле и полные остротой социальной семейные эпопеи Эриа, Дрюона...

Голон пошла иным путем, ничем, впрочем, не противоречившим ни традиции французского романа, ни духу времени. Напомним: в 1952 году на экранах появился герой французского фольклора, обаятельный и озорной Фанфан-Тюльпан, которого в одноименной авантюрной комедии Кристиан-Жака сыграл великий Жерар Филип. В те же годы отмечается повышенный интерес читающей публики к произведениям А. Дюма-отца: «Успех «Графа Монте-Кристо», который публиковался газетой «Юманите», огромный успех произведений Дюма вообще, который наблюдается в настоящее время и в книготорговле, и в кино, объясняется тем, что нынешние читатели по-новому понимают оптимизм Дюма... Идеи Дюма относительно движущих сил истории ни в коей мере не препятствуют нам восторгаться его стремлением подбодрить и воодушевить людей, его верой в прогресс, а не в рок. Напротив, эта вера в прогресс наполняется в наши дни таким содержанием, о каком Дюма и не подозревал», — писал в 1955 году Пьер Декс¹.

Примечательно, что эти слова принадлежат перу не ищущего развлечений обывателя, а недавнего узника Маутхаузена и участника Сопротивления, известного писателя, поднимающего в послевоенные годы и последующее десятилетие проблемы духовной жизни общества.

¹ Декс П. Цит. соч., с. 261.

На наш взгляд, само литературное родство, жанровая, тематическая ориентация цикла романов Голон, его философская подоплека не ограничивается стремлением авторов удовлетворить запросы любителей авантюрного жанра. Хотя и такая ориентация, в сущности, вовсе не заслуживает осуждения. Советский писатель и критик И. Левидов¹ в предисловии к русскому переводу «Тома-Ягненка» Клода Фэррера писал: «У нас привыкли думать, что авантюрный роман — это синоним пошлого, антихудожественного романа... Однако законы этой литературы отнюдь не базируются на внешней увлекательности за счет пошлости и убогости содержания и отсутствия социально-психологического момента. Как и всякая другая отрасль литературы, авантюрная литература располагает подлинно художественными, социально полезными произведениями».

Осмелимся утверждать, что и романы об Анжелике относятся к их числу.

В процессе подготовки к их написанию супруги изучили многие сотни томов исторической документации, избороздили тысячи километров, определяя и осматривая в мельчайших деталях места действия своего будущего произведения. Они стали истинными знатоками эпохи Луи XIV, его жизни и жизни тех, кто жил в его время и кому суждено было стать их героями. Единственный, кажется, вымышленный персонаж романа — Анжелика де Сансе, графиня де Пейрак.

Какой же видели ее будущие создатели?

В 1964 году «Пари-матч» сообщал, что, по мнению Сержа, героиня должна быть молодой, красивой, дерзкой и трогательной, а ее большая любовь и неколебимая верность перевешивала бы все слабости ее добродетели.

Автор и рисует героиню такой — от восьмилетней девочки до женщины зрелой, прекрасной, умной, образованной, забот-

¹ Левидов М. Ю. (1891—1942) — автор очерков, статей, пьес и книги о Дж. Свифте, сочетающей строгую научность со страстной полемичностью и беллетристичностью.

ливой жены и матери. Мы верим, что Анжелика — натура сильная. Именно сильные натуры способны впадать в минутное отчаяние, когда друзья начинают утешать, а враги злорадствовать. Но вот это минуту назад растерянное создание снова обрело силу, его взгляд тверд, а решения ясны. Друзей это и радует, и вызывает в них зависть, а врагов заставляет кипеть от негодования и ненависти. А наша героиня уверенно идет дальше, к намеченной цели.

В минуты слабости она готова пожаловаться на невезение, как, например, после скандала, разразившегося в Версале из-за дуэли между фаворитом Луи XIV и вторым мужем Анжелики: «Это мое везенье!.. Каждый день и каждую ночь бесчисленное количество женщин при дворе изменяет своим мужьям без всяких осложнений, но в единственном случае, когда это попыталась сделать я, ударил гром. Никакого везения!» («Анжелика и король»). И все-таки ей в значительной степени везет.

Но не будем торопиться объяснить это, подобно А. Эпштейну, тем, что «сюжетная нить в руках авторов». Пожалуй, мы просто не замечаем, как много в жизни зависит от простого везения. А в случае Анжелики, красивой и обаятельной, везение — вещь естественная. В минуты опасности рядом с ней чаще всего оказывается сильный, готовый прийти на помощь мужчина. Только что покинувшую монастырские стены юную графиню де Пейрак спасает от посягательств пьяного племянника архиепископа Тулузы рука супруга, сразившая распоясавшегося пошляка. От гибели в мрачных коридорах Лувра избавляет ее благородный д'Андижос, в Африке — Колен Патюрель. В Новом Свете с Анжеликой не только Жоффрей, но и тот же Колен, и благородный мальтийский рыцарь Ломени-Шамбор, и знавший ее еще в Ла-Рошели Николая де Бардань, и губернатор Акадии маркиз де Вильдаврэ... И на протяжении всего цикла ее ангел-хранитель — Франсуа Дегре...

Однако и сама она способна постоять за себя. В моменты крайней безысходности ее действия парадоксальны (парадокс вообще широко используется авторами, можно сказать — это едва ли не один из главных их приемов). В самом деле: желая сбежать из Франции, где за ней установлен полицейский надзор, она обращается за

помощью к герцогу де Вивонну, брату Атенаис де Монтеспан, главной своей соперницы, а для побега из гарема султана она прибегает к содействию двух его главных жен, и нельзя не согласиться, что логика ее проста: хотите избавиться от соперницы — помогите бежать. А чего стоят рассуждения Анжелики о дворе короля и Дворе Чудес, которые явно в пользу «штаб-квартиры» парижского сброда: «Нет, Анжелика не боялась их. Их волчья жестокость менее пугала ее, чем жестокость куда более рафинированных особ... Воюющие болячки возмущали ее меньше, чем красивая одежда, скрывающая отвратительную подлость» («Анжелика и король»).

Какое угодно лицемерие, ханжество претит и автору, и героям этих книг. Живой житейский юмор — одна из неотъемлемых черт романов Голон.

Взбешенный отказом Анжелики подчиниться его приказу покинуть Версальский дворец, ее второй муж, Филипп дю Плесси, бросает: «Что ж, отправляйтесь спать когда хотите и с кем хотите». И сейчас же маркиз де Лавальер утешает огорченную женщину: «Мадам, ни одна дама в Версале не может похвастаться тем, что получила от мужа подобное разрешение» («Анжелика и король»).

А как современно звучат раздумья героини о том, что в истинную причину ее опоздания в Версаль — поломку кареты — никто не поверит, поскольку все используют эту отговорку при опозданиях!

Примеров можно привести много, но, кажется, и этих достаточно, чтобы сделать вывод о живости, неоднозначности как самой героини, так и всего произведения Голон в целом.

Что же касается его социального значения, о котором упоминал, говоря об авантюрном романе, М. Левидов...

Вторая мировая война и оккупация Франции, справедливо названные де Голлем «неслыханными испытаниями», способствовали росту национального самосознания. После войны зарождается движение, подобное возникшему в XIX веке «фелибрижу»¹.

¹ Движение за возрождение провансальской литературы; от *felibre* — провансальский поэт или писатель.

Тогда, в 1870 году, в Монпелье был организован издающийся поныне журнал «Обозрение романских языков», специализирующийся на изучении южнофранцузских диалектов, но и в начале 50-х годов нашего века появляются новые журналы, чтобы объединить литературные силы Прованса. Ученых и поэтов объединил Институт по изучению Прованса с центром в Тулузе.

В то же время в 1955 году выходит книга французского историка Фернана Ниэля «Альбигойцы и катары», автор которой утверждает, что «альбигойцы были анархистами, угрожавшими обществу», что их «истребление спасло человечество»¹. То есть оправдывалось кровавое злодеяние крестоносцев, уничтоживших в XIII веке цветущий край и разоривших Тулузу, гордость французского Юга.

Могла ли южанка Симона Шанжэ — Анн Голон остаться равнодушной к этой общественной борьбе? Нет, конечно. И, чтобы объяснить читателю свою в том убежденность, позволю небольшой исторический экскурс.

Вспомним, что такое юг Франции. «Юг помпезный, классический, театральный, обожающий зрелища, костюмы, подмостки, пышные султаны, фанфары и знамена, плещущиеся на ветру... Юг... с его красноречием... с его короткими и страшными вспышками гнева... А главное, с его воображением — оно является самой характерной чертой тамошней породы людей», — писал о нем Альфонс Доде, сам уроженец южного Нима².

Сравнительно недавние археологические исследования указывают на то, что культурные традиции этой местности восходят к палеолиту, когда были созданы, например, женские фигурки, найденные на территории климатического курорта Ментоны, или неолиту, о чем свидетельствуют менгиры³ Лангедока.

¹ Цит. по кн. И. Григулевича «История инквизиции», с. 91.

² Доде А. Собр. соч. в семи томах. — М., 1965. — Т. 6. — С. 470.

³ Менгир — на бретонском диалекте «длинный камень» — культовый доисторический памятник, вертикально врытый в землю камень длиной до 5 метров.

А за 600 лет до нашей эры на южном побережье Прованса высадились греческие колонисты из Фокеи. Когда их прекрасный, с двумя превосходными гаванями, храмами и дворцами, город был захвачен персами, фокейцы не пожелали им повиноваться, сложили на корабли свои сокровища и вместе с семьями отправились к берегам Галлии, пообещав вернуться лишь тогда, когда всплывет железо, потопленное ими у берегов Фокеи при отплытии. В основанную ими Массалию, как называли они будущий Марсель, фокейцы привезли священный огонь, зажженный от общественного очага на их родине. Неустанный труд колонистов способствовал развитию в Массалии науки и искусства. В III веке до н. э. жители Массалии подстрекали Рим к войне с Карфагеном — главным соперником греческой колонии в торговле. Во II веке — к войне с лигурами и кельтами. В результате тесных контактов с Римом выработалось римское название города — Массилия. А говорило население Прованса на трех языках: греческом, латинском и галльском. Много нового в язык Галлии привнесло завоевание ее франками, язык которых, соединившись с латынью, образовал романский язык. С развитием феодализма, означавшего торжество местных начал, увеличивалась разница между северо- и южно-французскими говорами. Провансальское наречие господствовало на обширном пространстве, некогда составлявшем семь провинций Галлии с ее театрами, цирками, школами, храмами...

Так на древе цивилизации раскрылись почки фокейской колонии, отдавшие щедрому южному солнцу нежный бутон культуры массилиотов, которому впоследствии суждено было распусться неповторимым цветком провансальской поэзии.

По словам Ф. Энгельса, провансальская нация «первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам. Она не только блестящим образом развила «одну фазу средневековой жизни», но

вызвала даже отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего средневековья»¹.

Так складывалась «тамошняя порода людей», уже от своих прапредков — фокейцев — унаследовавшая свободолюбие, гордость, энергию, красноречие, гибкость ума и находчивость. Носители древнейшей культуры, по-южному пылкие, общительные и восприимчивые, эти люди оказывали гостеприимство купцам и врачам, математикам и философам из мавританской Испании и Греции, Италии и арабского Востока.

На провансальской почве выросло европейское рыцарство, начали формироваться рыцарские идеалы. Здесь берет начало Реконкиста — отвоевание территорий, ранее захваченных арабами в Испании. В 1063—1064 годах первыми отправляются в Испанию рыцари из Тулузы и Аквитании.

«И вот оказывается, — пишет П. Декс, — что в соседней стране уже по крайней мере два столетия существует... оригинальная цивилизация, возникшая в результате слияния местной романской культуры с культурой завоевателей»².

Рыцари привносят в складывающийся в их среде куртуазный стиль утонченность, заимствованную у испанских арабов.

«Союз мужчины с женщиной облагораживался здесь наличием духовного сближения, — отмечал видный русский историк и литератор К. А. Иванов. — Такою же свободой пользовалась женщина и на юге Франции. Здесь женщины могли быть обладательницами поземельной собственности. Они пользовались в обществе большим влиянием. На этой-то почве и возникло здесь так называемое “служение дамам”...»³.

При дворах феодалов Юга впервые возникла куртуазная поэзия, центральное место которой отведено культу дамы. В лирике трубадуров, в куртуазном романе выделяется фигура рыцаря, совершающего подвиг служения даме. На Юге возникают Суды любви —

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 5. — С. 378.

² Декс П. Цит. соч., с. 341.

³ Иванов К. Трубадуры, труверы и миннезингеры. — Петроград, 1915. — С. 20.

придворные увеселения, в ходе которых дамы и кавалеры обсуждают различные «сложные случаи» в отношениях влюбленных. Появляются и трактаты о любви, из которых наиболее значительный — написанный по-латыни капелланом Марии Шампанской Андре Капелланом в 1184—1185 годах — «О любви», где он пытается систематизировать представления о любви от Овидия до куртуазной литературы, а затем формулирует правила любви.

И все же не латинские трактаты определяли дух «Gay Saber» — «веселого искусства», как называли свою поэзию трубадуры. Искусство это, возникшее из народных провансальских песен, хоть и усложнялось со временем, становясь более вычурным, но язык его оставался народным, и трубадуры доказали его превосходство над мертвенностью латыни.

В народной среде черпает южнофранцузское общество этого периода и свою философию, подрывающую догмы католицизма.

Известно, что борьба философских идей в эпоху раннего феодализма носила характер борьбы идей религиозных. То же касается и социальной борьбы. Как христианство, зародившееся в среде угнетенных, стало религией феодального общества, с течением времени зачеркнув, по сути, свое изначальное предназначение — поддержку низших слоев, так и антикатолическая ересь, зарождающаяся в кругах мелких ремесленников, крестьян и т. д., распространялась на классы феодалов, становилась знаменем их социальных устремлений и объединяла их с народными массами — постольку, поскольку объединение это было нужно борьбе за независимость: не только от ортодоксальной церкви, но и от королевского домена.

Альбигойская ересь получила свое название по городу Альби и графству Альбижуа (Альбигойя), где к концу XII в. распространилась секта так называемых катаров (от греческого *katharos* — чистый). Ее истоки — в вавилонском астральном, т. е. звездном, мировоззрении, рассматривавшем звезды как божества, Луну — как образ вечной жизни (ибо она умирает и воскресает), а Солнце — как силу, погашающую сияние небесных светил, т. е. — источник тьмы. Борьба добра со злом изображалась вавилонянами как борьба света с тьмою. Альбигойцы последовательно впитали и учение

пророка Заратустры — маздаизм, и манихейство — учение перса Мани, пытавшегося слить маздаизм с христианством. Вслед за Мани альбигойцы стремились возвратиться на пути достижения личного общения верующего с Богом и, следовательно, осуждали положения и действия католических клерикалов, отрицали храмы, таинства, иконы, крест. Однако, проповедуя аскетизм, альбигойское учение полагало, что истинная чистота возможна лишь для избранных — собственно катаров, т. е. святых утешителей верующих, а этим последним, признающим принцип, но не обладающим силами привести его в жизнь, оставляла возможность жить в довольно свободных рамках. Эта-то свобода образа жизни, раскованность духа, еретические воззрения на религию — все эти черты царящих на юге Франции взглядов не могли не вызвать резко отрицательного отношения Римской церкви.

Взошедший на папский престол в 1198 году Иннокентий III, призывая к Четвертому крестовому походу на Константинополь и Византию, одновременно обратил внимание на чрезмерное усиление партии альбигойцев. Рупором его идей стал некий Фульк из Нейи, городка на Марне. В ноябре 1199 года Фульк выступил с проповедью в шампанском замке Экри, после чего многие из присутствовавших приняли обет встать на «стезю Господню». Среди этих многих был и граф из Рамулье Симон де Монфор IV. Следуя наставлениям Августина, требовавшего насильственного возврата еретиков в лоно церкви, папа Иннокентий III послал в Южную Францию своих легатов, которые через светские власти стали подвергать еретиков самым тяжелым наказаниям. В результате этих злоупотреблений в 1208 году был убит папский легат Пьеро Кастельно, и это дало папе повод возбудить против альбигойцев крестовый поход. Возглавил его в 1209 году Симон де Монфор. Началось «завоевание Тулузы армией крестоносцев. Любовь, грацию и веселье сменили варвары и святой Доминик... Это были наши отцы; они убивали и опустошали все сплошь... их воспламеняла дикая ярость против всего, что носило какой-нибудь отпечаток цивилизации, к тому же они не понимали ни слова из этого прекрасного южного языка, и бешенство их от этого

еще усиливалось. Весьма суеверные и предводительствуемые ужасным св. Домиником, они верили в то, что попадут на небо, если будут убивать провансальцев. Для тех все было кончено: конец любви, конец веселью, конец поэзии...»¹

Альбигойские войны, длившиеся двадцать лет, — это период выражения злобы и жажды мести в яростных сирвентах провансальских и лангедокских трубадуров. «Ты, Рим, поверг мир в борьбу и несчастье, — писал Гильом Фигейра. — Добродетель и заслуги... похоронены тобою, коварный Рим, корень и вершина всякого зла... Но пусть святой дух, облекшийся в человеческую плоть, услышит мои мольбы и беспощадно разрушит тебя... Ты отнимаешь мясо у бедняка. Ты отпускаешь грехи за деньги»².

В период упадка лирической поэзии семь тулузских горожан решили предпринять шаги к поощрению творческой деятельности. В 1323 году они основали в Тулузе, на улице Августинцев, Консистиорию Веселой Науки (*La Gaya Scienza*), ежегодно в первое воскресенье мая устраивавшую поэтические состязания. В 1324 году был выработан кодекс правил стихосложения под названием «Законы любви».

«Но все эти попытки не привели ни к чему: никакие гальванические токи не могли воскресить к жизни трупа»³. Провансальская литература пришла в упадок на века...

Приношу читателю извинение за это отступление, но, по моему глубокому убеждению, без него невозможно понять во всей полноте суть происходящего в романе Голон. Но чтобы разобраться в его главном конфликте, следует добавить несколько слов

¹ Стендаль. Собр. соч. в 15 томах. — Т. 4. — М., 1959. — С. 520—521. Стендаль неточно указывает дату завоевания северянами Тулузы: 1328 год вместо 1218. Как ни странно, ошибку эту не исправили ни автор комментариев к его работе в указанном собрании, А. Смирнов, ни цитирующий ее в своей книге «Три влечения» Ю. Рюриков, попросту повторяющий неточность Стендаля.

² Цит. по книге П. Когана «Очерки по истории западноевропейской литературы». — М., 1934. — С. 19.

³ Иванов К. Цит. соч., с. 51.

об одном из главных действующих лиц, о персонаже историческом — короле Луи XIV.

Коронация Луи (Людовика) XIV происходила в 1654 году в Реймсе, где с 1179 года короновались французские короли. Реймс был городом, где в 496 году принял крещение первый король франков Клови (Хлодвиг). При короновании Луи XIV был помазан миром из сосуда, который, по преданию, был послан с небес для помазания Клови. Таким образом, Луи считался «помазанником Божиим». Коронованный на царство короной Шарлеманя (Карла Великого), которого короновал сам Римский Папа, Луи претендовал на наследие своего далекого предка, правившего, кроме Франции, Нидерландами, территорией современной Австрии, половиной Италии и половиной Германии.

Крупнейшая в Европе по численности населения страна¹, Франция была разобщена не только потому, что большая часть французов не говорила и не понимала по-французски (они говорили на бретонском, фламандском языках или одном из сотни диалектов), но и потому, что провинциальные губернаторы чувствовали себя совершенно независимыми хозяевами подвластной им территории: они произвольно повышали налоги или объявляли, например, штраф за пререкания.

«То и дело короля приветствуют как поборника прав человека, — пишет английский историк В. Кронин. — Во время Фронды и даже короткое время после нее в провинциях, где королевская власть все еще была слаба, дворяне безнаказанно грабили, пытали и убивали... Дворянин мог убить человека за то, что тот не приветствовал его. Только сильный король мог держать под контролем этих буйных господ»².

Кроме раздора в государстве, Фронда принесла немало бедствий непосредственно королевской семье, приведя ее к нищете. По воспоминаниям Ла-Порта, камердинера десятилетнего в то время короля, Луи «ходил зимой и летом в зеленом бархатном, подбитом

¹ 18 миллионов против 14 миллионов России.

² Cronin V. Louis XIV. — London, 1968. — P. 77.

белкой халате; на второй год его величество так подрос, что он доставал ему до икр. Простыни у него были полны дыр, и я часто находил его ноги просунутыми в эти дыры на голом матраце»¹.

В то время, пишет В. Кронин со ссылкой на того же Ла-Порта и другого камердинера короля, Дюбуа, «просто потому, что придворные были заняты и заморочены, король бывал голоден... Он и Филипп (младший брат короля. — С. Ш.) обычно перехватывали еду королевы на пути из кухни и улепетывали с омлетом»².

Мало что изменилось и к 1660 году — времени бракосочетания короля: «Мазарини был не только в несколько раз богаче Луи: он подчеркивал это с неприятной откровенностью. Однажды вечером, в Великий пост, например, Луи должен был довольствоваться на ужин двумя камбалами, тогда как Мазарини подали на стол сорок таких рыб»³.

Годовой доход короля за 1661 и 1662 годы был истрачен. Индустрия страны закоснела, торговля была в застое, казна пуста, зерно импортировалось, национальный долг возрос до 143 миллионов: Франция была скрытым банкротом. Совершенно естественно, что раздражение Луи XIV достигло апогея.

В это время и сталкивает автор «Анжелики» короля Франции с графом Тулузы, Жоффреем де Пейраком. «Он не забыл тех дней, когда принцы крови вели с ним войну, — говорит о короле Великая Мадемуазель — мадемуазель де Монпансье. — Его величество опасается всех, кто слишком высоко поднимает голову». А южанин Пейрак, само собою, поднимает голову непомерно высоко!

В конфликте французского короля с тулузским графом сталкиваются, таким образом, исторически сложившиеся потенциалы: «помазанник Божий», олицетворявший единую Францию, — и гордец из Лангедока, чья родословная древнее родословной стремящегося во что бы то ни стало утвердиться монарха. С одной

¹ Cronin V. Louis XIV. — P. 51.

² Там же.

³ Cronin V. Louis XIV. — P. 96.

стороны — чрезмерно раздраженный своей полной лишений (и в этом парадокс!) жизнью король, с другой — самый влиятельный и богатый человек в Лангедоке.

Незадолго до торжеств по случаю бракосочетания Луи XIV «посетил и усмирил главные города Прованса, ...выбивая последних членов Фронды!»¹. И в то же время, когда «все подданные Луи, независимо от приверженности к той или иной церкви, объединились в верноподданническом порыве, ...слышен был лишь один диссонанс: некий Пьер де Бертье, епископ Монтобана, нападал на протестантов Гианны и Лангедока и предлагал королю принять жесткие меры к так называемой реформистской религии»².

«Великий Лангедокский Хромой» — Жоффрей де Пейрак, изуродованный в детстве религиозными фанатиками, не только позволяет себе смерить короля «надменным взглядом, словно это был какой-то незнакомец», но и пререкается с архиепископом Тулузы. Эти стычки исполнены обоюдной ненависти, которая берет начало в Альбигойских войнах.

Вместе с героиней романа мы погружаемся в самобытную атмосферу французского Юга: начиная с той театральности, с которой обставлено бракосочетание супругов де Пейрак — от средневекового обычая «свадьбы по доверенности» до массового действия на улицах Тулузы.

Название дворца Пейрака — дворец Веселой Науки, — как мы видели, берет начало в XIV веке.

Назвав Анжелику де Сансе своей избранницей и получая в качестве приданого ее рудник, Жоффрей видит в ней владелицу земельной собственности, подобную уважаемым женщинам Южной Франции эпохи рыцарства. К тому же Анжелика — пуатевинка, а в наречии, на котором говорят пуатевинские крестьяне, есть элементы провансальского языка. Таким образом, выбор его не случаен. Как не случайны и имена детей супругов Пейрак.

¹ Cronin V. Louis XIV. — P. 113.

² Там же, p. 78.

Старший назван Флоримоном, поскольку он родился в разгар праздников по случаю присуждения премий Тулузской Цветочной Академии — Academie des Jeux Floraux — как она, эта литературная академия, называется и по сей день. (Победителям в конкурсах — Цветочных играх — выдаются в качестве премий «Золотая фиалка», «Серебряный шиповник», «Серебряные ноготки».) Младший сын Анжелики и Жоффрея окрещен Кантором в память о лангедокском трубадуре Канторе де Мармоне.

Разговоры за столом графа Пейрака содержательны, разнообразны и по-южному темпераментны — настроение участников быстро меняется. Вот только что Жоффрей кричал архиепископу: «Вы — захватчик! Северянин!» — но уже в следующую минуту гости раздражаются смехом от странной фразы хозяина: «Что вы делаете за моим столом?», которая то ли продолжает его гневную тираду, то ли представляет собою уже призыв к самому себе остепениться. Точность этой детали подтверждает свидетельство Ильи Эренбурга: «Не раз во Франции мне приходилось наблюдать, как среди спора, принимавшего драматический характер, кто-нибудь отпускал шутку, и сразу обстановка менялась»¹.

Человек, побывавший в самых разных краях, владеющий многими языками, ученый, практикующий в собственной лаборатории, где им сделаны некоторые открытия в области математики, физики, химии, предприниматель-горнопромышленник и металлург, знаток поэзии, поэт и певец, фехтовальщик и наездник, сердечный и великодушный — Пейрак, кажется, предстает как некий идеал. В любви он изыскан, и это, несмотря на увечья, возвышает его над окружающими. Но утонченность, сердечность и великодушие сложно переплетаются в его характере с заносчивостью, дворянским высокомерием, индивидуализмом, граничащим порою с жестокостью. Такие противоречия позволяют авторам уйти от схематичности образа, и мы начинаем верить, что

¹ Эренбург И. Французские тетради. — М., 1959. — С. 53.

положительные качества де Пейрака вполне доступны земному человеку, хотя, конечно, это человек незаурядный.

Насколько прост такой человек в повседневной жизни, а именно в супружеской? Легко ли, выражаясь проще, любить такого мужа? Ответ напрашивается сам собой — разумеется, отрицательный: нет, не просто, нет, не легко. Хотя... не любить его невозможно. И это, еще одно, противоречие уже само по себе требует от Анжелики ума, гибкости, духовной верности Жоффрею.

Годы супружества сближают Анжелику с мужем и его окружением. На бракосочетании короля она отмечает, что речь окружающих, не окрашенная южным акцентом, кажется ей странной. Она уже вполне чувствует себя аквитанкой, и это ощущение позволяет ей в минуту опасности воскликнуть: «Ко мне, гасконцы, спасите меня от северян!» Ее призыва оказывается достаточно, чтобы два дворянина, обнажив шпаги, бросились — не больше, не меньше — на родного брата самого короля! Что это? Незнание авторами этикета, вольное обращение с историей — или более глубокое следование исторической правде, чем можно предположить на первый взгляд? Думаю, что — последнее.

Гасконцы де Лозен и д'Анджос врываются в комнату, где Мессье (так принято при дворе называть брата короля) вознамерился прикончить отравленную им Анжелику, не потому, что они плохо воспитаны, не потому, что авторы приносят достоверность в жертву развлекательности, а потому, что, не вступившись они за землячку, на них падет проклятие их предков — катаров: предав сестру-южанку, они будут отвержены в мир Сатаны и навлекут кару на весь свой род. А такая угроза пострашней угроз, которые могут пустить в ход какие-то выскочки — Бурбоны! Да-да, именно выскочки по сравнению с гасконцами — потомками басков и вестготов (визиготов), родину которых в 602 году франки присоединили к Аквитании...

По этой же причине председатель суда Массно, будучи в более чем недружелюбных отношениях с графом Тулузы, прочитав обвинительный приговор, посылающий де Пейрака на костер, внезапно закрывает глаза рукой и обращается к осужденному со

словами покаяния на провансальском языке: «Прости, брат мой, прощай, земляк!»»

Польский критик Данута Карч, отмечая, что «со времен Дюма роман плаща и шпаги не переживал столь ошеломительной карьеры»¹, высказывает предположение, что «более тщательный анализ... родословной цикла приключений Анжелики нашел бы другие объяснения его массовой популярности, чем только увлеченность потребителей кича»².

Как видно из приведенного выше «анализа родословной» романа Голон, все изящество и галантность Аквитании, которые хотел возродить в своем дворце Веселой Науки Великий Лангедокский Хромой, стали исходной позицией авторов при выборе стилистики произведения. Рассказ о потомке древних графов Тулузы, исповедовавшем принципы провансальской культуры, авторы ведут в соответствии с законами этой самой культуры, в духе порожденной ею куртуазной литературы.

Именно куртуазной литературе свойственна «авантюра» как средство раскрытия положительных качеств героя-рыцаря. Именно в куртуазной среде под влиянием возрожденных античных традиций, любовно-спиритуалистических теорий провансальцев и арабов, суммированных Андре Капелланом в книге, о которой мы упоминали выше и которую часто цитирует Пейрак, зародился жанр куртуазного романа. Именно в этой среде черпают супруги Голон вдохновение для создания романа-потока, в котором приключение сочетается с реалистичностью, а эротика — с индивидуальной психологической характеристикой.

С этой точки зрения становится очевидной ошибка тех, кто полагает, что «восточные» части романа «ближе к сказкам “1001 ночи”, чем к рыцарскому роману», — только потому, что «действие их происходит в экзотической марокканской обстановке»³.

¹ Karcz D. *Filmy płaszcza i szpadzy*. — Warszawa, 1973. — S. 150.

² Там же, с. 152.

³ Karcz D. *Цит. соч.*, с. 156

Восток — неотъемлемая часть куртуазной литературы, которая несла отпечаток ориентальных впечатлений участников крестовых походов: ведь среди них было немало литераторов (как, например, Жоффруа Виллардуэн)!

«Интерес к Востоку во Франции, — пишет М. В. Разумовская, — имел причины общественно-политического, экономического, социального, философского, эстетического характера. Первоначальным источником известий о Востоке была деловая проза — отчеты послов, купцов, миссионеров, ученых, путешественников. Но подлинную атмосферу Востока, живую картину быта и нравов раскрыли перед европейцами арабские сказки «1001 ночи» (1704—1717), переведенные на французский язык Антуаном Галланом»¹.

Явно несостоятелен сарказм тех, кто высмеивал «предприимчивость, бесстрашие общения с сильными мира сего» самой Анжелики, ибо куртуазный роман дал новый тип женщины: умной, находчивой, очень деятельной, сильно чувствующей.

Именно классик куртуазного романа Кретьен де Труа «открывает своим последователям новый мир, целый, никем не исследованный поэтический континент: это — поведение женщин и их психология, а также поведение и психология мужчин, в их отношении к женщине»², именно «Кретьен изображает триумф человеческой любви, торжество ее над всем, что было направлено к ее разрушению»³. И то, и другое свойственно и роману Голон.

Следует помнить, что традиции средневекового рыцарского романа — прямое продолжение античных историй о приключениях двух любящих сердец. Отсюда — органическое чередование в произведении Голон всех разновидностей приключенческого романа: роман «плаща и шпаги» сменяют плутовской, восточный, морской, разбойничий романы, роман об индейцах.

¹ Разумовская М. В. О сказке. В кн.: «Французская литературная сказка». — М., 1983. — С. 21.

² Декс П. Цит. соч., с. 77.

³ Там же, с. 79.

Анн Голон подтверждает, что корни ее произведения уходят в традиции куртуазной литературы: победу супругов Пейрак над «посредственностями всех мастей» они считают равной отысканию Чаши Грааля, «единственному преимуществу паладинов». Напомним, что поиски рыцарями-паладинами Святой Чаши представляют собой мотив многих куртуазных романов, в том числе — романов Кретьена де Труа.

С первых же строк первой же книги романа Голон мы погружаемся в атмосферу народных легенд и верований — что, между прочим, тоже представляет собою своеобразный мостик в куртуазную литературу, проявлявшую большой интерес к народной фантастике.

Ставший традиционным злодеем народных преданий и получивший в устах народа титул Людоеда Жиль де Рец, старая дама из Монтелу, другие герои легенд и сказок, передаваемых няней Анжелики Фантиной, — вот образы, вводящие нас в мир, открывающийся перед юной героиней романа. В духе этих сказок воспринимается Анжеликой и первое сообщение пастушка Николя о странном облике и характере ее будущего мужа: мол, говорят, он хром и уродлив, как дьявол, а в своем замке в Тулузе завлекает женщин всякими зельями и песнями. Но за страшной внешностью Синей Бороды кроется прекрасная душа Жоффрея, его ум, таланты, знания. Так заявляет о себе тема мужа-чудовища и — в дальнейшем — поисков пропавшего супруга, многожды «проигранная» мировой литературой — от истории Амура и Психеи до современной супругам де Пейрак сказки Шарля Перро «Рике-Хохолок», — дошедшая до нас в виде аксаковского «Аленького цветочка».

Все заявленные в начале повествования фольклорные образные формы рано или поздно имеют в «Анжелике» свое очень оригинальное развитие.

Няня — этот почти сказочный образ простой женщины, носительницы духовной чистоты и духовного богатства народа — проходит через несколько книг. Няню Анжелики Фантину сменил няня ее детей Барба, а затем нам покажут мадам Амлен, старую няню Луи XIV, которая будит его перед церемонией

утреннего королевского туалета и исчезает до следующего утра. И еще: в порыве откровенности Филипп дю Плесси, второй муж Анжелики, признается, что чувство привязанности этот черствый, с малолетства испорченный безнравственностью придворного Парижа человек испытывал лишь к няне: она присутствует и на странной, мрачной церемонии его бракосочетания с Анжеликой.

«Людоеда» Жилия де Реца в «Пути в Версаль» сменяет Людоед — начальник стражи тюрьмы Шатле. Пастушок Николя, ставший главарем парижской воровской шайки, воспринимается Анжеликой как дитя, подмененное феями, из сказок Фантины.

А вот эпизод обольщения Жоффреем собственной жены в ночном саду загородного павильона получит развитие в последующих романах неоднократно. Но если разговор Анжелики с облаченным в маску Золотым голосом королевства напоминает неразбериху свидания графа Альмавивы с графиней Розиной, то психологическая дуэль героини с загадочным Рескатором, оказавшимся ее утраченным мужем, склонным считать, что она предала его, — этот поединок «пришельца с того света» с любимой женщиной сродни трагическому конфликту между Артуром-Оводом и Джеммой, героями романа Э.-Л. Войнич.

Есть ли логика в поведении де Пейрака? Зачем эта игра в первой части повествования? Почему, ни выкупая ее на невольничьем рынке в Канди, ни приняв ее вместе с гугенотами, бегущими от преследования королевских драгун, на борт своего судна, не открывает Пейрак-Рескатор своего лица Анжелике?

Безусловно, есть логика в каждом его шаге. Ученик провансальских трубадуров, Пейрак не мог отказаться от игры, от неторопливости в выяснении отношений с вновь обретенной женой: такова традиция провансальского культа любви, который он исповедует.

Впитавший с молоком матери жаркий соленый воздух Южной Франции, Жоффрей жил в окружении ее легенд, ее своеобразной культуры, обычаев. В де Пейраке удивительным образом сочетаются, казалось бы, противоположные качества: пылливый ум уче-

ного и поэтичное мироощущение последователя провансальских трубадуров. Так погружены в атмосферу легенд, суеверий, верований жители Карпат: об этом поэтично поведал в повести «Тени забытых предков» украинский писатель Михайло Коцюбинский¹. В значительной степени сказочный дух живет в этом романтическом крае поныне. Так в 50-е годы XX века Джон Уэйн и Джон Форд верхом и в широкополых шляпах целыми днями разыгрывали сценки из жизни Дикого Запада на ранчо Генри Фонда² — это ли не пример проникновения в мир интеллигентного человека мифа, легенды, романтической сказки детства?

Наличие своеобразных сцен-перевертышей, в которых однажды смоделированная ситуация, подобно алмазу, играет, в зависимости от освещения, разными гранями, характерно для романа Голон вообще.

Познакомившись со стихами Грязного поэта, высмеивавшего Пейрака, Анжелика высказывает желание увидеть «щелкопера» Клода Ле-Пти повешенным, а адвокат Дегре называет его «недремлющим оком Парижа». Анжелика сблизится с поэтом, за которым охотится ставший к тому времени полицейским Дегре, — и охота эта закончится исполнением желания, высказанного Анжеликой, повергнувшим несколько позже ее же в отчаяние.

Во время первой «встречи» Анжелики с обитателями Двора Чудес, когда Николя и Родогон Египтянин оспаривают друг у друга право обладать ею, патрон преступного сброда — Великий Кесарь — предлагает раздеть женщину, чтобы соперникам было легче торговаться. Циничная шутка, не более. Но, оказывается, в ней заключено жуткое пророчество: потом Анжелика окажется обнаженной на невольничьем рынке в Канди, и о ней будут торговаться Рескатор-Пейрак и пират д'Эскренвиль.

¹ Коцюбинский Михаил Михайлович (1864—1913), упомянутая повесть написана в 1912 году.

² Фонда Генри (1905—1982) — американский актер, известный в России по фильмам «Война и мир», «12 разгневанных мужчин», «Моя дорогая Клементина». Режиссер последнего — Джон Форд (1895—1973) — классик «вестерна», еще одной живой легендой которого был актер Джон Уэйн (1907—1979).

Сам же спор Николя и Родогона представляет собой печальный слепок со столкновения де Пейрака с Жермонтазом, за которым последовал лаконичный призыв Жоффрея к жене — «Пойдем!», положивший начало их физическому сближению. Совпадает здесь все, даже появление защитника героини в маске. Но точно так же, как отвратительная личина Николя-Каламбрена отличается от элегантной бархатной маски де Пейрака, так и грубые ласки Николя оскверняют ее воспоминания об изысканной любви Жоффрея.

Почему содрогается Анжелика от слов Клода Ле-Пти: «Иди же!», отпрянув от его протянутой руки? Потому что вот так же протянул к ней руку, так же позвал ее Жоффрей, только что защитивший ее честь на дуэли с Жермонтазом.

«Вы и я — чего бы мы только не совершили вместе!» — эту фразу слышит Анжелика от короля Франции и от короля белых рабов Мекнеса, поражаясь парадоксальности такого сходства чувств, испытываемых столь разными людьми.

Или — сцены, связанные с Бастилией. Анжелика добивается аудиенции у короля, чтобы просить о помиловании заключенного в тюрьму Жоффрея. Далее мы находим трагический слепок этой сцены. В результате скандальной дуэли, причиной которой была Анжелика, в Бастилию угодили Филипп дю Плесси и фаворит короля де Лозен. Анжелика явилась к Луи:

«— Сир, Бастилия... — само звучание кошмарного слова, слетевшего с ее уст, заставило ее замолчать. Дурное начало! Она в тревоге ломала руки.

— Ну, — мягко сказал король, — за кого же вы пришли просить — за месье де Лозена или за месье дю Плесси?

— Сир, — воспряла духом Анжелика, — моей единственной заботой является судьба моего мужа».

Но сам он, Филипп, — не Жоффрей. И патетическое отчаяние, охватившее Анжелику, вдребезги разбивается о непроходимое чванство ее второго мужа:

«— А куда бы вы хотели, чтоб меня заперли? — вызывающе спросил Филипп. — В Шатле, с черню?»

Наконец, гневная фраза монарха: «Все мои дамы по праву принадлежат мне!» — разве это не повторение фразеологической конструкции палача мастера Обена, некогда столь же надменно заявившего Анжелике: «Все, что я нахожу в карманах тех, кого пытаю, по праву принадлежит мне?»

Описанный прием, изящный и меткий, как шпага, заимствован Голон из рыцарских романов, «фабула которых, — пишет М. Разумовская, — осложнена многократным использованием однородных мотивов, что свойственно сказке»¹.

«Сказочные свойства героев» романа Голон отмечала Данута Карч. Но означает ли это, что, по выражению Ирины Рубановой, «продукция супругов Голон — это сочинительство, оторванное от действительности, от ее запросов, от ее борьбы»? Нет, конечно. Так мог сказать лишь человек, не сведущий в истории французской литературы. В том-то и дело, что французская сказка, особенно — литературная, «тесно связана с мировоззрением автора и несет приметы исторической эпохи, в которую он жил и творил»².

«Можно сожалеть об этом или радоваться, но тексты упрямы и не подчиняются требованиям, предположениям и пожеланиям, которые мы высказываем по их поводу. Они налицо, они существуют, и с этим ничего не поделаешь. И присущий им гуманизм, исполненный горделивой веры в человека, шествующий рука в руку с поэтическим преувеличением, которым отмечены и подвиги, и мечты, предстает перед нами, как яркий цветок весны...»³. Эти слова П. Декса относятся к сочинениям Кретьена.

Вопреки ухмылкам снобов, мы считаем, что их вполне заслужили и книги Голон.

*Сергей Щепотьев, писатель, искусствовед,
член СП Ленинградской области и Санкт-Петербурга
1984—1991, 2001, 2008*

¹ Разумовская М. Указ. соч., с. 10.

² Там же, с. 7.

³ Декс П. Указ. соч., с. 80.

Предисловие к оригинальному изданию

В 1995 году во время судебного процесса об авторских и художественных правах на литературное произведение, который проходил во Франции, Анн Голон обнаружила, что опубликованные тексты ее романов — в частности, последние изданные книги — были без ее ведома переделаны и сокращены агентами и издателями, которые весьма небрежно отнеслись к рукописям писательницы. И тогда автор решила восстановить свои произведения в первоначальном объеме, а также добавила к ним новые части. В восемьдесят лет Анн Голон не только продолжила написание истории о своей героине, но и взвалила на свои плечи тяжелейшую задачу — выпустить полное издание всех книг о ней (см. том 1)...

Первый том «Анжелики» был издан в 1956 году в Германии («Édition Première»), в 1957 году он появился во Франции, в Англии, в Италии... За ним последовали следующие части. Эти книги прочли сотни миллионов людей во всем мире, и они не обманулись в своих ожиданиях, даже если не осмелились в этом признаться. Ведь речь идет о Великом Литературном Произведении.

«Анжелика» и ее замечательные персонажи — Анжелика де Сансе, Маркиза Ангелов, и Жоффри де Пейрак, — появившиеся на свет благодаря удивительному таланту романистки и историка мадам Анн Голон, до сих пор любимы и востребованы читателями.

«Анжелика. Впервые полностью» — произведение, до настоящего времени ни разу не публиковавшееся целиком, будет на-

считывать более двадцати томов. Мечта, или, если хотите, вызов грядущим столетиям — этот проект столь же грандиозен и блистателен, как строительство Версальского дворца, предпринятое Людовиком XIV.

«Анжелика» — литературное явление, прославившее французский язык, сага, неразрывно связанная с историей XVII века, удачайшее сочетание приключенческого романа и серьезного исторического труда, посвященного правлению «короля-солнца». Изучаемое в институтах, это произведение стало предметом многочисленных диссертаций, написанных во Франции (Тулуза, Венсен), в России (Москва) и во многих других странах...

И пусть тем, кто намеренно поддерживает плагиаторов и всевозможных авторов-самозванцев, этот и не нравится, но «Анжелика» — не просто имя, а название Произведения, созданного ныне живой и здравствующей Анн Голон, самым читаемым франкоязычным автором в мире.

Писательница подарила свету свою героиню Анжелику отнюдь не когда той исполнилось двадцать лет; Голон познакомила читателей не с ветреницей и кокеткой, как пытались представить в шестидесятых годах двадцатого века некоторые средства массовой информации, но со смелым, любознательным и шаловливым ребенком, живущим под сенью самой Природы в старом фамильном замке в Пуату.

Этот исторический роман — прежде всего великолепная эпопея, где действуют персонажи, живущие бок о бок с реальными политическими деятелями XVII века. Это было время, когда миром правила религия, на которую опиралась политика той эпохи, — время охоты на ведьм и хитроумных интриг.

В первом томе саги, «Маркиза Ангелов», показана юная Анжелика, которая после нескольких лет, проведенных в монастыре, где она получала образование, сумела сохранить свою непосредственность и прямоту, а также способность противостоять любым испытаниям...

В начале книги «Тулузская свадьба» (том 2) Анжелика вынуждена покинуть родной Пуату, семью и друзей. После брако-

сочетания по доверенности она стала женой графа Жоффрея де Пейрака, Великого Лангедокского Хромого, которого молодая женщина даже никогда не видела. Анжелика решилась на этот поступок ради того, чтобы спасти отца и семью от нищеты.

И вот лошади мчат ее в Тулузу, где красавицу ждет супруг...

Дорогие читатели, вместе с книгой «Анжелика. Впервые полностью» мы желаем каждому из вас совершить увлекательное путешествие вглубь веков, во времена «короля-солнца».

Издательство Refuge

*Тулузская
свадьба*

Том II

1656—1659

Часть первая

Проданная невеста

Глава 1

Дорога в неизвестность. — Анжелика не перестает надеяться
1656

Карета, в которой Анжелика расположилась между горничной Марго и маркизом д'Андижосом, поражала обилием подушек и богатой обивкой, но молодая женщина не могла по достоинству оценить этот доселе незнакомый ей комфорт. По правде говоря, предыдущей ночью она так и не сомкнула глаз. Еще долго после злополучной сцены в сарае новоиспеченная графиня возглавляла застолье и вежливо улыбалась тем гостям, которые еще не утратили способности передвигаться и подходили к Анжелике, чтобы поздравить ее с удавшимся праздником или попрощаться. Когда она смогла наконец вернуться в замок, успела только сменить наряд и даже не прилегла на кровать, чтобы отдохнуть. Близился час отъезда.

Согласно обычаю, молодожены должны были отправиться в путь рано утром, чтобы избежать лишнего шума, и дворяне Юга, отважно сбросив оковы хмельного сна, взгромоздились на своих скакунов и принялись созывать слуг, формируя караван, отправляющийся домой.

Все еще находясь под впечатлением от скандального инцидента с Николя, Анжелика поднялась в карету и рассеянно попрощалась с домочадцами, стоявшими в тени ворот.

Запряженная четырьмя крепкими лошадьми карета, покачиваясь и поскрипывая, преодолела подъемный мост и, набирая

скорость, погрузилась в ватный туман, окутывавший еще дремлющую темную деревню.

Анжелика знала, что покидает Монтелу навсегда, но была неспособна собраться с мыслями. Время от времени от нахлынувших воспоминаний ее щеки начинали гореть: по вине сумасшедшей тетки Жанны Гийом Лютцен видел, как она, Анжелика, валяется на сене с простым слугой! Это видение пробуждало в ее душе одновременно стыд и ярость.

Кроме того, она испытывала почти болезненное чувство от осознания, что ее чаяния не сбылись, а замысел провалился. То, что должно было случиться, на что она так надеялась, подчинившись почти животному порыву и безумной страсти, так и не произошло. Она подарит девственность безобразному, навязанному ей супругу. И Анжелика все сильнее злилась на тетю Жанну.

«Старая дура, злобная паучиха! Она отлично знала, в какую минуту нанести удар!»

Лишь когда окончательно рассвело, Анжелика наконец осознала, что с ней происходит.

Она уезжает. Она уезжает! И навсегда покидает Монтелу.

Но пока еще они не пересекли границу ее родной провинции. Четыре кареты и две тяжелые повозки катили по направлению к Ньюру. Анжелике с трудом верилось, что весь этот роскошный эскорт — гарцующие лошади, разодетые форейторы, поскрипывающие экипажи — суетится и шумит ради нее одной. Просто невероятно, что облака пыли, клубящиеся над дорогой, поднялись исключительно «в честь мадемуазель де Сансе», которой прежде доводилось путешествовать только в сопровождении вооруженного пикой старого слуги.

Лакеи, оруженосцы, слуги, горничные и музыканты обосновались в больших повозках прямо рядом с поклажей. Солнечные лучи освещали процессию смуглолицых людей, едущих по дороге среди цветущих фруктовых садов. Они оставляли за собой смех, песни, треньканье гитарных струн и резкий запах навоза. Беззаботные дети Юга возвращались на свою сияющую родину, благоухающую чесноком и отменным вином.

В этом развеселом обществе один только мастер Клеман Тоннель сумел сохранить свой чопорный вид. Дворецкий, нанятый в Монтелу лишь на время свадебных торжеств, попросил отвезти его в Ньор: таким образом он рассчитывал сэкономить на дорожных расходах. Но в первый же вечер, едва процессия тронулась в путь, Клеман Тоннель подошел к Анжелике и предложил ей свои услуги в качестве либо дворецкого, либо камердинера. Тоннель объяснил, что служил в Париже у весьма знатных особ, чьи имена не преминул перечислить. Приехав в родной Ньор, чтобы уладить дела, связанные с наследством почившего отца-мясника, Клеман узнал, что его последнее место занято каким-то пронырливым слугой-интриганом. И теперь дворецкий искал достойный дом, куда мог бы поступить на службу. Скромный, но преисполненный достоинства, он сразу же завоевал расположение служанки Маргариты, которая заявила, что такой вышколенный слуга будет с радостью принят во дворце в Тулузе. Господин граф окружает себя слишком большим количеством людей с разным цветом кожи, которые, увы, не всегда должным образом исполняют свои обязанности. Каждый норовит понежиться на солнышке, а самый ленивый из всех, разумеется, тот, кто ими руководит — управляющий Альфонсо.

Итак, Анжелика наняла мастера Клемана. Однако, сама не понимая почему, она испытывала странную робость в его присутствии, хотя при этом была благодарна ему за то, что он говорит, «как все нормальные люди», то есть без этого невыносимого акцента, который уже приводил ее в отчаяние. В конце концов этот сдержанный, услужливый, порой до раболепства, постоянно кланяющийся маленький человек, который еще вчера был незнакомым слугой, будет напоминать Анжелике, отправившейся в далекую ссылку, о ее родных местах.

В Ньоре, где они остановились на два дня, чтобы все могли вымыться и насладиться комфортом перед долгим путешествием, Анжелика присутствовала при погрузке бочек с изысканным вином, которые извлекали из недр замечательного склада, арендованного на набережной Севр-Ньортез. Бочки водрузили на телегу, запряженную двумя сильными серыми в яблоках лошадьми

той особенной породы, которую называли «пуатевинской» и которую некогда так расхваливал Молин.

Анжелика видела, как лошади тяжелой рысью резво пустились по дороге, по которой накануне она сама прибыла в Ньор.

«Все ради утешения вашей семьи», — всплыли в памяти Анжелики восторженные слова д'Андижоса.

Итак, бочки отправлялись в Монтелу, где соседи и прибывшие гости продолжали веселиться в замке, поднимая бокалы за здоровье невесты, и внезапно Анжелика осознала, что ее связь с родными оборвалась навсегда.

Расцеловала ли она отца, который вышел к воротам и стоял среди растерянных провожающих? Ее сердце разрывалось от одной только мысли, что она уехала рассерженной на весь мир. Точнее, все сердились на нее. Какая несправедливость, что близкие ополчились на Анжелику: кормилица со своими зловещими предсказаниями, старый Лютцен, не пожелавший слушать никаких объяснений и оскорбившийся больше, чем оскорбился бы ее собственный отец, если бы случайно узнал о скандале, способном разрушить все его надежды! «Анжелика, ты никогда не изменишься!» — сказал бы барон Арман.

А Пюльшери? А дети? Разве она обняла их на прощание?

Отныне Анжелика осталась одна.

Марго и служанки ни на секунду не покидали новую хозяйку, спешили предугадать ее малейшее желание, пытались развлечь, наставляли, но она потеряла главное — Монтелу.

Увидев мрачную Анжелику, стоящую на набережной и смотрящую на причаливающие плоскодонные суда, неизменно внимательный маркиз д'Андижос спросил, не желает ли она добраться до средиземноморской провинции водным путем. Он объяснил, что именно так доставляют в те края особо хрупкие грузы. И — Бог свидетель! — чтобы сопроводить графиню де Пейрак в далекую Тулузу, он готов выполнить любое ее требование и окружить всеми возможными удобствами!

Но морское путешествие сопряжено с определенными трудностями.

Во-первых, миновав берега Сентонжа и Бордо, путешественники будут вынуждены выйти в Бискайский залив, в котором часто свирепствуют жестокие бури. Во-вторых, в этих водах хозяйничают пираты: берберы, алжирцы или марокканцы; и поскольку любые, даже самые изысканные напитки, будь то вино или что-нибудь покрепче, их мало привлекают, ведь религия запрещает им употреблять спиртное, они непременно захотят захватить молодую женщину, о красоте которой уже слагают легенды.

Именно по этой причине граф де Пейрак настоятельно советовал другу возвращаться по суше, какими бы разбитыми ни были дороги, по которым в течение долгих лет шагали многочисленные армии и, увы, будут шагать и впредь. Ведь Фронда нет-нет да и дает о себе знать.

— Но мы отлично вооружены и можем дать отпор любому противнику, — заверил д'Анджос, опасаясь напугать Анжелику.

Графиня соизволила улыбнуться, не слишком веря в доводы маркиза. Она и в самом деле предпочла бы отправиться в плавание: спуститься по «своей» реке, пересечь «свои» болота, а затем оказаться на безбрежных просторах океана, которого она никогда не видела, и подняться на борт судна с парусами, наполненными ветром. Эта картина вызывала у Анжелики мечты о бегстве.

И она не могла удержаться от мысли, что в пути вполне может произойти нечто, благодаря чему ей удастся избежать уготованной участи.

* * *

Однако на рассвете следующего дня Анжелика была вынуждена занять свое место в карете и процессия, сопровождаемая четырьмя конными копейщиками¹, нанятыми для того, чтобы устрашить любого злоумышленника, двинулась в путь.

¹ Копейщик — воин, вооруженный копьем. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

Покинув Ньор — столицу пуатевинского болотного края с ее массивными, темными, как чугуны, донжонами, экипаж графини де Пейрак понесся к землям, купающимся в солнечном свете.

Дороги оказались не такими ухабистыми и пыльными, как предполагали путешественники.

Лошади — их регулярно меняли на почтовых станциях — резво мчались вперед, и складывалось впечатление, что они рады везти эту шумную компанию, которая сообщала о своем приближении громким звуком трубящих рогов. Прохожие встречали их поклонами и приветственными возгласами. Когда процессия замедляла ход или останавливалась, музыканты, взгромоздившись на крышу одной из повозок, тут же давали небольшой концерт, а словоохотливые южане затевали беседу с местными жителями.

Анжелика не могла убежать от судьбы. Все происходящее облагодавало неведомым ей тайным смыслом — и мчащийся вперед караван, и пролетающие мимо поселки и деревеньки. Это путешествие было затеяно лишь для того, чтобы доставить несчастную невесту к ее супругу, имя которому граф де Пейрак, к уродливому и хромому супругу, изготавливавшему магические зелья!

Иногда Анжелике удавалось вздремнуть, и в полусне она снова видела злополучный золотой ключ, отмыкающий дверь в комнату, где лежали трупы множества женщин, перед смертью сведенных с ума магией семейного демона. Когда она просыпалась, все ее естество еще яростнее бунтовало против предначертанной участи, к которой несли ее быстроногие кони. Не бывать этому! Обязательно должно произойти чудо.

Однажды поздним утром процессия остановилась на пустынном перекрестке, экипажи встали в круг, а всадники спешили. Пейзаж изменился: теперь повсюду, сколько хватало взгляда, простирались виноградники.

— Как жаль, — сказал кто-то из путников, — что сейчас не сезон и мы не можем сорвать свежую гроздь винограда, усыпанную росой.

— Ни слова больше! — воскликнул д'Анджос. — Не забывай, что в этом краю виноградники святы и любая сорванная гроздь карается отрезанием уха.

Вдали показались башни и колокольни города. Бордо!

Лакей принес складное гобеленовое кресло и установил его в тени большого дерева, крона которого дарила благодатную прохладу, спасая от жгучего солнца, палящего на перекрестке.

— Садитесь, мадам.

Но Анжелика не пожелала садиться. Она пыталась понять, о чем говорят д'Анджосу его друзья, которые между собой общались исключительно на южнофранцузском диалекте, совершенно ей непонятном.

— Мадам, мы должны отправиться в город, — сообщил Анжелике д'Анджос. — Вам придется запастись терпением! Возможно, наши переговоры с властями затянутся на несколько часов.

И группа всадников-дворян в сопровождении двух или трех лучников умчалась прочь.

Анжелика прохаживалась в тени, радуясь возможности размять ноги, а также поразмыслить о том, что происходит. Она сразу же отбросила идею вскочить на лошадь и скрыться. Ее окружало множество людей. Все — слуги, форейторы, военные — проявляли к графине почтительное внимание, но если бы она попыталась сбежать, то большая часть челяди вскочила бы на своих скакунов и бросилась бы за ней в погоню. Анжелика не сомневалась, что никто из них не понял бы ее поступка. Они бы оскорбились, пришли в ужас и приняли бы ее за сумасшедшую. Нет, подобное поведение недопустимо. Нужно было найти другой выход.

Графиня вышагивала взад-вперед и порой бросала взгляды на город. Бордо!

На нее нахлынули воспоминания.

Иногда в монастыре урсулинок аббатиса принимала знатных гостей. Чаще всего это были ее родственники, которые охотно рассказывали о самых влиятельных персонах королевства, а также о том, что происходило за этими высокими стенами, в которых монашенки и их юные воспитанницы вели затворническую жизнь, далекую от мирского шума и грохота сражений.

После подобных визитов аббатиса всегда вызывала к себе старших девочек. Она полагала, что, поскольку все они должны будут выйти замуж — и пусть Бог поможет им в этом — за самых родовитых мужчин Франции, лучше держать их в курсе событий, которые, без сомнения, так или иначе влияли на жизнь их будущих женихов. И чем знатнее был кандидат в мужья, чем ярче была его воинская слава, тем в большем количестве политических интриг он оказывался замешан. А опрометчивые и непростительные измены короне могли помешать великолепным свадебным церемониям, которые хотелось бы видеть безоблачными, финансово состоятельными и даже — почему бы и нет? — украшенными присутствием самого короля. Следует отдать должное аббатисе: она категорически не одобряла смуту, затеянную Фрондой.

Король являлся помазанником Божиим. А этот коронованный ребенок, Людовик XIV, был достоин трона более других, ведь недаром народ так ждал его появления и даже окрестил «Богоданным».

Аббатиса искренне верила, что все эти принцы, парламентарии или чернь, покусившиеся на власть короля, заслуживают одного — адского пламени.

Но она была вынуждена признать, что непрекращающиеся войны и массовая резня подготовили для ее благородных воспитанниц супругов, которые стяжали воинские лавры и в лагере противника, таким образом уже загодя привнеся в жизнь юных дворянок элементы королевской немилости. И она решила предупредить девочек заранее, ведь еще ничего не было известно наверняка. Поэтому пансионерки монастыря урсудинок словно четки перебирали названия взбунтовавшихся городов, среди которых неоднократно упоминался Бордо. Долгое время находившийся под властью англичан, он настойчиво требовал суверенитета. Бордо находился в постоянном конфликте с официальными властями, и весьма часто такие «ссоры» длились не одно десятилетие.

Маленький двенадцатилетний король плакал перед укреплениями Бордо, за которыми укрылись принц де Конде и его брат де Конти и откуда раздавалась неутрахающая канонада. Именно

тогда он сказал одному из своих «мененов»¹, который крайне удивился, увидев утирающего слезы правителя: «Необходимо сделать так, чтобы однажды эти наглецы поплатились за все!»

В конце концов Анжелика все же опустила в кресло и согласилась выпить вкусного ледяного лимонада. Она по-прежнему не сводила глаз с очертаний города, подрагивающих в полуденном мареве.

Именно в Бордо укрылась Анна Женестьева де Лонгвиль, горячо любимая сестра братьев Конде, которая уговорила их выступить против короля, королевы-матери и Мазарини.

Анжелика улыбулась милому ее сердцу воспоминанию: визиту маркиза дю Плесси-Бельера с его экстравагантными историями. Этот дворянин много рассказывал о музе Фронды с бирюзовыми глазами — прекрасной герцогине де Лонгвиль, которой рукоплескали парижане, когда на ступенях ратуши она продемонстрировала им сына, рожденного в этом самом здании. Городские советники, ставшие крестными отцами малыша, нарекли его Шарлем-Парижем.

Позже принцесса в окружении членов мятежного парламента, поголовно околдованных фрондеркой, также укрылась в Бордо. Именно сюда она повелела доставить восьмую часть романа «Полександр»², который вышел в Париже вопреки конвульсиям гражданской войны.

Не так уж плохо было оказаться узницей бордосцев.

Шли часы, ожидание затягивалось. Солнце клонилось к закату.

Наконец облако пыли возвестило о возвращении всадников. Анжелика поднялась, готовая приветствовать эшевен³ свободного города Бордо.

¹ Менен (фр. *menin*, от лат. *minimus* — малейший) — дворянский сын, обучающийся вместе с принцем, его товарищ по играм. — *Примеч. авт.*

² Самый знаменитый роман Марена Леруа Гомбервиля — яркий образец прозы барокко с многочисленными приключениями, сражениями, дуэлями, кораблекрушениями. — *Примеч. пер.*

³ Эшевен — чиновник, член магистрата городской управы.

Увы, это был все тот же д'Андижос со своими спутниками. Всадники спешили, награждая друг друга шутивными тумаками. «Наша поездка увенчалась успехом!» Вскоре прибыли две крытые телеги, запряженные мулами, в которых лежали бочки с вином и ящики со знаменитым напитком из Арманьяка. Все это южане получили в качестве подарка, ведь речь шла о свадьбе графа де Пейрака.

Решительно, эти люди никогда не станут серьезными!..

Анжелика испытывала горькое разочарование. В течение долгих часов ожидания в ее душе теплилась надежда, что она станет пленницей бордосцев. Подобный поворот событий мог бы спасти ее, по крайней мере на некоторое время!.. Никто бы не посмел выразить упрек, что она не сдержала обещания, данного управляющему Молину, — ради спасения своей семьи выйти замуж за графа де Пейрака.

Но теперь она поняла, что уже ничто не сможет помешать этому путешествию, которое неумолимо приближало ее к чудовищному человеку, чьей власти она была обязана подчиниться.

Путники остановились на ночлег в маленьком замке; хозяева не ждали гостей, но оказали им самый радушный прием. Эта остановка нисколько не порадовала Анжелику, хотя она старалась улыбаться гостеприимным хозяевам. Во время ужина ее спутники наперебой рассказывали обо всех перипетиях их вылазки в город и о тех невероятных усилиях, которые они приложили, дабы завладеть бесценными сокровищами виноделия: шестью бочками отменного вина и двумя ящиками крепкого напитка из провинции Арманьяк. Именно этим «подвигом» объяснялся их поздний визит в замок: процессия не смогла одолеть запланированный отрезок пути, а мадам де Пейрак устала.

Но барон Бред и его жена, мирные мелкие помещики, не избалованные светскими развлечениями, не уставали радоваться появлению неожиданных гостей. Они были еще молоды, и их дети наверняка спали сейчас в огромных постелях где-то под крышей замка.

За ужином много говорили о виноградниках и винах, лакомились ароматными блюдами из мяса зайца и водоплавающей ди-

чи, приправленными соусом из самых разнообразных трав: садового чабера, базилика и тимьяна.

Владельцы замка вели себя очень радушно и с удовольствием участвовали во всеобщем веселье, но тем не менее слегка робели, обращаясь к Анжелике. При этом ей казалось, что они поглядывают на нее несколько недоуменно и в их взглядах угадывается жалость. Маркиз д'Анджос, от которого не ускользнуло смущение хозяев, тихо заметил, целуя графине руку на пороге отведенной ей спальни:

— Новость о предстоящей свадьбе графа де Пейрака всколыхнула всю провинцию... Только подумайте! Месье и мадам Бред стали первыми, кто вас увидел! Ваша красота их ослепила!.. Зато теперь они все поняли. Потому что никто не ждал подобного поступка от такой персоны, как граф... Женится!.. ОН! Каждый задавался вопросом, какие причины могли подтолкнуть его к столь судьбоносному шагу. Теперь же все ясно! Причиной всему ваша красота.

Анжелика хотела было объяснить маркизу, как на самом деле обстоят дела, а также рассказать о руднике Аржантьер и о том, что ее красота не имеет никакого отношения к свадьбе. Но легенда уже родилась, все быстро поверили в сказку, и провинция восторгалась историей, в которой ей, Анжелике, отводилась главная роль.

И она не могла убежать, чтобы освободиться от этого.

Теперь ей казалось, что ее похитили, вырвали из родной земли, насильно увезя из дома, и ее воля разбивалась о неизбежность. Анжелика чувствовала себя слабой, обессиленной, подавленной, отданной в чужие руки.

Вокруг все изменилось.

Во время стоянок Анжелика обнаружила, что она больше не слышит французской речи.

— Дело в том, что мы пересекли границу, только и всего, — самым естественным тоном заявил маркиз д'Анджос.

Анжелика с испугом взглянула на собеседника.

Границу?! Ее увезли в Испанию? Молин ничего не говорил об этом. Видя ее смятение, д'Анджос поспешил успокоить графиню.

— Не бойтесь! Мы по-прежнему во Французском королевстве! Но в то же время это совершенно иная Франция.

— Что вы имеете в виду?

Страна, которой правил король Людовик XIV, разделена на две части?

Д'Анджос согласился. Да! Граница существует! Да, страна поделена на две части! Это случилось еще в первых веках христианской эры.

Анжелика поинтересовалась, где же проходит эта граница. Все очень сложно, заявил маркиз. Но она настаивала на объяснениях, заметив при этом, что во время обучения у урсулинок география была ее коньком. Он отказывается дать ей соответствующие разъяснения, потому что и сам не знает, где пролегает загадочная граница? Задетый за живое маркиз принялся рассказывать, сопровождая свою речь активной жестикуляцией, отчего его руки то стремительно взлетали вверх, то резко опускались.

Итак, граница начинается в точке, расположенной на берегу океана, чуть ниже Ла-Рошели, затем спускается к провинции Лимузен, петляет по вулканической Оверни и центральной части Франции, на востоке пересекает часть Бургундии, проходит по еще малоосвоенным регионам, таким как Домб с его озерами и болотами и Брес, и упирается в Гельвецию, страну швейцарцев... Анжелика спросила, что именно разделяет эта пресловутая граница, разбивающая Францию на две части и, если верить маркизу, стихийно возникшая в стародавние времена?

Маркиз глубоко вздохнул и вновь пустился в объяснения. Прежде всего, она разделяет два языка. Лангедойль — язык Севера. Ланг д'ок, или окситанский, — южный язык. Также она разделяет обычное право¹, которое регулирует нормы жизни по обе сто-

¹ Обычное право — система норм, правил поведения, основанная не на официально принятых юридических законах, а на обычаях, выработанных в течение длительного периода времени в данной стране или общественной среде. — *Примеч. пер.*

роны этой невидимой и такой извилистой границы. В южных провинциях царит гражданское право, неразрывно связанное с правом римским, возникшим еще во времена Империи. На Севере соблюдается так называемое устное право, зародившееся в эпоху варварских вторжений.

— И можете не сомневаться, мадам, — заключил маркиз, залиvisto хохоча, — что любой процесс между этими двумя типами юрисдикции вовлекает королевство в войну. А если даже войны удастся избежать, то тяжбы все равно длятся годами и передаются по наследству.

Казалось, д'Анджос находил все это крайне забавным.

Французы, проживающие по обе стороны этой странной границы, вынуждены яростно защищать свое обычное право. Маркиз поведал слушательнице несколько забавных историй о процессах, которые вели несколько поколений одной семьи.

Но в голове Анжелики остался лишь один пугающий факт: граница существует.

И ее семья осталась по другую сторону этого рубежа. Отныне их разделяло не только расстояние.

Пейзаж по-прежнему менялся.

По мере того как они пересекали один регион за другим, ряды холмов, склоны которых обнимали кудрявые виноградники, стали чередоваться с ровными полями, засаженными толстыми побегам с темно-зелеными верхушками. Казалось, перед путешественниками выстроились стройные ряды войск, ошетилившиеся пиками. Полоса виноградников — полоса полей со странными зелеными палками. Солнечные лучи просвечивали сквозь них, словно сквозь густую решетку, и эта рябь, усиленная пронзительной голубизной небес, резала глаза.

— Это маис, — сообщил д'Анджос, заметив, что Анжелика изумленно изучает неизвестную ей сельскохозяйственную культуру.

Знаменитая индийская пшеница?! Та, что произрастает в Новом Свете?

— Мы называем ее гигантским, или испанским, просом.

Всегда готовый расхваливать родную провинцию, маркиз тут же поведал Анжелике, что уже более полувека маис культивируется на юге Франции, от Байонны до Тулузы, куда он был завезен из Испании. Его Католическому Величеству¹ маис доставили кондотьеры Америки вместе с «золотыми яблоками», которые также называют томатами, и прочими невиданными растениями.

— Эта зерновая культура — один из лучших даров Нового Света Старому. Жители Аквитании и Лангедока используют его вместо привычного зерна, что помогает им выживать в голодную годину. Но главное, теперь крестьяне могут пускать на продажу больше пшеницы и ячменя, а значит, становиться богаче.

Любопытно, но эта лекция на сельскохозяйственную тему только усилила смятение Анжелики: она все с большей ясностью осознавала, какое расстояние отделяет ее от дома. Так, даже не пересекая океана, оставив где-то за лесами родной Пуату, она миновала череду земель и неожиданно приблизилась к Новому Свету, чьи плоды теперь сможет отведать.

В то время как «там» люди изумленно открывали рты, слушая рассказы пастора об «индийской пшенице», «здесь» уже давно привыкли к диковинам, привезенным с далеких континентов, зовущихся Америками.

Дух Нового Света лишь добавил очарования этим благословенным краям. Больше света! Больше богатства!.. Юг!..

Все это окончательно убедило Анжелику в том, что она окружена людьми совершенно иной национальности. И дело было не только в языке. Все вокруг стало чужим! Все отличалось от привычного ей мира! Она покинула свою страну!

Однако нельзя утверждать, что окружающий пейзаж состоял только из чередующихся полос света и тени — виноградников и полей маиса... Вокруг простирались зеленеющие долины, ра-

¹ Титул испанских королей.

дующие глаз избытком плодовых деревьев, защищенных горами, вершины которых прятались в облаках. Затем начинались равнины, наполненные солнцем, и по ним, вздымая облака пыли, лошади мчались галопом, чтобы достичь уступов величественных Пиренеев.

Внезапно экипажи принялись петлять по крутым тропинкам, устланным круглой галькой, словно русла рек, бурные потоки которых неслись поблизости, прокладывая себе дорогу среди сосен, буков, дубов и каштанов.

Потрясенная Анжелика несколько раз выходила из кареты и спрашивала, где же Тулуза.

— Там! — отвечал д'Андижос, указывая куда-то на восток. — На другой стороне границы.

— Еще одна граница?!

Маркиз расхохотался и сказал, что на сей раз речь идет о еще более эфемерной и условной границе. Она разделяет климатические зоны страны: теплый и влажный климат, обусловленный влиянием атлантических ветров, стремящихся на запад с берегов Бискайского залива, сменяется сухим жарким климатом, опаленным жгучим дыханием моря, которые люди издревле называли «*Nostra Mare*», «*Nostra Madre*» — «Наше Море», «Наша Матерь», — синего Средиземного моря. Поблизости от этих мест находится легендарный Лионский залив, с которым связаны все древнейшие мифы человечества.

— Тулуза расположена в самом сердце этого региона на пересечении всех ветров. Знайте, мадам, что четыре века тому назад Тулуза считалась третьим по значимости городом Европы после Рима и Венеции...

Приятно удивленный тем, что Анжелика попросила его рассказать обо всех этих географических тонкостях, маркиз д'Андижос с изумлением осознал, что юная и прекрасная женщина интересуется чем-то еще, кроме собственной персоны, в отличие от остальных светских кокеток.

В самом деле, Анжелика с невольным интересом слушала спутника, на время отвлекаясь от снедающей ее тревоги, которая тут

же возвращалась, стоило ей задуматься над тем, что ее так волновало.

На подступах к Беарну путешественники остановились в замке месье Антуана Номпара де Комона, маркиза де Пегилена, графа де Лозена. Анжелика с радостным удивлением поглядывала на молодого мужчину, приятные манеры и тонкий ум которого, по утверждению д'Анджоса, помогли ему стать «любимцем всего двора». Сам король, неизменно старающийся сохранять серьезный вид, не мог устоять перед шутками де Лозена, который не раз заставлял Его Величество прыскать со смеху в присутствии министров. Вот и сейчас герцог оказался в своем замке лишь потому, что позволил себе отпустить дерзкую остроту, выходящую за все рамки приличия, по отношению к монсеньору де Мазарини. Но при этом де Лозен не выглядел сколько-нибудь опечаленным и тут же принялся рассказывать тысячу анекдотов о кардинале, который, как было всем известно, являлся любовником королевы.

Анжелика, не привыкшая к галантной придворной речи, не поняла и половины из того, о чем рассказывал де Пегилен, но при этом удивлялась, слушая, сколь смело он отзывается о таких важных персонах.

Подали фрукты, освежающие напитки и вино.

Не прекращая болтать, граф вертелся вокруг Анжелики, внимательно разглядывая ее и строя восхищенные гримасы.

В конечном итоге он воскликнул:

— Прелестная кукла-марионетка!

И тут же пояснил свое высказывание:

— Каждому известно, что для графа де Пейрака все женщины — марионетки, и стоит ему лишь дернуть за веревочку, как они принимаются послушно танцевать... Что вы об этом думаете, мадам?

Уязвленная Анжелика не стала медлить с ответом:

— Посмотрим, будет ли его бал того стоить! Впрочем, я люблю танцевать!

Де Пегилен звонко расхохотался:

— О! А этой марионетке палец в рот не клади! Надо же, что-то новенькое!

Д'Анджос призвал шутника к порядку так, как он любил это делать — что было силы огрел его тростью по спине.

— Довольно, Пегилен! Если король удостоил вас своей дружбы, это еще не повод вести себя столь оскорбительным образом по отношению к благородной даме.

Де Лозен бросился к ногам Анжелики, моля у нее о прощении.

— Ах, как вы правы! Как вы правы, ведь я говорю столь гадкие вещи, потому что сгораю от зависти! Я потрясен! Неужели подобное сокровище достанется одному-единственному мужчине? И какому мужчине! Ах, ну почему я — не он?

Когда графа подняли на ноги, успокоили и ободрили, отчего он сразу сделался серьезным, то стало ясно, что он просто валял дурака, намеренно разыгрывая из себя шута и фанфарона.

На самом деле, объяснил де Пегилен, он вел себя дерзко совершенно осознанно и пожертвовал должностью шталмейстера Его Величества только для того, чтобы все решило, будто король сердит на него, ибо если бы граф де Лозен ушел с должности по собственному желанию, это вызвало бы грандиозный скандал. А он, маркиз де Пегилен, считал необходимым покинуть Париж, дабы не пропустить удивительное и грандиозное событие, коим является свадьба графа де Пейрака, властителя Тулузы, хозяина бесчисленных окрестных земель.

— А все потому, мадам, что мы, южане, отлично знаем: наше королевство состоит из сотни маленьких королевств и в каждом есть собственный король, которому мы должны воздавать почести.

— Этого вы мне еще не объясняли, месье д'Анджос, — лукаво заметила Анжелика.

— Один гасконец всегда найдет другого гасконца, и тогда шутки польются рекой. Не слушайте его речи, мадам! Они крайне опасны!..

Таким образом, эта остановка оказалась довольно веселой и весьма познавательной — в замке де Пегилена Анжелика

слегка приободрилась. Чтобы вымолить ее прощение, граф сложил стихи о небывалой красоте молодой дамы, которые тут же с чувством продекламировал: при дворе существовала мода сочинять вирши по любому поводу.

— Вы почтите своим присутствием королевский двор, не правда ли?.. Обещайте мне это, мадам! Я уведомя короля.

Когда Анжелика садилась в карету, де Пегилен воскликнул:

— Ах, друзья мои, я задаюсь вопросом, не сорвется ли Золотой голос королевства на самой высокой ноте.

Так Анжелика впервые услышала о Золотом голосе королевства.

— Это величайший певец Лангедока, — объяснили графине. — В здешних местах не слышали подобного голоса со времен трубадуров Средневековья. Когда вы услышите его, мадам, то не сможете не поддаться его очарованию.

И все присутствующие принялись смеяться как сумасшедшие.

Анжелика изо всех сил старалась не огорчать приятную компанию угрюмым выражением лица. Все ее спутники были приветливы, обходительны, порой несколько грубоваты, но очень милы.

Путешествие продолжалось. Воздух подрагивал от жары, черепичные крыши и листья платанов окрасились в нежные цвета белого вина. Все, кого Анжелика встречала на пути, отличались легким характером и живым умом. Но поездка близилась к концу, и на сердце юной графини становилось все тяжелее.

Накануне приезда в Тулузу путешественники остановились в одном из замков графа де Пейрака — здании из белого камня, построенном в стиле ренессанса. Анжелика с наслаждением воспользовалась большим мозаичным бассейном, расположенным в одной из комнат, а долговязая Марго без устали суетилась вокруг нее. Служанка опасалась, как бы дорожная пыль и чрезмерная жара не сделали еще темнее и без того смуглую кожу ее хозяйки, чего Марго втайне не одобряла.

Она натерла Анжелику различными мазями и велела ей неподвижно лежать на кушетке, а сама принялась энергично мас-

сировать ее тело, после чего удалила на нем все волосы. Юную графиню несколько не шокировала подобная процедура, ведь некогда во всех городах Франции имелись римские парильни, где даже простолюдины удаляли волосы на своем теле. Но теперь этой процедуре подвергались только дворянки: считалось верхом неприличия, если благородная дама сохранит на коже хотя бы малейший пушок. Между тем Анжелика, ощущая, как ее тело становится безупречным, испытывала почти суеверный ужас.

«Он никогда не коснется меня, — повторяла она. — Скорее я выброшусь из окна».

Но ничто не могло остановить стремительного бега времени и того неумолимого течения, которое подхватило ее и повлекло к неизбежности.

На следующее утро, измученная дурными предчувствиями, Анжелика в последний раз села в карету, которая уже через несколько часов должна была домчать ее до Тулузы. Маркиз д'Анджос занял место рядом со своей спутницей. Казалось, что его усы нарисованы на лице черной краской — так тщательно маркиз их напмадил.

Внезапно Анжелика схватила его за руку.

— Ах! Месье д'Анджос, как бы я хотела, чтобы вы были моим настоящим супругом. Почему это не так? Мы хорошо знакомы, и я полюбила вас всем сердцем.

— Мадам, — ответил маркиз, галантно целуя ее руку, — вы мне льстите. Но не стройте иллюзий по поводу моего большого кармана. Вы должны знать, что я беднее церковной крысы, что без графа де Пейрака я был бы вынужден одеваться в самые простые наряды и ютиться в замке, пришедшем в полный упадок, рядом с голубятней, в которой даже нет голубей. Всем, что я имею, я обязан графу де Пейраку. Говорю это вам для того, чтобы вы ни о чем не жалели. Граф владеет огромным количеством золота и прекрасных бриллиантов.

— Я легко могу обойтись без золота и бриллиантов. Ах, вы не понимаете меня! Я боюсь!

— Бойтесь? — переспросил маркиз. — Но чего же, душа моя?

Анжелика не ответила, а лишь отодвинулась от своего спутника и прижалась лбом к запыленной раме окна, кусая губы, чтобы не разрыдаться.

Озадаченный, но движимый самыми благими намерениями, д'Андижос решил, будто понял, что смущает стыдливую невесту.

— Не бойтесь, моя маленькая птичка, — начал он самым жизнерадостным тоном. — Все женщины испокон веков этого боялись. Конечно, порой дело не обходится без криков боли, но очень скоро их сменяют совсем другие песни. А граф, ваш супруг, — истинный мастер обольщения. Поверьте, сегодня многие черноглазые красотики графства Тулуза умоются горькими слезами, а некоторые из них станут пожирать вас завистливыми взглядами.

Но Анжелика больше не слушала его.

Уже несколько минут она следила за тем, как фореитор придерживает лошадей. Впереди появилась большая группа людей и всадников, перегородившая им дорогу. Когда карета остановилась, раздались пение и крики, сопровождаемые ритмичными звуками тамбуринов.

— Клянусь святым Севереном, — воскликнул маркиз, подскакивая на месте, — я полагаю, что ваш супруг решил выехать нам навстречу.

— Уже!

Анжелика почувствовала, что бледнеет. Пажи распахнули дверцы кареты, и ей следовало спуститься на песчаную дорогу, прямо под палящие лучи солнца. Небо сияло темной лазурью, раскаленное марево подрагивало над полями маиса, тянувшимися по обе стороны дороги. К ним приближался поющий хоровод. Детвора, наряженная в странные костюмы с большими красными и зелеными ромбами, прыгала и выдывала умопомрачительные трюки прямо у ног лошадей, на которых восседали всадники, одетые в необыкновенные ливреи из розового атласа, отделанного белыми перьями.

— Властелины любви! Комедианты Италии! — ликовал маркиз, с энтузиазмом размахивая руками, грозя покалечить соседей. — Ах! Тулуза! Тулуза!..

Толпа расступилась, пропуская высокого угловатого человека в костюме из пурпурного бархата. Мужчина шел, опираясь на эбеновую трость.

По мере того как этот новый персонаж, хромя, продвигался вперед, все отчетливее становилось видно некрасивое лицо, обрамленное черным париком, которое было таким же отталкивающим, как и его походка. Два глубоких шрама пересекали левый висок и щеку, не позволяя глазу полностью открываться. Большой рот и тяжелый, гладко выбритый подбородок — что противоречило моде — довершали необычный образ незнакомца.

«Это не он, — взмолилась Анжелика. — Господи, сделай так, чтобы это был не он!»

— Ваш супруг, граф де Пейрак, мадам, — совсем рядом произнес голос маркиза д'Андижоса.

Глава 2

Ужасающая неопределенность. — Свадьба в Тулузе

Анжелика присела в заученном реверансе. Ее охваченный отчаянием разум фиксировал какие-то нелепые детали: бриллиантовые банты на ботинках графа, один каблук выше другого — попытка скрыть хромоту; присборенные по шелковому канту чулки, роскошный костюм, шпага, огромный белый кружевной воротник.

К ней обращались, и она отвечала невпопад, оглушенная звонком тамбуринов и завыванием труб.

Стоило Анжелике вновь занять место в карете, как к ней на колени упала охапка роз и несколько букетов фиалок.

— Цветы, или «величайшее наслаждение», правят Тулузой, — произнес рядом с ней чей-то голос.

Анжелика поняла, что теперь в карете сидит не маркиз д'Андивожос, а тот, другой. И чтобы не видеть его изуродованного лица, она склонилась к цветам.

Вскоре показался город, оштетинившийся башнями и красными колокольнями. Кортеж погрузился в глубокую тень узких улочек, слегка разбавленную пурпурным светом.

Во дворце графа де Пейрака Анжелику спешно переодели в великолепное белое бархатное платье, расшитое белым атласом. Его застежки и банты были усыпаны бриллиантами. Нарядная хозяйку, горничные то и дело подавали ей ледяные напитки, потому что ее мучила жажда. В полдень сопровождаемый коло-

кольным перезвоном свадебный кортеж подъехал к собору, и архиепископ уже ждал молодоженов на паперти.

Священник благословил супругов у алтаря, после чего Анжелика, следуя обычаям высшей знати, в полном одиночестве направилась к выходу по широкому церковному нефу. Хромой сеньор ковылял впереди, и эта вытянутая гротескная фигура в красном внезапно показалась ей такой же неуместной под благоухающими ладаном сводами базилики, как фигура самого дьявола. Оказавшись на улице, Анжелика решила, что на праздник собрался весь город. Она и вообразить не могла, что такое личное событие, как ее бракосочетание с графом де Пейраком, будет сопровождаться подобной шумихой. Она невольно стала искать глазами зрелище, которое вдохновило толпу на все эти широчайшие улыбки и безумные прыжки. Но лица всех присутствующих были обращены только к ней, и именно перед нею склонялись сеньоры с пламенными взглядами и пышно разодетые дамы.

Из собора во дворец новоявленные супруги возвращались верхом на двух лошадях, покрытых роскошными попонами. Дорога, вьющаяся вдоль берега Гаронны, была устлана цветами, а всадники в розовых одеяниях, которых маркиз д'Анджос называл «властелинами любви», продолжали усыпать путь молодоженов нежными лепестками.

Слева от свадебного кортежа поблескивала золотом речная гладь, и моряки, стоящие на палубах своих суденышек, приветствовали процессию восторженными криками.

Анжелика поймала себя на том, что не может сдержать невольную улыбку. Небо было таким синим, а аромат разбросанных повсюду цветов таким приятным, что кружилась голова. И вдруг она чуть не вскрикнула: ее сопровождали маленькие пажи с черными, словно лакрица, лицами. Сначала она решила, что это маски, но затем поняла: у мальчиков действительно черная кожа. Так Анжелика впервые увидела негров. Решительно, этот мир не может быть реальным! Ей казалось, будто она стала героиней странного фантастического сна и, пробудившись, возможно, с трудом вспомнит его детали.

Но все происходило на самом деле, и Анжелика снова и снова видела в солнечном свете, прямо рядом с собой, изуродованный профиль человека, которого все называли ее мужем и которого так бурно встречали жители города.

На камнях мостовой поблескивали золотые монетки: пажи бросали деньги в толпу, и люди сражались за них, валяясь в пыли.

* * *

В дворцовом парке, под сенью деревьев, были расставлены длинные ряды белых столов. Перед воротами били винные фонтаны, и любой прохожий мог отведать хмельного напитка. Знатные сеньоры и зажиточные горожане удостоились чести пировать в саду.

Анжелика, сидящая между архиепископом и женщиной в красном, не могла проглотить ни кусочка и лишь смотрела, как мимо нее проплывают блюда с самыми удивительными яствами: паштет из куропаток, утиное филе, рябчики в виноградном соусе, жареные перепела, форель, мясо кролика, салаты, трюфель, гусиная печень. Поражали разнообразием десерты: персиковые оладьи с нежным сливочным кремом, всевозможные варенья, медовые сладости, бесчисленные пирамиды из фруктов высотой с подающих их негрят. Вина всех мыслимых оттенков, от темно-бордовых до светло-золотистых, следовали одно за другим.

Анжелика заметила, что рядом с ее тарелкой лежит некий предмет, напоминающий крошечные золотые вилы. Оглядевшись вокруг, она увидела, что большинство людей накалывают на них мясо и отправляют его в рот. Анжелика попыталась порадовать гостей, но ее усилия не увенчались успехом, и в конце концов она взялась за ложку, которую ей оставили, увидев, что она не умеет пользоваться этим забавным маленьким инструментом, который все присутствующие называли вилкой. Этот нелепый инцидент лишь усилил смущение молодой графини.

Нет ничего более трудного, чем участвовать в веселье, к которому не лежит сердце. Измученная тревогой и тяжелыми мыс-

лями, Анжелика чувствовала, что изнемогает под гнетом этого изобилия и непрерывного шума. Но врожденная гордость не позволяла ей проявлять охватившее ее уныние, поэтому она мило улыбалась, находя приветливые слова для каждого гостя. Железная дисциплина, привитая Анжелике в монастыре урсулинок, помогла новоиспеченной графине сохранять гордую осанку и блистать светскими манерами, несмотря на усталость. Одно-го она не могла сделать — заставить себя повернуться к графу де Пейраку, и, осознавая, что ее поведение выглядит странно, сосредоточила все внимание на сидящем рядом архиепископе. Это был цветущий мужчина лет сорока, произносящий слова мягким вкрадчивым голосом и отличающийся изысканными манерами, но его голубые глаза всегда оставались холодными, словно льдинки.

Казалось, он был единственным из гостей, кто не разделял всеобщего ликования.

— Какое изобилие! Какое изобилие! — вздыхал архиепископ, оглядываясь по сторонам. — Когда я думаю о бедняках, каждый день толпящихся перед дверью собора, о больных, не получающих должного ухода, о деревенских детях, растущих в ереси, которых мы из-за отсутствия денег не можем вырвать из окружающей их вредоносной среды, — мое сердце разрывается от горя. Занимаетесь ли вы благотворительностью, дочь моя?

— Я совсем недавно покинула стены монастыря, монсеньор. Но я буду счастлива под вашим чутким руководством посвятить себя нашему приходу.

Архиепископ окинул собеседницу пронизательным взглядом, и на его губах заиграла слабая улыбка; он прямо-таки надулся от важности, выставив вперед чуть оплывший подбородок.

— Благодарю за смирение, дочь моя. Но я понимаю, что совершенно новая для вас жизнь хозяйки богатого дома потребует немало сил и внимания. И я не стану тревожить вас, пока вы сами не изъявите желания обратиться к делам Церкви. Ведь главное призвание любой женщины, которому она должна посвятить себя в первую очередь, — это влиять на воззрения супруга, не

так ли? А в наши дни любящая, разумная жена может воздействовать на образ мыслей мужа как никто другой.

Он чуть склонился к Анжелике, и неграничные драгоценные камни его епископского креста полыхнули сиреневой молнией.

— Женщина может все, — повторил он. — Но, говоря между нами, мадам, вы избрали себе в мужья весьма необычного человека...

«Я избрала... — с иронией подумала Анжелика. — Интересно, мой отец хотя бы раз видел своего будущего зятя? Сомневаюсь. Папа меня искренне любит и никогда не пожелал бы мне зла. Но он хочет, чтобы я была богата, а я хочу быть любимой. Сестра Анна из монастыря наверняка в очередной раз напомнила бы мне, что не нужно предаваться романтическим иллюзиям... Кажется, архиепископ настроен весьма доброжелательно. Но разве не с людьми из его эскорта дрались в соборе пажи графа де Пейрака?..»

Между тем удушающая жара уступала место вечерней прохладе. Вот-вот должен был начаться бал. У Анжелики вырвался вздох облегчения.

«Я буду танцевать всю ночь напролет, — сказала она самой себе, — и ни за что на свете не соглашусь остаться с ним наедине...»

Анжелика нервно оглянулась на того, кто отныне звался ее мужем. Каждый раз, глядя в его сторону, она видела изрезанное шрамами лицо с горящими угольно-черными глазами, и от этого зрелища ей становилось дурно. Полуприкрытое левое веко графа де Пейрака придавало его лицу выражение злой иронии.

Откинувшись на спинку роскошного гобеленового кресла, он поднес ко рту какую-то маленькую коричневую палочку. К хозяину тут же подскочил слуга, держа в щипцах горящий уголек, и приложил его к самому кончику палочки.

— Ах, граф, вы подаете дурной пример! — воскликнул архиепископ, хмуря брови. — Лично я полагаю, что табак — дьявольское зелье. Даже когда его употребляют в виде порошка, руководствуясь советами врачей и заботясь о просветлении ума,

я с трудом готов терпеть эту привычку, так как уверен, что каждый, кто нюхает табак, находит в этом занятии нездоровое наслаждение и, ссылаясь на слабое здоровье, употребляет его при каждом удобном случае. Если говорить о курильщиках трубок, то это жалкие завсегдатаи наших таверн, они теряют последний рассудок, на протяжении долгих часов смакуя дым проклятого растения. До сих пор я никогда не видел, чтобы дворянин опустился до столь вульгарного употребления табака.

— У меня нет трубки, и я не нюхаю табак. Я курю свернутые табачные листья, как это делают дикари Америки. Никто не может обвинить меня в том, что я отличаюсь замашками грубого мушкетера или манерами слащавого придворного...

— Когда уже существует два способа делать что-либо, вам всегда надо изобрести третий, — ворчливо заметил архиепископ. — И уж коли мы заговорили об этом, хочу отметить еще одну странную особенность вашего поведения. Вы никогда не кладете в бокал ни жабий камень, ни кусочек рога единорога. Однако каждый знает, что нет лучших средств, дабы обезопасить себя от яда, который способна подсыпать в вино рука врага. Даже ваша молодая жена пренебрегла этой мерой предосторожности. Между тем жабий камень и рог единорога изменяют свой цвет при соприкосновении с вредоносными напитками. А вы никогда их не используете. Быть может, вы считаете себя неуязвимым или думаете, что у вас нет врагов? — добавил прелат, и недобрый огонек в его взгляде неприятно поразил Анжелику.

— Нет, монсеньор, — ответил граф де Пейрак. — Просто я убежден, что лучший способ уберечься от яда — приучить к нему свой организм, а не класть в бокал сомнительные предметы.

— Что вы имеете в виду?

— Лишь одно: изо дня в день необходимо принимать ничтожно малую дозу какого-нибудь сильнодействующего яда.

— И вы это делаете? — ужаснулся архиепископ.

— С юных лет, монсеньор. Вы не можете не знать, что мой отец пал жертвой некоего флорентийского напитка, хотя жабий камень, который он неизменно клал в свой бокал, был крупным,

как голубиное яйцо. После этого моя мать, женщина без предрассудков, изыскала по-настоящему действенное средство, способное уберечь меня от отравления. А защищаться от яда самим ядом ее научил один мавр, привезенный из Нарбонны раб.

— В ваших умозаключениях всегда есть нечто парадоксальное, и это меня беспокоит, — озабоченно вздохнул архиепископ. — Можно подумать, что вы желаете реформировать все, что вас окружает, однако всем известно, сколько беспорядков породило в королевстве и в недрах Церкви пресловутое слово «Реформация». Спрошу еще раз: зачем обращаться к методу, о котором никто и слыхом не слыхивал, вместо того чтобы использовать привычные, проверенные средства? Конечно, следует обзавестись настоящим жабьим камнем или настоящим рогом единорога. Увы, слишком часто этими предметами торгуют шарлатаны, жадные до наживы. Но, например, францисканский монах Беше, представитель высокой науки, который по моему поручению проводит алхимические опыты, снабдит вас превосходными экземплярами.

Граф де Пейрак чуть наклонился, чтобы взглянуть на архиепископа, и его густые черные кудри коснулись руки Анжелики. Она невольно отшатнулась, но в тот же миг осознала, что ее муж не носит парик и эта роскошная шевелюра — его собственная.

— Мне крайне интересно, — заявил граф, — где ваш монах добывает все эти загадочные предметы. В годы учебы я частенько препарировал жаб. И ни разу не обнаружил в их мозгу сего чудесного оберега, который называют жабьим камнем и который теоретически должен был там находиться. Что касается рога единорога, то спешу вам сообщить: я много путешествовал по миру и пришел к выводу, что единорог — животное мифическое, а значит, в природе его не существует.

— Не стоит столь категорично судить о подобных вещах, месье. Надо верить в чудо, в тайну и не думать, что знаешь все на свете.

— Лично для меня величайшей тайной остается тот факт, — медленно начал граф, — как человек вашего ума может всерьез воспринимать подобные... вымыслы...

«Боже мой, — подумала Анжелика, — никогда прежде я не слышала, чтобы с духовным лицом столь высокого ранга разговаривали так дерзко!»

Она изумленно смотрела то на одного, то на другого мужчину, которые сжигали друг друга неприязненными взглядами. Первым смятение Анжелики заметил ее новоявленный супруг. Он одарил жену улыбкой, странно искажившей черты его изуродованного лица и при этом обнажившей великолепные белые зубы.

— Прошу прощения, мадам, что мы затеяли спор в вашем присутствии. Монсеньор и я — непримиримые враги!

— Ни одного человека я не могу назвать своим врагом! — воскликнул возмущенный архиепископ. — Неужели вы забыли о милосердии, которое живет в сердце любого слуги Господа? Даже если вы меня ненавидите, то в моем сердце нет места ненависти. Однако я беспокоюсь о вас, как и должно пастырю беспокоиться о заблудшей овце. И если вы не желаете внимать моим речам, то я буду вынужден отделить зерна от плевел.

— А! — воскликнул граф, и из его горла вырвался зловещий смех. — Перед нами достойный наследник епископа Фулька из Нейи, правой руки жестокого Симона де Монфора, который сжигал на кострах альбигойцев, а заодно предал огню редчайшую культуру Аквитании! Прошло четыре века, но Лангедок до сих пор оплакивает утраченные сокровища и содрогается, слыша рассказы о необычайных зверствах монахов. Я — представитель древнейшего тулузского рода, в моих жилах течет кровь лигуров и вестготов, и я тоже дрожу, встречаясь взглядом с вашими голубыми глазами северянина. Наследник Фулька, потомок грубых варваров, которые посеяли в наших краях семена сектантства и нетерпимости, — вот что говорят о вас ваши глаза!

— Моя семья считается одной из древнейших в Лангедоке! — вскочив с места от возмущения, выкрикнул епископ. (При этом его южный акцент стал таким сильным, что Анжелика почти ничего не могла понять.) — Наглое чудовище, вы отлично знаете, что я унаследовал половину Тулузы и мой род на протяжении многих веков владеет тулузскими землями.

— Четыре века! Всего лишь четыре столетия, монсеньор! — Жоффрей де Пейрак тоже поднялся и перешел на крик. — Вы прибыли к нам в телегах Симона де Монфора, вместе с проклятыми крестоносцами. Вы — захватчик! Северянин! Северянин! Что вы делаете за моим столом?..

Испуганная Анжелика решила, что сейчас начнется ужасная драка, но последние слова графа утонули в хохоте гостей. Даже епископ улыбался, хотя и не совсем искренне. Меж тем, когда Жоффрей де Пейрак, хромая, приблизился к нему и склонился в глубоком поклоне, принося извинения, священник милостиво протянул ему для поцелуя руку с пасторским перстнем.

Анжелика была настолько озадачена этим происшествием, что не смогла разделить всеобщее веселье. Оба мужчины обменялись отнюдь не шуточными оскорблениями, а если верить молве, то смех южан часто предшествовал самым жестоким трагедиям. Внезапно Анжелика ощутила то небывалое возбуждение, которое испытывала во времена своего детства после рассказов кормилицы Фантины. Теперь благодаря этим воспоминаниям она не чувствовала себя столь чуждой этим импульсивным людям.

— Табачный дым не мешает вам, мадам? — Граф склонился к жене, пытаясь поймать ее взгляд.

Она лишь отрицательно качнула головой. Тонкий запах табака усиливал ее печаль, напоминая о старом Гийоме, сидящем в углу у огня в огромной кухне замка Монтелу. Старый Гийом, кормилица — какими далекими они вдруг стали...

В соседней роще зазвучали скрипки. И хотя Анжелика смертельно устала, она с готовностью приняла от маркиза д'Анджоса приглашение на танец. Пары собрались в большом дворе, вымощенном плитами, где воздух был напоен прохладой от бьющего фонтана. В монастыре Анжелика разучила достаточно новомодных па, чтобы не испытывать неловкости перед этими светскими провинциальными дамами и сеньорами, многие из которых подолгу жили в Париже. Она впервые танцевала на настоящем балу и едва вошла во вкус, как поднялась странная суматоха. Под

натиском взбудораженной толпы, устремившейся к месту банкета, пары распались. Танцующие попытались протестовать, но кто-то крикнул:

— Сейчас он будет петь!

И этот крик подхватили десятки голосов:

— Золотой голос! Золотой голос королевства...

Тут чья-то ладонь почтительно коснулась оголенной руки Анжелики.

— Мадам, — прошептала служанка Марго, — пришло время незаметно покинуть праздник. Господин граф поручил мне доставить вас в павильон на берегу Гаронны, где вы должны провести ночь.

— Но я не желаю уходить! — запротестовала Анжелика. — Я хочу послушать певца, о котором все отзываются с таким восторгом. Я ведь его даже не видела.

— Он споет для вас, мадам, для вас одной, граф позаботится об этом, — заверила графиню долговязая горничная. — Портшез ждет.

Не прекращая болтать, она набросила на плечи хозяйки накидку с капюшоном и протянула ей черную бархатную маску.

— Наденьте ее, — прошептала Марго. — Так вас не узнают. Иначе все эти взбалмошные юнцы последуют за вами до самого павильона и испортят свадебную ночь грохотом кастрюль.

Служанка прыснула в кулак.

— Так уж заведено в Тулузе, — объяснила она. — Если новобрачным не удастся вовремя скрыться, словно беглым преступникам, им придется откупаться от этих дьявольских проказников звонкими эсю, ведь в противном случае молодожены будут вынуждены всю ночь выслушивать безумный кошачий концерт. Монсеньор и полиция тщетно борются с этим обычаем... Поэтому лучше покинуть город тайно.

Она подтолкнула Анжелику к портшезу, который тут же подхватили двое крепких слуг. Несколько всадников, ждавших во мраке ночи, образовали эскорт, и маленькая процессия, миновав лабиринт улиц, оказалась за городом.

* * *

Загородный павильон графа оказался скромным строением, окруженным садами и спускающимися к реке террасами. Ступив на землю, Анжелика удивилась царящей вокруг тишине, которую нарушало только пение сверчков.

Маргарита, сидевшая за спиной одного из всадников, спешила и повела невесту внутрь пустынного дома, сразу на второй этаж. Судя по ее сияющим глазам и довольной улыбке, она с наслаждением играла роль тайной поверенной влюбленных.

Анжелика оказалась в спальне с мозаичным полом. У алькова горел ночник, но его свет был лишним в этой комнате, залитой лунным сиянием, которое подчеркивало снежную белизну кружевных простыней огромной кровати.

Маргарита придирчиво оглядела юную графиню, затем порылась в своей сумке и извлекла флакон с ароматической водой, чтобы освежить ее кожу.

— Оставьте меня, — отрезала Анжелика.

— Мадам, сейчас явится ваш супруг, нужно...

— Ничего не нужно. Оставьте меня.

— Хорошо, мадам.

Служанка присела в реверансе.

— Желаю приятной ночи, мадам.

— Оставьте меня! — В третий раз Анжелика уже закричала.

Оставшись в одиночестве, она почувствовала злость на саму себя за то, что не смогла сдержаться в присутствии служанки. Но порой опытная горничная выводила Анжелику из равновесия: она испытывала неловкость от ее уверенных и умелых действий и при этом опасалась однажды увидеть насмешку в ее черных глазах.

Анжелика еще долго оставалась неподвижной, но в конце концов тишина комнаты стала казаться ей невыносимой. В ее душу вновь закрался страх, убаюканный свадебной суматохой и светскими беседами, и она решительно стиснула зубы.

«Я не боюсь! — чуть было не закричала Анжелика. — Я знаю, что надо делать. Пусть я умру, но он меня не коснется, нет!»

Она подошла к застекленной двери, ведущей на террасу. Только в Плесси Анжелика видела такие большие изящные балконы, выполненные в модном ренессансном стиле.

Стоящая на террасе кушетка, обтянутая зеленым бархатом, так и манила присесть и полюбоваться великолепным пейзажем. Отсюда нельзя было увидеть Тулузу, спрятавшуюся за излучиной реки; вокруг простирались одни сады и виднелась блестящая гладь воды, а дальше — поля маиса и виноградники.

Анжелика села на краешек кушетки и прислонилась лбом к балюстраде. Высокая прическа, держащаяся с помощью бриллиантовых и жемчужных шпилек, к вечеру стала причинять боль, и юная графиня не без труда принялась извлекать шпильки из волос.

«Почему эта долговязая дуреха не помогла мне раздеться и распустить волосы? — подумала Анжелика. — Неужели она решила, что этим займется мой муж?»

Эта мысль заставила ее грустно усмехнуться.

«Сестра Анна не преминула бы произнести небольшую речь о покорности, с которой любая женщина должна исполнять малейшую прихоть супруга. Когда она принималась читать подобные проповеди, то всегда так забавно вращала глазами, круглыми как шары, что мы не могли сдержать смех, отлично зная, о чем она на самом деле думает. Но мне всегда была чужда покорность. И прав был Молин, когда утверждал, что я не подчинюсь слепой судьбе и никогда не склоню голову перед тем, чего не понимаю. Я исполнила их волю, чтобы спасти Монтелу. Что еще им от меня нужно? Рудник Аржантьер отныне принадлежит графу де Пейраку, поэтому они с Молином преспокойно могут заниматься своими махинациями. А мой отец продолжит разводить мулов, чтобы возить испанское золото... Если я умру, бросившись с этого балкона, ничего не изменится. У каждого останется то, о чем он мечтал...»

Анжелика наконец сумела распустить волосы. Они рассыпались по ее обнаженным плечам, и она, как в детстве, нетерпеливым жестом откинула их на спину.

Внезапно послышался шорох. Обернувшись, Анжелика с трудом сдержала крик ужаса: прислонившись к косяку застекленной двери, на нее смотрел хромой супруг.

* * *

Граф сменил свой пурпурный наряд на очень короткий камзол из черного бархата, не доходящий до талии, что позволяло увидеть тонкую рубашку из линона, и простые штаны.

Хромая, Жоффрей де Пейрак сделал несколько шагов вперед и отвесил низкий поклон.

— Вы позволите мне присоединиться к вам, мадам?

Анжелика молча кивнула. Граф сел, оперся локтем о каменную балюстраду и с беспечностью посмотрел вдаль.

— Несколько веков тому назад, — начал он, — под этими самыми звездами дамы и трубадуры поднимались на бруствер замка и вели там разговоры о любви. Вы слышали о трубадурах Лангедока?

Анжелика не была готова к светской беседе. Напряженная до предела, она ждала посягательств на свою честь и готовилась дать достойный отпор, поэтому, застигнутая врасплох, пробормотала, с трудом подбирая слова:

— Да, полагаю, что слышала... Так называли средневековых поэтов.

— Поэтов любви. Ланг д'ок, или окситанский язык! Галантный язык! Сколь он отличен от сурового языка Севера, от лангедойля. В Аквитании всегда почитали искусство любви, ведь еще задолго до трубадуров о подобной науке говорил Овидий: «Любовь — это искусство, которому можно учиться и в котором можно совершенствоваться, изучая его законы». Вы когда-нибудь интересовались этим искусством, мадам?

Она не знала, что ответить; ей хватило проницательности, чтобы уловить легкую иронию в голосе графа. Вопрос был поставлен таким образом, что любой ее ответ — и «да», и «нет» — прозвучал бы одинаково нелепо. Анжелика не привыкла к шутивным придворным беседам, к тому же ее обычно острый ум был

притуплен слишком большим количеством событий и отказывался служить ей. Поэтому она ограничилась тем, что отвернулась и окинула взглядом уснувшие равнины.

Граф не шелохнулся, но Анжелике показалось, что он подсел ближе.

— Взгляните, — вновь заговорил Жоффрей, — там, в саду, крошечный пруд с зеленой водой, в которой купается луна, будто бы жабий камень в бокале с анисовой настойкой... И цвет этой воды похож на цвет ваших глаз, моя милая. Никогда в жизни я не видел таких удивительных и таких чарующих, колдовских глаз. А теперь взгляните на розы, гирлянды которых увивают наш балкон. Их лепестки так же нежны, как ваши губы. Я в самом деле никогда не встречал таких розовых... и таких крепко сжатых губ. А вот насколько они сладки, я сейчас узнаю...

Спустя миг он обеими руками обхватил ее талию, и Анжелика почувствовала, как сила, которую было трудно заподозрить в этом высоком и худом мужчине, заставляет ее отклониться назад. Запрокинутый затылок Анжелики покоился на стиге мужской руки, и это объятие лишило ее возможности двигаться. Уродливое лицо склонялось все ниже и ниже, и вот уже губы графа де Пейрака почти коснулись ее губ. Молодая жена закричала от ужаса, принялась вырваться и отталкивать ненавистного супруга. И почти сразу же обнаружила, что снова свободна. Граф отпустил Анжелику и теперь со смехом смотрел на нее.

— Так я и думал. Я внушаю вам невероятный страх. Вы предпочли бы броситься с высоты этого балкона, чем принадлежать мне. Не так ли?

С бешено колотившимся сердцем она смотрела на Жоффрея де Пейрака во все глаза, в то время как он поднялся, потянулся, и в лунном свете его вытянутая фигура напомнила гротескный силуэт паука-сенокосца.

— Я не стану вас принуждать, маленькая бедная девственница, это не в моих правилах, хотя закон, соединивший нас, дает мне это право, а варварские и религиозные законы королевства обязывают меня это сделать... Но мне плевать на законы. Итак,

вас, несчастную юную деву, отдали чудовищу, Великому Хромому из Лангедока? Какой кошмар!

Граф снова наклонился, и Анжелика почувствовала, что начинает ненавидеть его насмешливую улыбку.

— Знайте, что я в своей жизни обладал многими женщинами белого, черного, желтого и красного цвета кожи, но ни одну из них я не взял силой и не завлек несметными богатствами. Они приходили сами, и однажды вечером вы тоже придете ко мне...

— Никогда!

Анжелика вложила в этот крик всю накопившуюся у нее ярость. Но ничто не могло стереть улыбку с этого странного лица.

— Вы — юная дикарка, но это мне скорее нравится. Легкая победа обесценивает любовь, трудная победа делает ее бесценной. Именно это утверждает Андре Капеллан, магистр любовного искусства. Прощайте, красавица моя, спите спокойно в вашей огромной постели наедине с вашими прелестями, с вашими чудесными, но лишенными ласки маленькими грудками. Прощайте!

Часть вторая
Таинственный дворец

Глава 3

Очарование юга Франции

На следующий день, едва проснувшись, Анжелика увидела розу. Роскошная роза на длинном стебле стояла в хрустальной вазе, и нежный утренний свет подчеркивал ее совершенный, изысканный розовый оттенок.

Цветок стоял так близко от ее лица, что Анжелике почудилось, будто роза на нее смотрит. Прелестный полузакрытый бутон с такой грацией развернул свои нежные лепестки, словно застенчиво приветствовал ее.

С трудом сбрасывая оковы сна, Анжелика постепенно приходила в себя. Просыпаться в обществе прекрасной розы было скорее приятно, к тому же ей не пришлось выбрасываться из окна. Вернее, с высоты террасы.

Кошмар, неустанно преследовавший Анжелику с того самого дня, когда отец сообщил ей о своих намерениях выдать ее замуж, исчез, рассеялся, испарился, словно легкий туман. Серая пелена спала, и Анжелика снова могла наслаждаться ярким светом жизни.

Однако она вздрогнула, обнаружив, что под ворохом кружевных простыней из тончайшей ткани лежит совершенно обнаженной. Почему она голая?.. Анжелике пришлось приложить усилие, чтобы воскресить в памяти все события минувшего дня, наполненного шумом, а также события ночи, окутанной тишиной. Не без труда она вспомнила, как ей пришлось самостоятельно раздеваться в этой комнате, залитой лунным светом. Это оказалось

непростым делом, доставившим Анжелике немало мучений, — с грехом пополам она сняла затейливый туалет, коя пальцы о булавки, и разорвала кружева, срывая части пластрона. Она и подумать не могла, что ее руки могут быть такими неловкими, а движения — такими лихорадочными. Одежда, разбросанная по мозаичному полу, стала немым свидетелем этого неистового разоблачения. При этом все воспоминания Анжелики были какими-то смутными — то ли кошмарным сном, то ли странной реальностью, — будто она разыграла эту пантомиму, находясь в бессознательном состоянии, не понимая, что делает. И этим утром она не могла сказать, какие чувства руководили ею: ярость, растерянность, отчаяние?.. Анжелика словно стала другим человеком, и это пугало ее.

Вчера, взвинченная до предела и измученная, она бросилась на кровать, на источающие легкий изысканный аромат простыни с гербами и разрыдалась от усталости, досады и, возможно, от одиночества. В конце концов, остуженная дыханием ночи и убаюканная легким ветерком, обессиленная графиня крепко уснула.

И вот, едва проснувшись, прямо перед лицом она обнаружила смотрящую на нее розу. Кто принес ее сюда? Анжелика решила, что накануне в темноте просто не заметила вазу, стоящую на низком столике у изголовья кровати.

Судя по царившей вокруг тишине, в доме было пусто.

За широкими окнами комнаты простирались бескрайние земли, залитые золотыми лучами торжествующего солнца, земли, привыкшие к его владычеству.

Завернувшись в кружевную простыню, Анжелика выскользнула из алькова и подошла к окну. Вдалеке она увидела очертания города с его бесчисленными колокольнями, башнями и шпилями — все розовое и яркое, как тот цветок, что приветствовал ее при пробуждении. И Анжелика вспомнила, что Тулузу, построенную из кирпича и цветного мрамора, принято называть «розовым городом».

Солнце сияло высоко в небесах, и утомленные жарой птицы смолкли, спрятавшись в тень. Равнину перечеркивала спящая глаза золотая линия реки.

Очарованная этим волшебным зрелищем, Анжелика как будто услышала далекую музыку. Новоиспеченная графиня чувствовала себя умиротворенной, словно солнце озарило ее душу. После того как странный супруг заверил, что и пальцем ее не тронет, пока она сама этого не пожелает, Анжелика немного успокоилась. «Неужели он полагает, что я сочту привлекательными его короткую ногу и изуродованное шрамами лицо?..»

Она уже начала строить планы на будущее и размышляла о том, как чудесно заживет в полном согласии с мужем, которого будет редко видеть. Каждый из них займется своими делами; она, например, будет посещать друзей и заниматься благотворительностью под чутким руководством епископа.

Музыка звучала все громче и громче.

В саду, прилегающем к небольшому особняку, раздались чьи-то голоса; затем они зазвучали внизу, в вестибюле павильона, а еще через несколько минут в комнату, в сопровождении служанок и двух лакеев, которые несли тазы с горячей водой для умывания, вошла Маргарита, с трудом скрывающая переполнявшую ее радость.

Поздоровавшись, Марго сообщила, что уполномочена передать хозяйке слова господина графа: если госпожа графиня чувствует себя утомленной, то может провести грядущий день в павильоне на берегу Гаронны. Но если она отдохнула, то граф будет счастлив лицезреть ее в Тудузе во дворце Веселой Науки. Там Жоффрей де Пейрак представит супруге гостей, и она окажет ему честь, возглавив обед, на который он пригласил весьма достойных людей.

— Значит ли это, Марго, что сегодня во дворце Веселой Науки соберется многочисленная компания?

— Во дворце Веселой Науки всегда собирается многочисленная компания, мадам. Ведь это сердце нашего города! И там всегда царит радость. Такой уж нрав у нашего сеньора...

Марго всем своим видом демонстрировала почтительное изумление.

Невесту встретили с такой помпой — дождь из цветов, золотых монет и разноцветных драже, роскошный банкет, бал и, конечно же, следовавшая за всеми этими торжествами свадебная ночь. Неужели Анжелика еще не поняла, где находится?.. В городе, в котором обожают праздники и веселье.

Опустившись на колени, чтобы подколоть юбку не такого изысканного, но все равно роскошного туалета графини, сшитого из столь мягкой и воздушной ткани, что она раздувалась при малейшем движении, служанка окинула Анжелику весьма дерзким, но доброжелательным взглядом и продолжила:

— ...У нашего сеньора, для которого с сегодняшнего дня вы стали единственной королевой.

Молоденькие служанки и даже паж, обязанный держать шкатулку с драгоценностями, восхищенно захихикали. Поднявшись с колен, Марго обвела слуг суровым взглядом, а затем попросила Анжелику выбрать украшения, которые она желает сегодня надеть.

«А эта девица совсем не глупа, — подумала Анжелика. — По всей видимости, она хочет, чтобы я что-то поняла... Впрочем, у меня нет выбора. Отныне я — графиня де Пейрак, супруга того, кто правит всей Тулузой».

— Какие празднества предусмотрены на сегодня, Марго? Сколько гостей мы ждем к обеду?

— О! К обеду соберутся лишь избранные друзья, около пятнадцати человек, не более. Но затем придут другие знатные горожане, на террасе в саду подадут фрукты и шербеты. Возможно, ближе к вечеру начнутся танцы. Возможно, нет...

Горничная дала понять, что после обеда наступит время всевозможных развлечений, поскольку нет ничего лучше отдыха в приятной компании, бесед о поэзии и любви.

Молодые служанки вновь захихикали, обмениваясь многозначительными взглядами. Марго отнеслась к их смешкам снисходительно и не стала призывать к порядку не в меру развеселив-

шихся девушек. Сегодня все имели право радоваться. Под синим небом Тулузы был заключен такой прекрасный, счастливый союз!.. Маргарита посоветовала хозяйке выбрать скромные украшения: пришло время отдохнуть от тяжелых драгоценностей. Волосы графини она украсила всего несколькими гребнями, и в ярких солнечных лучах роскошная шевелюра Анжелики так и сияла, окружая ее прекрасное лицо золотым ореолом.

Спустившись в сад, графиня де Пейрак увидела людей в белых туниках и с тюрбанами на головах. Мужчины бросили к ее ногам охапки цветов, а затем пали ниц, прижав лбы к земле.

— Это ваши садовники, мадам, — объяснила Марго.

А затем добавила с долей презрения... или жалости:

— Они — мориски¹... Испанские мориски.

Чтобы отблагодарить садовников, Анжелика попросила их выбрать цветок, который затем приколола к своим волосам.

Во дворце графине показали, где находятся ее апартаменты. Дворецкий Клеман Тоннель, привезенный ею из Пуату, вышел поприветствовать хозяйку.

Он тут же сообщил Анжелике, что *байль* месье де Пейрака — так в этой провинции именовали управляющего поместьем — от имени графа нанял его на работу и возложил на него обязанности дворецкого. И он, Тоннель, чрезвычайно доволен этим назначением. Его таланты и способности не будут лишними в таком огромном доме. Альфонсо д'Альваро и сам искренне обрадовался, что обрел компетентного помощника, ведь до сей поры байль совмещал обязанности управляющего и организатора праздников и пиров. Они договорились, что Альфонсо продолжит заниматься многочисленными запланированными торжествами, связанными с только что состоявшейся свадьбой, в то время как его прибывший с севера коллега начнет вникать в тонкости управления

¹ Мориски (в букв. переводе с арабского «маленькие мавры, мавританишки») в Испании и Португалии — мусульмане, официально (как правило, насильно) принявшие христианство, а также их потомки. Причислялись к низкостатусному сословию новых христиан.

обширнейшим хозяйством, о котором в дальнейшем им предстоит заботиться вместе. Тоннель еще раз заверил графиню, что счастлив служить ей. Конечно, местные жители излишне шумны и ленивы, но при этом сердечны и добры, поэтому он, Клеман, приложит все усилия, чтобы удовлетворить любое желание новых хозяев.

Анжелика благосклонно выслушала сбивчивую речь дворцового, преисполненную одновременно раболепства и некоторой надменности. Она несколько не жалела, что оставила при себе этого расторопного малого, чьи сдержанные манеры резко отличались от экзальтированного, если не сказать безумного, поведения окружающих ее людей.

Близился полдень.

Город взорвался величественным перезвоном: хор колоколов созывал верующих к молитве, напоминая им о благой вести, принесенной ангелом Деве Марии, и приглашал их вознести хвалу Богоматери.

Альфонсо, сопровождавший Анжелику к парадным залам, перекрестился и с неистовым пылом принялся заверять хозяйку, что в Тулузе никогда не было еретиков. Напротив, долгое время она оставалась прибежищем инквизиции, неприступной твердыней неискоренимой добродетели, и если Тулуза красна, словно кровь в лучах заката, то лишь потому, что участвовала в бесчисленных сражениях во славу Святой Католической Церкви.

Анжелика не могла не задаться вопросом, отчего тулузский управляющий — байль месье де Пейрака, как назвал его Клеман Тоннель, — рассказывает ей все это, вместо того чтобы готовиться к торжественному обеду, на который они направлялись. Колокольный звон, долетавший с улицы, стих, уступив место гулу голосов собравшихся гостей, которые, заметив графиню, тут же устремились ей навстречу.

Супруг Анжелики склонился в низком поклоне, и она успела разглядеть лишь густую черную шевелюру да руку, украшенную тремя или четырьмя кольцами. Эта рука почтительно коснулась ее руки, и губы графа скользнули по ней поцелуем.

После чего Жоффрей де Пейрак быстро выпрямился и, повернувшись к гостям, представил жене друзей, которые в этот день должны были разделить с ними обед.

Нескольких из них Анжелика видела накануне. Все блестящее общество мгновенно окружило хозяйку дома, и мужчины, и женщины наперебой приветствовали мадам де Пейрак и заверяли, что счастливы ее лицезреть, ибо уже начали опасаться, что вчерашнее явление богини было всего лишь мимолетным сном. Но вот она здесь! Каждый стремился сделать юной графине комплимент и пожелать ей счастья. Маркиз де Сервилла даже продекламировал небольшую поэму, написанную для столь торжественного случая, и Анжелика невольно поискала глазами Пегилена де Лозена. Накануне она видела его на балу и, возможно, даже танцевала с ним. Но тогда ему не удалось развеять терзающие ее страхи, а сегодня маркиз д'Андижос поведал Анжелике, что Пегилен уехал. Королевская служба требовала его присутствия при дворе. А вот он, Бернар, снова рядом с ней! Да, именно так! Маркиз сиял от радости, потому что месье де Пейрак попросил его познакомить графиню с новым для нее миром, частью которого она стала. Д'Андижос тут же приступил к своим обязанностям и отвел ее к стулу с очень высокой спинкой, стоящему во главе длинного стола.

Галантный кавалер с восхищением разглядывал Анжелику.

— ...Ах! Как преобразилось ваше личико, которое теперь совершенно не похоже на то лицо, которое я имел счастье — или, скорее, несчастье — созерцать, исполняя роль вашего мужа. Правду говорят, что любовь в сто крат усиливает красоту женщины, превращая робкую юную девицу в соблазнительную королеву!.. Разве я не говорил, что ваш супруг — истинный мастер обольщения?.. Скорее же расскажите мне о ваших открытиях, о ваших восторгах... Вы просто обязаны сделать это, дабы искупить те страдания, которые я испытывал, глядя, как вы проливаете горькие слезы!

— Что вы болтаете?! Я не проливала горьких слез!..

— Все было гораздо хуже! Я чувствовал себя палачом, влекущим вас на казнь...

Маркиз уселся справа от Анжелики.

И графиня с радостью отметила, что слева от нее расположился юный Сербало. Он был не столь красноречив, как д'Андижос, но все равно тут же принялся воспевать ослепительную красоту хозяйки дома и то чудесное превращение, которое сделало ее богиней, спустившейся с Олимпа, и — барон понизил голос — прекраснейшей женщиной Тулузы.

«Должно быть, здесь заведено осыпать новобрачную комплиментами, — подумала Анжелика, — ведь я попала в край поэтов».

Но несмотря на чрезмерность, по ее мнению, восторгов и знаков внимания, Анжелика не могла не признать, что выглядит великолепно и что даже «при ближайшем рассмотрении», как выразился бы юный и наивный поклонник, она не разочаровала присутствующих.

«Однако в этом нет ничего удивительного: любую женщину осыпьте драгоценностями, наряди как королеву, и она вызовет такое же восхищение толпы, особенно когда за окном солнечные лучи проливаются с небес столь же щедро, как в других краях дождь!..»

Пюльшери всегда учила племянницу скромности, предостерегая ее от мерзкого порока, коим является тщеславие. Но в те минуты Анжелика испытывала истинное наслаждение, чувствуя себя объектом множества восхищенных взглядов, в искренности которых она не сомневалась.

Окружающие считали ее красавицей.

Это придавало ей сил и слегка пьянило, как легкое вино.

Но эйфория, вызванная радостью от осознания собственной красоты и всеобщим поклонением, эйфория, которой Анжелика доселе никогда не испытывала, быстро угасла, словно капризная искра костра. Взгляд графини скользнул по золотой и серебряной посуде, по изысканным бокалам и хрустальным графинам, по цветочным букетам и наконец остановился на мужчине, сидящем напротив, за другим концом длинного стола. Его фигура темным пятном выделялась на фоне светлой аркады, ведущей от пиршественного зала к парку. И хотя супруг Анжелики сидел

против света и ей трудно было различить выражение его лица, она знала, что он тоже на нее смотрит, и вновь испытала безотчетный страх.

Эта темная фигура стала олицетворением ее судьбы.

Жоффрей де Пейрак был ее мужем. И она уже легко различала его голос в шумных беседах застолья, замечая, что граф, как и все, от души веселится.

Вдруг он потребовал тишины, заявив, что должен рассказать гостям нечто важное.

И завел разговор о винах. Анжелика догадалась, что граф улыбается. По рядам пирующих пробежала дрожь радостного возбуждения, все гости почти с религиозным экстазом приготовились внимать речам хозяина. Когда же беседа коснулась излюбленной темы всех присутствующих, они расслабились в предвкушении увлекательного рассказа. И пока пажи и виночерпии сновали вокруг стола, Жоффрей де Пейрак прежде всего напомнил слушателям, что дегустацию вин не рекомендуют — более того, запрещают — сочетать с дегустацией трюфелей. Этот редкий деликатес, отличающийся тонким вкусом, а также сильным всепроникающим и незабываемым запахом, плохо сочетается со слишком терпкими, возбуждающими напитками... Однако!.. Густой и душистый пар, источаемый тушеными перигорскими трюфелями, которыми он, граф, намеревается попотчевать своих гостей, разве не требует сочетания с яркими ароматами лучших вин Франции? И не рискуют ли господа лишиться себя остроты вкуса этого дивного блюда, сделав слишком робкий выбор?..

«Снова трюфели!» — подумала Анжелика, захмелевшая уже после первого бокала вина.

— Ах! Что я вам говорил? — прошептал Бернар д'Андижос. — Припомните! Ваша свадьба, точнее, «наша» свадьба в вашей провинции Пуату и ваше презрительное отношение к этому изысканному блюду. На сей раз вы обязательно его отведаете!..

Гости обменялись мнениями, после чего все решили довериться выбору хозяина дома.

По залу пробежал восторженный шепоток — так при порыве ветра по искрящейся глади моря пробегает легкая рябь, — приветствующий вино, название которого озвучил месье де Пейрак. Затем последовали одобрительные возгласы и комментарии. О предложенном напитке говорили с искренним почтением и энтузиазмом, ведь речь шла о вине из Руссильона — близкой, дружественной провинции, — которое по качеству не уступало бесподобным, прекрасным, но порой излишне изысканным винам из Гаскони и Бургундии. Крошечный виноградник, где было изготовлено вино, нависал над сияющим лазоревым морем близ Порт-Вендрес, старинного «порта Венеры», где когда-то укрывались от шквальных ветров юркие галеры.

Затем граф упомянул баньюльс!

Этот густой, сладкий, согревающий напиток — «Отменное вино!» — согласно кивали гости — особенно хорош в сочетании с сочным рагу. Его следует пить почти теплым, из первого, самого простого, широкого и открытого бокала округлой формы, потому что он не требует «замкнутого пространства». Даже если налить его совсем немного, любой искушенный человек сразу сможет уловить в его божественном аромате пряные ноты ежевики и листьев черной смородины.

Один из ближайших соседей Анжелики, Беранже Майоркский, выказал особое воодушевление, одобряя выбор графа.

— Речь идет о моей родине, о Каталонии. Я — каталонец.

— Простите мое невежество, месье, — любезно улыбнулась Анжелика, — но... Кто такие каталонцы?

— Не французы, но и не испанцы, — ответил он.

Соседи зашикали на него, так как дегустация первого блюда требовала определенной сосредоточенности. Трюфели, приправленные соусом из поданного вина, были приготовлены целиком.

К следующим блюдам, состоящим из рыбы, домашней птицы и мяса, хозяин дома велел подать два сорта белого вина: одно из них обладало светлым оттенком, подобным бледному свету летнего дня, когда полуденное солнце подернуто легкой дымкой, а второе было настолько темным, что на его родине оно называ-

лось «желтым вином», но эта желтизна отливала чистым золотом. Оба эти сорта следовало пить из высоких бокалов, вытянутые стенки которых слегка закруглялись кверху. Для красного же вина, поданного к мясу, на столе стояли более низкие, более округлые и закрытые фужеры из роскошного хрусталя. Чудо из чудес, изготовленное гениальными мастерами, которые не менее искусно умели орудовать шпагой — ведь когда-то дворяне не считали зазорным освоить ремесло стеклодувов. Наконец, граф де Пейрак настоятельно порекомендовал всем присутствующим не пить за обедом игристое вино, которое подали последним. Поскольку его доставили из Шампани, следовало отдать должное этому напитку и не смешивать с другими винами. Его разливали в тонкие бокалы, напоминающие флейту.

Анжелика, изумленная многообразием выстроившихся перед ней бокалов, погрузилась в созерцание их стройных хрустальных рядов.

Казалось, что эти хрупкие бутоны на длинных ножках, одновременно такие разные и такие схожие, распускались, расцветали, словно диковинные цветы, поражая взор своей почти воздушной прозрачностью, лишь для того, чтобы как можно лучше защитить, раскрыть, подчеркнуть цвет, тайную силу, вкус и аромат каждого сорта вина, которое виночерпий наливал в фужер. Во время трапезы Анжелика невольно отметила, что все это бесконечное разнообразие форм — округлых, вытянутых, широких и узких — призвано помочь носу и языку прочесть послание, скрытое в вине. И если она не смогла распознать в белом вине, поданном к пулярке, вкус меда и ванили — да и что такое ваниль? — то в глотке красного вина, которое граф назвал «роскошным», сумела почувствовать благоухание прелого листа в подлеске, которое удивительным образом сочеталось с грибами, дополняющими мясо. Жоффрей де Пейрак очень точно описал этот аромат.

Сделав очередной глоток, Анжелика прикрывала глаза, забавляясь удивительными открытиями, смакуя тонкий вкус напитка, словно украдкой прикасалась к величайшей тайне Вселенной.

Поставив бокал на стол, она вновь почувствовала на себе внимательный взгляд, и ее душу снова кольнул безотчетный страх, пробуждая от сладостных грез. Анжелика тут же перенесла все свое внимание на незнакомых людей, сидящих вокруг, но, казалось, никто из них не выглядел встревоженным из-за того, что находится в логове чудовищного колдуна: все присутствующие восторженно внимали речам хозяина. В монастыре урсудинок аббатиса не раз учила своих воспитанниц искусству ведения светской беседы, поскольку, заняв высокое положение в обществе, они будут вынуждены постоянно выглядеть блистающими тонким умом женщинами, истинными законодательницами придворных манер, а порой им придется возвращать слишком фривольный разговор в строгие рамки приличий и морали. Стремясь научить девочек изысканному обхождению, аббатиса приводила примеры реплик, уместных в том или ином случае. Эти фразы настоятельница монастыря называла «схемами», они были просты и не слишком многочисленны, ведь правила хорошего тона требовали, чтобы идеальная женщина была не слишком болтлива.

Вести светскую беседу? Пусть будет так!.. Но для того чтобы вступить в разговор, Анжелике было необходимо лучше узнать каждого из гостей, тех, кто в этот момент почти с религиозным рвением дегустировал предложенные блюда и вина.

Юная графиня заметила пятидесятилетнего мужчину, сидящего совсем рядом с графом де Пейраком. Этот месье беседовал с хозяином дома самым непринужденным образом, в то время как остальные гости, и это не ускользнуло от Анжелики, держались скорее сдержанно и выказывали графу особое почтение, граничащее с поклонением и даже страхом, которые можно встретить разве что при королевском дворе. Д'Анджос назвал Анжелике имя мужчины и сообщил, что речь идет об одном из лучших друзей графа де Пейрака, субарендаторе из налогового ведомства Лангедока. То есть о сборщике налогов.

Никогда прежде Анжелика и подумать не могла, что представитель столь низкого сословия, бесконечно презираемого ее де-

дом, может присутствовать за столом высокородного дворянина. Вдруг какая-то дама, сидевшая между сенешалем, мужчиной с белыми как лунь волосами, и одним из советников Тулузы, молоденькая и хорошенькая особа по имени Жиральда де Ланзак, пожелала объяснить свое появление во дворце Веселой Науки, которое она называла не иначе как подарком Небес и своих святых покровителей.

— Мое скромное жилище находится так далеко в горах, что новость о вашем браке, месье де Пейрак, не дошла до меня, — сообщила она графу с печальным выражением лица. — Я благоговяю обстоятельства, которые заставили меня покинуть родной дом и позволили оказаться на этом празднике.

После чего Жиральда де Ланзак в подробностях поведала об этих самых обстоятельствах. Одна из ее соседок, маркиза де Кунанж, с которой ей приходилось встречаться весьма редко (поскольку горные дороги и мосты, обычно пребывающие в плачевном состоянии, не позволяют ей навещать друзей), как-то вечером уступила требованиям группы мужчин, барабанящих в потайную дверь замка, — и оказалась лицом к лицу с тремя убийцами.

Тут же градом посыпались вопросы.

— Но почему она открыла им дверь?

— Они явились от имени ее мужа.

— А где находился он сам?

— С армией, на Севере.

— А почему убийц было трое?

Мадам де Ланзак объяснила, что таким образом супруг покойной продемонстрировал свою галантность. Желая как можно скорее завладеть огромным состоянием жены, которое та унаследовала после смерти родителей — факт, о котором маркиза ничего не знала, — он недолго думая послал к ней наемных убийц, уполномоченных поторопить даму отправиться на тот свет. Но будучи дворянином до мозга костей и желая придать своему поступку некую элегантность, маркиз оказал супруге великую милость и позволил ей решать самостоятельно, какой смертью она

умрет. У несчастной было три варианта: погибнуть от железа, то есть от кинжала, от яда или от пистолета. Последний способ самый быстрый, но слишком шумный. Маркиз был столь любезен, что вместе с убийцами послал священника, призванного исповедовать жертву, а также поддержать ее в последние минуты жизни.

— И что же она выбрала?

— Очевидно кинжал, так как ее израненное тело обнаружили на дороге в некотором отдалении от замка.

— Следовательно, она пыталась бежать...

— И кто же призовет к ответу виновного?

— И в какой суд обратиться? Тулузы или Парижа?

Последний пункт вызвал самые горячие споры: одни расхваливали преимущества парижского суда и советовали довериться справедливости короля, другие уговаривали мадам де Ланзак обратиться к статутному, римскому, праву, которое благодаря изгибам невидимой границы еще действовало на некоторых территориях провинции Овернь.

— Но ведь это не меня убили, — запротестовала молодая женщина. — Храни меня Господь от столь ужасного приключения!..

— Однако, узнав о происшествии с вашей соседкой, вы покинули свой унылый замок в Оверни и примчались искать убежища в Тулузе.

Жиральда де Ланзак не могла не согласиться. Она призналась, что с тех пор, как узнала об убийстве, больше не могла спокойно спать и, слушая в одиночестве в своей крепости зловещее уханье совы, только и думала о том, что толщина стен, в былые времена призванная защищать владельцев замков от атак ландскнехтов¹ темных веков, сегодня, напротив, успешно используется жадными и завистливыми мужьями, которые отлично знают, что никто в округе не услышит криков их несчастных жен.

Все присутствующие с жаром и шутками, не лишеными цинизма, принялись обсуждать провинцию Овернь, которая испо-

¹ Ландскнехт (нем. *Landsknecht*) — наемный пехотинец эпохи Возрождения. Нанимались из представителей низших сословий и часто занимались мародерством.

кон веков считалась ареной самых чудовищных драм и преступлений, отличавшихся странной особенностью долго оставаться безвестными, а следовательно, безнаказанными. Печальные истории, основанные на сомнительных фактах, многие приписывали богатому воображению местного населения: зловещие тени черных потухших вулканов, которыми изобиловала провинция, заставляли овернцев самым мрачным образом интерпретировать любые происшествия и слухи о них.

— Однако, несмотря на то что у Оверни весьма дурная репутация, — заметил кто-то, — припомните, что однажды, тридцать лет тому назад, там все-таки собрались Генеральные штаты¹. После этого десять знатнейших сеньоров сложили головы на плахе в наказание за дурное обращение с подданными и убийства, которые они совершали в своих феодах!..

— А где ваш супруг? — спросили у Жиральды де Ланзак.

— В армии, во Фландрии, как и месье де Куанж.

— Будем надеяться, что они там не встретятся и муж вашей соседки не даст вашему супругу дурной совет!..

Среди мелодичного звона посуды, журчания наливаемых вин, чудесных ароматов, исходящих от блюд, доставивших немало хлопот самым искусным поварам, это печальное происшествие приобрело легкость анекдота, немного мрачного, но все же забавного.

И напрасно Анжелика напрягала свою память, которую монахини вполне заслуженно называли хорошей и даже отменной, — она никак не могла припомнить «схему» настолько сложного светского разговора, перенасыщенного эксцентричными и жестокими темами. В конце концов она решила больше об этом не думать и позволила себе плыть по течению.

Так как граф порекомендовал пить пьянящее вино последним, Анжелика жадно осушила бокал холодного игристого напитка,

¹ Во Франции высшее сословно-представительское учреждение, имевшее характер совещательного органа. — *Примеч. пер.*

в котором танцевали крошечные золотые пузырьки. Это вино подавалось в тонком вытянутом фужере, напоминающем едва приоткрывшийся бутон крокуса. Один из помощников Альфонсо склонился к графине и тихо сообщил ей, что слуги готовы подавать на террасе десерты.

Анжелика непроизвольно взглянула на человека за другим концом стола и поняла, что именно ей следует подать сигнал об окончании обеда.

Она поднялась, и все почтенное общество последовало ее примеру. Оказавшись на ногах, Анжелика не смогла сдержать улыбку, а затем и вовсе рассмеялась: сначала оттолкнув руку излишне ретивого Бернара д'Андижоса, в следующий миг она воспользовалась поддержкой этого мощного мужчины, потому что от выпитого игристого вина у нее подкосились ноги. Впрочем, все вокруг смеялись, хохотали и шутили. Гости разбивались на пары и рука об руку направлялись вглубь галереи.

— Ну что, разве я вас не предупреждал? — заливался соловьем ее услужливый кавалер. — Здесь все располагает к тому, чтобы быть счастливым, радоваться чудесной компании и наслаждаться чередой развлечений.

Продолжая поддерживать свою очаровательную спутницу, маркиз засыпал ее вопросами.

— Расскажите мне о ваших открытиях на поприще любви... опишите ваши восторги!.. О, как красноречивы сегодня ваши сияющие глаза!

Анжелика тем временем провожала взглядом фигуру графа де Пейрака, который обвинил рукой талию мадам де Ланзак и увлек ее к залитой светом террасе, где уже разносили фрукты и шербетты. Анжелика видела лишь спину мужа, и — странное дело! — ей казалось, что склонившийся к своей спутнице граф, озаренный ярким светом и окруженный гулом голосов, в который вплетались мелодичные звуки маленького оркестра, укрывшегося в беседке, не хромает, а танцует. Как бы то ни было, они оба залиристо смеялись и, по всей видимости, отлично ладили друг с другом. Анжелика с изумлением смотрела на профиль этой

прекрасной женщины, которая, приподняв головку, ослепительно улыбалась своему кавалеру. Анжелика почувствовала себя зрительницей театральной постановки, смысл которой ей был совершенно непонятен. Маленький паж с круглым черным личиком, увенчанным тюрбаном с эгреткой, приблизился к паре, неся на подушечке футляр для драгоценностей.

Д'Анджос, заметивший интерес Анжелики, замедлил ход, чтобы молодая графиня могла увидеть то, что произойдет дальше.

Жоффрей де Пейрак остановился, открыл футляр и извлек оттуда кольцо с драгоценным камнем. Затем взял руку мадам де Ланзак, галантно поцеловал кончики ее пальцев и надел на один из них роскошный перстень. Жиральда смутилась, чуть было не лишилась чувств, но быстро взяла себя в руки, и ее восхищенные восклицания смешались с возгласами дам и сеньоров, столпившихся вокруг, чтобы разделить радость и восторг счастливицы.

— Ну вот! — не уставал ликовать д'Анджос. — Мадам де Ланзак получила свой «утешительный приз». Этот подарок заставит даму забыть о тех довольно злых шутках, которые прозвучали в ее адрес и были связаны с суровой и мрачной Овернью... Месье де Пейрак никогда не допустит, чтобы кто-нибудь из его друзей в этом доме чувствовал себя обиженным, он лично уделит внимание так называемому пострадавшему и всегда найдет способ залечить рану, нанесенную в пылу чересчур жаркой дискуссии... Он никогда не скупится! Особенно когда речь идет о дамах!.. Подобные привилегии порой делают нас объектами всеобщих насмешек, ведь таким образом мы можем прочувствовать всю глубину его дружбы, оценить его такт и деликатность... Ах! Он мастер обольщения! Разве я не говорил вам об этом?!

* * *

В последующие дни Анжелика поняла, что дворец графа де Пейрака, вне всякого сомнения, являлся самым посещаемым местом города, и хозяин всегда принимал активное участие во всех увеселениях. Его нескладную вытянутую фигуру можно было

увидеть рядом то с одной, то с другой группой гостей, и Анжелика искренне поражалась оживлению, которое неизменно вызывало присутствие ее мужа.

Постепенно молодая жена привыкла к странному и отталкивающему виду своего супруга, и ее отвращение к нему уменьшилось. Без сомнения, враждебность и даже страх, которые она прежде испытывала, во многом были связаны с мыслью о необходимости подчиниться его плотским желаниям. Теперь, когда ее тревоги по этому поводу улеглись, Анжелика была вынуждена признать, что этот удивительно красноречивый человек, отличающийся жизнерадостным и необычным характером, не может не вызывать симпатии. При этом по отношению к своей супруге он вел себя с подчеркнутым равнодушием и, хотя не забывал оказывать графине соответствующие ее положению знаки внимания, казалось, просто не замечал ее. Каждое утро Жоффрей де Пейрак учтиво здоровался с женой; сидя за огромным столом прямо напротив графа, Анжелика по-прежнему возглавляла трапезы, на которых неизменно присутствовали не менее десяти гостей, и, таким образом, была избавлена от столь пугающей ее необходимости оставаться с мужем наедине.

Но она видела, сколь искусно и при этом ненавязчиво граф одаривал своим вниманием тех, кого хотел выделить.

Например, когда все общество направлялось на террасу, чтобы насладиться десертами или легкими закусками, или во двор, чтобы обменяться последними любезностями и дружелюбными пожеланиями перед тем, как расстаться, Жоффрей де Пейрак галантно удерживал одного из гостей, желая поговорить с ним наедине. При этом он всегда по-дружески клал руку на плечо собеседника, если это был мужчина, а даму нежно обнимал за талию, привлекая к себе как можно ближе. И каждый из присутствующих мечтал о том, чтобы граф уделил внимание именно ему, а удостоившись подобной чести, тут же расцветал от счастья.

Женщины считали Жоффрея де Пейрака привлекательным.

Анжелика не могла отрицать этого очевидного факта, и постепенно то, что в первые дни вызывало в ней величайшее изумле-

ние, стало вполне понятным. Она замечала, что стоило зазвучать в коридоре неровным шагам хромящего графа, как при их приближении прекрасные гости вздрагивали, с трудом скрывая волнение. Казалось, что по ним словно пробегала волна лихорадочного возбуждения. Тулузский вельможа умел разговаривать с дамами. В его запасе имелись и язвительные, и приятные речи, он знал слова, которые позволяли той, к кому они были обращены, почувствовать себя единственной, неповторимой, выдающейся и самой прекрасной. Сама же Анжелика взвивалась на дыбы, словно непокорная лошадка, стоило ей слышать эхо льстивого голоса. Испытывая непонятное головокружение, она вспоминала тревожные признания: «Он очаровывает молодых женщин странным пением».

Когда же спор с одной из этих дам, которые, желая блеснуть умом, первыми пускались в полемику, в какой-то момент становился излишне ожесточенным и порой даже неучтивым, Анжелика не могла сдерживать нетерпение и всегда с интересом ждала, последует ли за жаркими дебатами «утешительный приз». И чаще всего чудесный подарок не заставлял себя ждать. Юная графиня вновь и вновь отмечала, невольно испытывая острую досаду, что все эти кокетки не чувствовали ни малейшего испуга, когда к ним склонялось лицо, перечеркнутое безобразными шрамами. Теперь она не сомневалась: ее супруг завораживал женщин своим огненным взглядом, сияющей улыбкой, ласковыми нашептываниями, изысканными комплиментами, которые каждая престолница собирала, словно букет бесценных цветов, пробуждающий в ней самые безрассудные мечты.

Однако и Анжелика не могла жаловаться на то, что ее забыли.

Не проходило и дня, чтобы графиня не обнаруживала у себя в покоях какого-нибудь подарка — забавной безделушки или драгоценного украшения, а порой это было новое платье, предмет мебели, сладости или цветы. Все эти вещи подбирались с большим вкусом, отличались роскошью, которая ослепляла, очаровывала Анжелику... и ставила ее в затруднительное положение. Она не знала, как сказать графу, что его подарки доставляют ей небывалое

удовольствие, и каждый раз, когда пыталась обратиться к мужу с благодарственной речью, не могла решиться поднять глаза на его изуродованное лицо, становилась неловкой и лепетала какие-то невнятные фразы.

Однажды у окна большой галереи, где Анжелика имела обыкновение сидеть, она нашла футляр из красного сафьяна с золотым тиснением и, открыв его, обнаружила там бесподобный бриллиантовый гарнитур. Она и мечтать не смела о такой роскоши.

Дрожа от восхищения, Анжелика разглядывала украшение и думала, что наверняка даже у королевы нет столь дорогих и прекрасных камней. И тут она услышала своеобразные шаги супруга.

Поддавшись первому порыву, красавица бросилась к нему с сияющими глазами.

— Какая роскошь! Как мне благодарить вас, месье?

Охваченная восторгом, Анжелика слишком быстро подлетела к мужу и поэтому почти врезалась в него. Ее щека коснулась бархата камзола, когда внезапно ее остановила железная рука. Лицо, приводящее в ужас, склонилось настолько близко, что улыбка на губах Анжелики мгновенно погасла и она невольно отпрянула, не сумев сдержать дрожь. Рука Жоффрея де Пейрака тотчас отпустила ее, и он произнес с беззаботностью, к которой примешивалась доля легкого презрения:

— Благодарить меня? За что?.. Дорогая, не забывайте, вы — жена графа де Пейрака, последнего представителя прославленных графов Тулузских. И уж если вы носите этот титул, то должны быть самой красивой и иметь лучшие украшения. Отныне не считайте себя обязанной благодарить меня.

Эта сцена вывела Анжелику из равновесия, и весь остаток дня она провела в расстроенных чувствах.

Жест, которым граф прижал ее к себе, напомнил ей об ужасе, пережитом в первый вечер после приезда, когда Жоффрей де Пейрак схватил ее, заключил в кольцо своих рук и согнул, словно тростинку. Анжелика никогда не думала, что руки муж-

чины могут обладать такой властной силой. Хотел ли уродливый тулузец таким образом дать ей понять, что гораздо сильнее своей жертвы и может сделать с нею все, что пожелает? Именно в тот момент она осознала, что сопротивляться бессмысленно. Она была пойманной добычей. Воющей добычей!

Но он тут же отпустил ее, отпустил настолько внезапно, что она чуть не упала. Он смеялся. Что-то говорил, и она уже не могла припомнить все его слова. Ироничные, нечестивые речи. В памяти Анжелики осталось лишь пренебрежительное заявление: «Я не стану вас принуждать! Это не в моих правилах...» А после добавил с отвратительной убежденностью:

«Но однажды вечером вы придете. Все приходят!»

«Никогда!» — снова про себя повторила Анжелика. И удивилась тому, как быстро забыла о его самоуверенных словах.

Честно говоря, у нее не было оснований жаловаться, что Жоффрей де Пейрак уделяет больше внимания и расточает восторги другим женщинам, обделяя ими свою супругу.

Его галантные комплименты были спонтанными, изысканными, веселыми, и Анжелика начала понимать, почему все дамы с очевидным удовольствием принимают знаки внимания графа.

Следуя парижской моде, женщины Тулузы тоже хотели прослыть истинными «жеманницами».

— Мы находимся во дворце Веселой Науки, — однажды сказал граф, внезапно подойдя к жене в разгар шумного приема. — Все, что связано с галантной культурой Аквитании, а следовательно, с культурой всей Франции, должно сосредоточиться в этих стенах. Когда-то именно так в Тулузе возродились знаменитые Цветочные игры. Главный приз — «Золотая фиалка» — был присужден молодому поэту из Руссильона. Изюм всех уголков Франции и даже со всего мира в Тулузу прибыли создатели изящных рондо, дабы предстать пред строгим судом ценителей, возглавляемых Клеманс Изор¹, светлой музой трубадуров былых

¹ Клеманс Изор (1450—1501) — легендарная дама знатного рода, будто бы возобновившая в Тулузе традиционные литературные состязания, бывшие в обычае

времен. И поэтому, Анжелика, не пугайтесь незнакомых лиц, которые появляются в моем дворце. Если все эти люди надоели вам и если вы испытываете потребность в отдыхе, то всегда можете удалиться в наш уединенный павильон на берегу Гаронны.

Но Анжелика была вынуждена признать, что не испытывает ни малейшего желания уединиться. Мало-помалу она втягивалась в эту легкую, напоенную весельем и музыкой жизнь.

Присмотревшись к молодой жене графа, некоторые дамы, которые поначалу отнеслись к ней с некоторым высокомерием, впоследствии сочли ее весьма неглупой и приняли в свой избранный круг.

И все же балом здесь правил Жоффрей де Пейрак. Его стараниями дни и ночи во дворце наполнялись таким разнообразием, очарованием и магией, что порой у молодой пуатевинки создавалось впечатление, будто она оказалась зрительницей в театре, созданном лишь с одной целью — доставить ей невероятное удовольствие, пленить своим изяществом. При этом Анжелика чувствовала себя абсолютно свободной и осознавала, что у нее есть все условия для того, чтобы она раскрылась, как бутон, и расцвела.

Между тем в ее душе гнездились два совершенно противоположных чувства: опасение и доверие. Она была уверена, что граф никогда не нарушит своего слова, но временами не могла сдерживать мучительную дрожь страха.

Она была пленницей властителя местных земель.

Частенько в часы сиесты Анжелика устраивалась в большой галерее у одного из широких окон, которые украшали фасад дворца. Открыв их все, галерею можно было превратить в просторную террасу, по которой гулял освежающий ветерок.

Именно здесь накрывали обеденный стол, когда в доме собиралось небольшое количество самых близких друзей. Тут же пода-

веком раньше; своими богатыми пожертвованиями она поддерживала Цветочные игры, на которых воспевалась Прекрасная Дама. — *Примеч. пер.*

вали легкие закуски, а когда наступал вечер, принося с собой темноту и прохладу, устраивали танцы для небольшой компании.

Большие парадные залы, в которых проводился торжественный прием и пир по случаю свадьбы, выходили на передний двор, где разворачивались привозящие гостей кареты, и на город. Что же касается галереи, то здесь легко можно было забыть о близком соседстве шумной, оживленной Тудузы, поскольку позади дворца располагались сады и, преодолев всего три или четыре ступени, из галереи, так же как и из покоев графини, можно было попасть в парк и оказаться под густой сенью деревьев.

У Анжелики появилась привычка бродить утром по узким аллеям, — созданным для уединенных прогулок вдвоем, думала она, — вьющимся меж цветников и ведущим к тенистым беседкам. Кое-где они превращались в настоящие тоннели, в которых царил полумрак, и увлекали гуляющих к густым рощам. Чем дальше Анжелика удалялась от дворца, тем призрачней становился город. Сады полнились тайнами, и понемногу начинало казаться, что нет им конца и края. Словно очутившись в дремучем лесу, графиня понимала, что дальше идти нельзя, и возвращалась к дому.

Среди листвы Анжелика различала белые гибкие силуэты усердных садовников, в полном молчании снующих по парку, и это лишь усиливало впечатление, что она находится на опушке зачарованного леса, населенного призраками. Иногда один из садовников робко приближался к хозяйке и, рухнув ниц, ставил перед ней корзину только что срезанных прекрасных цветов, собранных в изысканный букет, после чего поднимался и следовал за графиней, чтобы вручить корзину пажу или служанке. Слушая разговоры окружающих, Анжелика по крупичам собирала сведения об этих морисках с бархатными глазами и янтарной кожей, похожей на румяные хлебцы.

Они были последними уцелевшими представителями королевства Гранада, некогда великого мусульманского государства, захваченного Испанией после арабского вторжения, произошед-

шего в начале восьмого века. Спустя девять столетий, во времена мрачного и набожного Филиппа II, сына Карла V, знаменитая христианская Реконкиста вернула эти земли в лоно католической церкви. Вскоре мудехаров — а это слово означало «получившие разрешение остаться» — заподозрили в том, что они приняли христианство лишь для видимости, а сами втайне продолжают исповедовать ислам, и подвергли новым гонениям. Последовали годы кровавых мятежей, после чего бывшие мусульмане были осуждены на депортацию из Андалусии. Их вывозили группами по полторы тысячи человек, окруженных конвоем из двухсот солдат, и мудехары рассеялись по северным и западным регионам, по сухим и продуваемым ветрами плато Кастилии, по бесплодной и ледяной сьерре...

Беранже Майоркский утверждал, что мудехары были мирными и трудолюбивыми землепашцами и их земли в Андалусии, с которых бедняг так безжалостно согнали, фруктовые сады и плодородные поля в конечном итоге пришли в запустение.

Впоследствии «истинные христиане» внутренних областей Испании возроптали против притока вновь обращенных «неправовверных христиан», потребовали и получили согласие на их окончательное изгнание. Те, кто сумел избежать костров, разведенных инквизицией для вероотступников, а также лютой смерти от голода и болезней, подстерегавших мудехаров на дорогах скитаний, нашли убежище по другую сторону Пиренеев. И вот уже много лет евреи и мусульмане являются неотъемлемой частью цивилизации Лангедока.

Рассказывая о морисках, каталонский дворянин сумел окрасить и без того невеселую историю в самые мрачные тона, а все потому, что был истинным каталонцем, то есть непримиримым врагом испанских правителей. Он не раз подчеркивал, что графство Барселона само стремилось под крыло императора Карла Великого еще в те далекие времена, когда монарх предпринял испанский поход и когда его племянник Роланд, попавший в засаду в горах, затрубил в свой легендарный рыцарский рог.

Анжелика искренне обрадовалась, обнаружив в этих рассказах тему, знакомую ей с раннего детства. Ведь император Карл Великий и его племянник Роланд, а также невеста последнего, прекрасная Ода, скончавшаяся от горя, услышав известие о смерти любимого, были одними из главных героев ее синих книжиц.

Подобные познавательные беседы велись во время конных прогулок, на которые юная графиня отправлялась ранним утром с небольшим эскортом друзей. Во время этих поездок Анжелика присматривалась к своему окружению, изучала местность, по-прежнему бросая озадаченные взгляды за горизонт — настолько пейзаж, возникающий перед ее глазами, отличался от ландшафтов ее родины. Анжелика любила ездить верхом, к тому же после прибытия на Юг конные прогулки помогали ей освоиться: она получила возможность вести непринужденную беседу с теми, кто ее сопровождал.

Д'Анджос поведал своей подопечной много интересного о служащем налогового ведомства, большом друге месье де Пейрака, присутствию которого за столом Анжелика так удивилась. Маркиз не заметил смущения графини: должно быть, у него никогда не возникало сложностей со сборщиками налогов. К тому же вышеупомянутый друг Жоффрея де Пейрака был весьма богат и, не пренебрегая своими прямыми обязанностями, увлекался машинерией, слыл талантливым инженером и вместе с графом трудился над одним грандиозным проектом. Д'Анджос напомнил Анжелике об их путешествии и о своем рассказе насчет своеобразия климатов, царящих в «небольших королевствах», лежащих на пути к Тулузе. О теплом и влажном воздухе, приносящемся с запада, со стороны Гасконского залива, выходящего в Атлантический океан, и о более жгучих и сухих ветрах, летящих с востока, со Средиземного моря.

Так вот, этот инженер был одержим изучением водных ресурсов, его интересовали родники, реки, горные потоки, ручьи, он рассчитал их протяженность, пути следования по всей округе и прилегающим провинциям. Родившийся в Безье, дитя водно-

го края, он мечтал, отправляясь в Тулузу по судоходной Гаронне, прорыть канал, который соединил бы оба моря.

Утопия, невыполнимый проект, о котором до него грезили многие ученые. И вот месье де Пейрак, используя свое состояние и полномочия, взялся помочь дерзкому мечтателю. «Какие полномочия?» — чуть было не спросила Анжелика.

Графине де Пейрак было просто необходимо получить разъяснения по поводу всего, что казалось ей странным. Она часто вспоминала пугающие предостережения, услышанные еще в Монтеу; порой тревожные слова преследовали ее даже во сне. В такие моменты Анжелика просыпалась и не могла собраться с мыслями. Очарованная окружающей действительностью, она задавалась вопросом, кто и как однажды убедит ее, что она находится не в замке Жилия де Реца.

Дни летели, и эхо ужасных разоблачений становилось все тише. Вокруг было столько света и веселья, которые окутывали душу невидимой мягкой вуалью.

И повсюду звучала музыка.

Порой тихая мелодия доносилась издали. Порой, сидя в тени беседок, музыканты мотетами¹ убаюкивали обитателей замка в томные часы сиесты. Когда наступали сумерки, сразу после ужина давали небольшой бал. Слуги сервировали длинный стол или, что случалось чаще, отдельные столики, расставляя на них разнообразные легкие закуски, фрукты и сладости. Вокруг таких столов устраивались по два, три или четыре человека — согласно велению сердца и дружескому расположению.

В доме Жоффрея де Пейрака царил необычайная свобода, каждый был волен располагать этими часами досуга по своему усмотрению, посвящая их неспешному милому общению и радостным встречам: гости уходили и приходили, когда им взду-

¹ Мотет — вокальное многоголосное произведение полифонического склада, один из центральных жанров в музыке западноевропейского Средневековья и Возрождения.

мается, и потому во дворце Веселой Науки всегда царило удивительное согласие.

Анжелику нисколько не смущал подобный уклад жизни.

Ведь если залы замка Монтеу и отличались бедностью деревенской обстановки, а по комнатам гулял ветер, то двери родного дома Маркизы Ангелов всегда были открыты для путников.

Любой, кто желал поприветствовать дедушку, укрыться от дождя или зайти осведомиться о добром здравии семейства Сансе, без лишних сложностей преодолевал подъемный мост, поднимался на крыльцо и прямо с порога окликал хозяев старого замка. Анжелика всегда любила такие неожиданные визиты, позволявшие ей отложить рукоделие, которым она занималась под бдительным присмотром Пюльшери, сбегать по лестнице, встретиться с новыми людьми или увидеть знакомые лица тех, кого не хотелось забывать.

В огромных парадных залах тулузского дворца, выходявших окнами на город, собиралось бесчисленное множество гостей. Большая часть из них оставалась стоять с бокалами в руках, переходила от одной группы к другой, чтобы порадоваться встрече со старыми друзьями или познакомиться с новыми. Неспешные беседы, обмен новостями о войне или о падении цен на синильник, вытесненный завезенным из Америки индиго, перемежались пикантными шутками или галантными, игривыми замечаниями.

Анжелика неустанно заботилась о том, чтобы каждый из гостей всегда мог утолить жажду, следила, как разносят подносы с воздушными пирожными.

Это постоянное движение и хлопоты как нельзя лучше соответствовали ее деятельной натуре. А поскольку ее обязанности хозяйки дома были совсем необременительными, красавица графиня могла вообразить себя гостьей в этом роскошном дворце, к тому же располагающей большей свободой, чем все остальные приглашенные. Жоффрей де Пейрак лишь в редких случаях напоминал Анжелике о том, что является ее мужем: например, когда сенешаль или другой высокопоставленный горожанин давал

бал, на котором мадам де Пейрак надлежало предстать самой обворожительной и нарядной женщиной Тулузы.

В таких случаях он без предупреждения появлялся в апартаментах супруги, садился близ туалетного столика и внимательно следил за всеми приготовлениями, помогая тем или иным советом умелой Марго и другим горничным. От бдительного взора графа не ускользала ни одна мелочь. Жоффрей де Пейрак знал толк в женских нарядах, и Анжелика восхищалась точностью его замечаний и умением сделать безупречный выбор. А так как она всем сердцем желала стать настоящей светской дамой, то с большим вниманием ловила каждое слово мужа и в такие моменты забывала обо всех обидах и опасениях.

Но однажды вечером, любуясь собой в большом зеркале, облаченная в чудесное атласное платье цвета слоновой кости с высоким кружевным воротником, расшитым жемчугом, она различила рядом с собой темную фигуру графа де Пейрака. И внезапный приступ отчаяния вновь свинцовым обручем сдавил ей грудь.

«Что значат богатство и роскошь, — думала она, — в сравнении с ужасной участью, уготованной мне судьбой — быть навечно связанной с колченогим, безобразным мужем!»

В эту секунду граф заметил в зеркале обращенный на него взгляд и резко шагнул в сторону.

— Что с вами? Вы не считаете себя достаточно красивой?

Анжелика мрачно посмотрела на собственное отражение.

— Нет, месье, считаю, — покорно ответила она.

— Так в чем же дело?.. Вы могли бы хоть улыбнуться...

И Анжелике показалось, что она услышала тихий вздох.

Глава 4

Подслушанный разговор. — Фабрицио

В тот день Анжелика решила подняться по лестнице, ведущей наверх.

Каждое утро, выходя из своих апартаментов, чтобы пересечь галерею и попасть в помещения и залы, поражающие роскошью и предназначенные для балов и пиров, слева от себя она видела эту самую лестницу, которая будоражила воображение, манила, приглашала ступить на нее и начать восхождение.

Это была широкая, пологая лестница с длинными и не слишком высокими ступенями, высеченными из светлого мрамора. Яркий солнечный свет сияющим потоком заливал лестничные пролеты, подчеркивая их прекрасный золотистый цвет.

Анжелика никогда не видела подобной лестницы.

Разве можно было сравнить ее с винтовой башенной лестницей замка Монтелу — серой, шероховатой, с высокими ступенями, по которым с таким трудом взбирались крошечные ножки Мадлон?

Возвращаясь с воскресной службы или после прогулки по городу, Анжелика не раз окидывала взглядом фасад своего нового жилища и вскоре поняла, что дворец состоит из трех этажей, вернее, даже четырех, если считать самый нижний этаж, на котором располагались склады, погребки, кухни и другие помещения и окна и двери которого выходили во внутренний двор, или даже

пяти, учитывая высокий выступающий каменный карниз, увенчанный аттиком.

Спутники графини никогда не упускали случая упомянуть великолепную террасу, находящуюся на крыше здания, где теплыми летними ночами давали камерные концерты. Многие сожалели, что граф де Пейрак не повелел возвести башню с куполом и бельведером — такие сооружения украшали все дворцы города. Некоторые также сравнивали дворец Веселой Науки с итальянскими палаццо. И уточняли: с тосканскими...

После чего все приходили к единодушному мнению, что дворец Жоффрея де Пейрака бесподобен. Он обладает поразительным изяществом и не похож ни на одно другое здание.

Слушая это, Анжелика думала, что до сих пор изучила только первый этаж дома и служебные помещения.

Собственные владения казались ей огромными, и она не могла похвастать, что исследовала все их закоулки. А еще во дворце существовала лестница, которая ее так привлекала. Легкие ступени заканчивались просторной площадкой, и было нетрудно догадаться, что далее следует еще один пролет. Что она обнаружит, поднявшись? С верхних этажей струился яркий солнечный свет, а значит, там было вовсе не закрытое и темное пространство.

Но последний этаж казался Анжелике необитаемым. И лестница приглашала с ним познакомиться.

И вот сегодня, в час сиесты, Анжелика решила, что наступил подходящий момент для приключения, что ей просто необходимо исследовать третий этаж. Ведь она была единственной в доме, кто запретил себе туда подниматься.

Уже два дня во дворце Веселой Науки гостил ученый, из-за которого Жоффрей де Пейрак несколько уменьшил нескончаемый поток гостей. В самом деле, этот еще молодой мужчина выглядел очень утомленным.

Во время трапез Анжелика уговаривала гостя плотнее поесть, потому что он был очень худым, как и любой из тех, кто посвятил себя изучению словесности, истощает себя в эпических спорах

и у кого даже нет нормального пристанища, чтобы передохнуть между двумя бурными заседаниями в Академии. Его речь отличалась изысканностью, он усердно готовил свои небольшие рассказы и смешил хозяйку, с юмором описывая превратности своей судьбы. Его пребывание в Риме, Падуе и Лионе закончилось одинаково: несмотря на злободневность поднимаемых им вопросов, а также на поддержку верных и образованных друзей, он неизбежно оказывался у городских ворот вместе со своей «свитой», состоявшей из капеллана, повара, двух лакеев, а также лошадей и мула, который тащил на спине багаж и сундуки, заполненные книгами.

Звали незнакомца Фабрицио Контарини.

Анжелика была искренне изумлена, когда узнала, что ученый — венецианец, ведь он изъяснялся по-французски без малейшего акцента. Тот, в свою очередь, объяснил, что покинул родной город в ранней юности.

— Вы можете задать мне резонный вопрос, мадам, уж не совершил ли я некое злодеяние, из-за которого был вынужден так надолго покинуть отчий дом. Уверю вас, это не так!..

Оставив Венецию, месье Контарини отправился учиться в прославленный французский университет Монпелье, где благодаря счастливому стечению обстоятельств познакомился с Жоффреем де Пейраком, также получавшем там образование. Впоследствии жизненные перипетии развели друзей в разные стороны, но они не переставали искать встречи друг с другом. Поэтому Фабрицио уже не в первый раз гостил во дворце Веселой Науки.

* * *

Анжелика преодолела первую, затем вторую ступень лестницы. Смутное беспокойство постепенно отступало.

«В конце концов, это мой дворец!»

Юная графиня поднималась легко, словно шла к небесам, какими их изображают на некоторых религиозных картинах, буд-то направлялась к лазурному своду, где ее ждали ангелы.

На вершине лестницы она обнаружила длинную открытую галерею, которая тянулась вдоль всего фасада здания и выходила

на сады. За пышными зелеными сводами деревьев, вдалеке, виднелась небольшая деревушка, контуры которой размывала розово-голубая дымка, столь характерная для этой местности. Как и на нижнем этаже, из галереи в залы и комнаты вели многочисленные двери.

Анжелика услышала голоса.

Она остановилась и напрягла слух.

Звуки доносились из комнаты, расположенной в центре галереи, дверь в которую осталась открытой. Скорее всего, там собралось совсем немного людей.

Немного постояв в нерешительности, Анжелика, шурша платьем по стене, тихонько приблизилась к двери. Вокруг царил тишина. Чей-то голос диктовал послание, и время от времени другой голос прерывал его. Теперь графиня была убеждена, что в комнате находится всего два человека.

Голос говорившего был очень красив.

«О ученейший муж!

Из твоей книги я успел прочесть лишь введение, но даже оно позволило мне понять твои намерения, и, конечно, для меня нет ничего более ценного, чем обнаружить в поисках истины такого союзника, такого друга, как ты. Прискорбно, что люди, стремящиеся к истине, встречаются столь редко на этом сложном пути, избегая дорог порочной философии...»

— Не слишком ли сильное выражение? — прервал диктующего невидимый собеседник. — Тот, кому вы пишете, может решить, что слово «порочный» относится и к нему.

Последовал взрыв смеха, подтвердивший то, что Анжелика уже поняла: голоса принадлежали Жоффрею и его гостю, Фабрицио Контарини.

Так как она их видела — вернее, думала, что видела, — направляющимися в лабораторию, Анжелика не сразу узнала искаженные легким эхом голоса собеседников. По правде говоря, после свадьбы графине редко доводилось беседовать с мужем наедине, без аккомпанемента привычного гула голосов: вокруг супружеской четы всегда толпились люди, пусть даже слуги и служанки.

Вот почему в этот знойный час, когда замолкли даже птицы в листве, голос графа показался ей настолько необычным, что она с трудом его узнала, пребывая в неизвестно откуда взявшейся уверенности, что слышит речь незнакомца. Но теперь, после взрыва раскатистого смеха, все ее сомнения рассеялись: это действительно был Жофfrey де Пейрак.

Что же тут удивительного? Несмотря на то что Анжелика почти сразу после приезда обнаружила, где находится лаборатория ее мужа, она почти никогда не задавалась вопросом, где располагаются его личные покои. Получается, что его апартаменты занимали верхние этажи дома, а кроме того, здесь находились рабочие кабинеты, в которых можно было разбирать корреспонденцию и писать письма. Погрузившись в размышления, она вполуха слушала объяснения, которые граф давал по поводу продиктованного письма.

Он объяснял, что речь идет о послании, написанном в августе 1597 года, то есть пятьюдесятью годами ранее, великим астрономом Галилеем своему немецкому коллеге Иоганну Кеплеру.

— В наши дни эти слова по-прежнему опасны, — заметил венецианский гость.

— Тут я с вами согласен.

— Как Галилей мог столь открыто говорить на запретные темы?

— Он был убежден, что обнаружил истину, изучил самую суть вещей, познал механизм Вселенной.

— Ах! Как неосторожно с его стороны было озвучивать такие дерзкие признания. Как сейчас вижу: спустя некоторое время после этих слов коленапреклоненный старик в белом одеянии, окруженный бородатými кардиналами, произносит ужасные слова отречения: «Я, Галилео Галилей... лично предстою перед судом, преклонив колена перед вами... от чистого сердца и с непритворной верою отрекаюсь, проклинаю, возненавидев вышеуказанную ересь...» Стоит мне представить эту унижительную сцену, как мое сердце разрывается от отчаяния.

Время от времени собеседники переходили на итальянский и вкрапляли в свою беседу фразы по-латыни. Анжелика жалела об этом, потому что, изъясняясь по-французски, Фабрицио

Контарини имел обыкновение весьма пылко говорить о том, что его увлекало.

— Это письмо было безумием!.. Пройдет всего три года, и в Риме заживо сожгут на костре Джордано Бруно за то, что он осмелился поддержать Галилея, согласился с теорией Коперника и высказал недоверие Аристотелю. Он сам ринулся в пасть к волку... Но как можно жить в вечном страхе перед истиной?.. Перед правдой о существующей реальности?

Тут Анжелика сумела разобрать вопрос Жоффрея, самым любезным тоном заданный по-французски:

— Собогаволите ли вы сегодня вечером отправиться вместе со мной наверх, дабы обнаружить дух Галилея?..

В комнате повисло молчание, и казалось, что волнение, снедающее душу венецианца, будто бы материализовалось. А затем ученый прошептал фразу, которая потрясла Анжелику, заставила ее подумать, что она ослышалась, возможно, даже задремала...

Он прошептал:

— Ах да! Комната с золотым ключом.

Стояла душающая жара. Анжелике надо было либо уходить, либо изо всех сил напрячь внимание, чтобы следить за разговором, который она подслушивала. Вскоре снова прозвучало слово «золото», но уже в другом контексте.

— Ох уж это золото Тулузы, — рассуждал венецианец. — Все знают, что оно проклято, но несмотря ни на что по-прежнему очаровывает!.. Все побывавшие в этом городе не могут забыть Тулузу или затаить злобу на нее. Тулуза — всеобщий кумир. Но принадлежит она только себе. Это суровый город. Его веселость обманчива: не стоит забывать, что именно здесь зародилась инквизиция, призванная сломить ваших «добрых людей»¹. Тулуза всегда кичилась своей польхающей бескомпромиссностью... Когда я говорю «польхающей», как тут не вспомнить костры! Мы только что

¹ Альбигойцев, которые проповедовали апостольское христианство и вели простую, строго нравственную и уединенную жизнь, многие современники называли «добрыми людьми» (фр. «*Les bons hommes*»). — *Примеч. пер.*

беседовали о сожжении Бруно в Риме. Но именно здесь сорок лет тому назад сожгли Джулио Чезаре, знаменитого Ванини.

— Но почему он упорствовал, отрицая бессмертие души? — раздался голос Жоффрея.

— Потому что нельзя молчать, когда правда кажется вам чересчур очевидной!

И пораженная Анжелика услышала, как оба собеседника засмеялись, причем так легко и непринужденно, словно радовались тому, что встретили единомышленника.

— Настал мой черед призвать вас к осторожности, Фабрицио, — сказал Жоффрей. — Если Ванини, написав «*Amphitheatrum Aeternae Providentiae*»¹, оказался настолько наивен, что попытался убедить в своей правоте судей трибунала инквизиции, то вам следовало бы быть более благоразумным и не озвучивать столь громко свое одобрение тому, что принято называть ересью.

— Ба! Здесь, под крышей вашего дворца, я чувствую себя в безопасности.

— У любого дворца есть уши.

Услышав последнее заявление мужа, Анжелика вздрогнула. Он заподозрил, что их подслушивают? Догадался о ее присутствии?! Теперь она боялась даже пошевелиться. Малейшее движение — и шуршание платья могло ее выдать, потому что наступила абсолютная тишина... Внезапно ей почудилось, будто она волшебным образом перенеслась в незнакомое, необитаемое жилище, населенное лишь болтливыми привидениями.

Постепенно к Анжелике вернулось хладнокровие.

Мужчины продолжали беседовать.

Казалось, реплика Жоффрея задела собеседника за живое, и перемежающиеся протестами жалобы посыпались как из рога изобилия.

— Временами это становится невыносимым, — стонал Контарини. — Куда бы я ни направился, везде чувствую себя в опасности и боюсь разоблачения, боюсь, что меня осудят и приговорят

¹ «Амфитеатр вечного провидения», 1615 г.

к сожжению... У меня не осталось времени, чтобы подготовить убежище, в котором я мог бы в мире и покое закончить свои труды... Ведь именно с их помощью я надеюсь защитить себя, а также заставить общество оценить мою значимость! Я знаю, вы привыкли считать меня оптимистом, отважно смеющимся в лицо невзгодам. О, если бы только жизнь оправдала мои романтические ожидания! Идут годы, и порой мною овладевает уныние, переходящее в меланхолию. Настанет ли конец моим неудачам? Я все чаще и чаще задаюсь вопросом о друзьях. Спрашиваю, были ли они у меня. Вспомните еще раз знаменитого Галилея, которого современники осыпали всевозможными почестями. Он был величайшим, признанным ученым. И вдруг — внезапный крах, в результате которого от него отвернулись все близкие. Я спрашиваю себя, после того как Галилей был вынужден отречься от своих теорий, не стала ли потеря верных друзей для него самым страшным ударом?.. Вот, например, кардинал Барберини разве не считался ярким сторонником открытий друга, разве не он повсюду расхваливал Галилея? Кто побудил ученого поехать в Рим? И кто бросил его в самую трудную минуту?

— Надо заметить, что с Галилеем все обстояло не так-то просто... Никто из наших верных друзей не собирается становиться Папой Римским! А ведь именно это произошло с кардиналом Маффео Барберини, которого обязали возложить на голову тиару и который впоследствии стал зваться Урбаном VIII. После смерти Григория XV кардинал был вынужден занять папский престол вопреки своей воле. Мог ли он, оказавшись в Ватикане, расшатать все устои Церкви, провозгласив, что Солнце неподвижно?.. Истина, не выдерживающая критики! Кому какое дело, что он узнал об этом, изучая фазы движения планеты под названием Венера?.. Даже Папы — более того, прежде всего Папы — имеют право быть трусами!

И друзья снова захохотали.

Должно быть, Фабрицио расхаживал по комнате, потому что в отдельные моменты его отрывистая речь становилась почти неслышной. Анжелика уже собиралась потихоньку уйти, когда прозвучали слова, заставившие ее задержаться.

— Вы... В вас есть небывалая внутренняя сила! — воскликнул венецианец, который уже ничего не страшился и голос которого звенел от возбуждения. — Вы смогли бы покорить толпу... И весь мир в придачу. Будучи в Лионе, я обратился к прорицательнице, которая совершенно неожиданно заявила мне, что вас защищает сам Гермес Трисмегист. Вы, как и я, знаете, что греки приравнивали Гермеса к Меркурию, но в Гермесе Триждывеличайшем, или Трисмегисте, они усматривали воплощение египетского бога Тота, считаемого покровителем всех человеческих знаний и умений. Алхимики видят в нем основателя их искусства... И давайте не будем смеяться над покровительством богов.

— У меня не было ни малейшего намерения смеяться.

— Тогда послушайте меня... Вы... Вы! Смогли бы покорить толпу... Весь мир.

— Фабрицио, друг мой, довольно комплиментов. Желаете разделить меня качествами, которые Макиавелли описал в своем «Государе»? Быть и казаться. Доблесть и государственные интересы. Честная пропаганда или необходимая подлость?..

Его собеседник поспешил протестуяще воскликнуть:

— Господь Всемогуший, конечно же нет! Я испытываю отвращение к этому флорентийскому цинику и вопреки существующему мнению, сформировавшемуся в мятежные времена, нахожу множество ошибок в его исследованиях, касающихся личности правителя... Я лишь хотел намекнуть на ваш авторитет и влияние.

— Да, я знаю...

Голос Жоффрея оставался дружеским, доброжелательным, но безучастным, и Анжелика снова услышала, как ее муж смеется.

— А я в свою очередь хотел намекнуть на ваши работы, о которых вы мне ничего не рассказываете. А еще я бы желал знать, не из-за этих ли работ вы подвергаетесь опасности... Большой опасности, чем из-за всего вашего образа жизни?.. Ведь именно Макиавелли, если не ошибаюсь, вы сделали главным героем своего философского трактата о человеке и власти.

— Я признаю, что это больше чем провокация или неосторожность. Однако он единственный, кто сумел продемонстрировать

всю многогранность существа по имени человек. Хотя мне ненавистно то презрение, с которым он в своем учении отзывается о простом народе. Он советует покорить толпу, сравнивая ее с женщиной, и предлагает всевозможные средства ее подчинения; он полагает, что толпой управляют дурные страсти, и рассказывает, как их можно использовать, превращая людей в обезумевшее стадо.

Внезапно они снова заговорили по-латыни, и Анжелика догадалась, что собеседники обсуждают тезисы Макиавелли о толпе и о властолюбии государя. Тон беседы изменился.

— И все же флорентиец указал мне путь. Никто до Макиавелли не осмеливался оценивать человека с точки зрения его лицемерия, его трусости, его тщеславия. Нужно, чтобы прекраснодушные философы в конце концов прекратили заниматься мнимыми проблемами — например, искать пути к вселенскому спасению.

— Я так и думал, — сказал Жоффрей. — Вы пустились в опаснейшее приключение. Теперь вы видите, насколько я прав, не желая писать ни о своих научных опытах, ни о моих личных наблюдениях.

— Но я не могу молчать, — запротестовал ученый. — Каждый раз, когда я в целях собственной безопасности пытаюсь отложить в сторону предпринятые мною исследования, из груди рукописей выбирается какая-нибудь мелкая деталь, которая шипит, словно мерзкая змея: «А это! А это? Можешь ли ты, обнаружив такое, продолжать спать спокойно?» — шипит она. Нет! Не могу, потому что змея появилась на свет, и я должен ее разоблачить... О! Я отлично понимаю значение вашей гримасы... Без моих исследований земля вертеться не перестанет... Какое отменное вино!..

По изменившемуся голосу Контарини Анжелика поняла, что итальянец сделал глоток вина, и внезапно пожалела о том, что не может разделить с мужчинами эту дружескую чашу.

— Куда я намереваюсь отправиться? — продолжал Фабрицио. — Возможно, в Конта-Венессен¹, в Авиньон. У меня там

¹ Историческая область на юге Франции, в Средние века — графство. — *Примеч. пер.*

есть друг-еврей, чьи научные знания я высоко ценю. Он советник легата¹ и живет в городе. Из его окна можно наблюдать за бесконечными процессиями братств кающихся грешников, бичующих себя прямо на ходу: Черные кающиеся грешники, Синие кающиеся грешники... Надо ехать именно в Авиньон, чтобы вдоволь насмотреться проявлений этой ужасной римской религии, которая одновременно мучает нас и наполняет блаженством наши души и которой я буду верен до конца своих дней.

Анжелика догадалась, что, воодушевившись собственными речами, Фабрицио снова вскочил на ноги и принялся мерить шагами комнату. Несмотря на страх быть обнаруженной, она никак не решалась уйти, однако снова пропустила большую часть сказанного.

Наконец итальянец сел, после чего раздался спокойный, размеренный голос Жоффрея.

— Оставайтесь во дворце Веселой Науки... Живите здесь. Вы сможете продвинуться в ваших трудах, не опасаясь оспаривания ваших теорий прежде, чем они увидят свет, или преследований. В Лангедоке наконец-то установился долгожданный мир. Поля сражений сместились к северу. Терпимость, которую вы могли бы найти в Нидерландах, подвергается серьезному риску: новые конфликты не заставят себя долго ждать, ведь Филипп IV и Испания никогда не смирятся с потерей богатых нидерландских провинций. А здесь вы найдете покой.

В комнате стало тихо.

— Дворец Веселой Науки! — наконец раздался мечтательный голос Фабрицио Контарини. — Вы меня искушаете. Что правда, то правда! Здесь можно наслаждаться воздухом свободы, бодрящим ум, но все же... Я в нерешительности.

Тишина отступила.

— И в чем же вы упрекаете дворец Веселой Науки? — чуть насмешливо поинтересовался Жоффрей де Пейрак.

¹ Легат — *здесь*: дипломатический представитель Папы Римского.

— В нем слишком много женщин... Женщин-королев... А сам хозяин дома чересчур... обаятельный. Это пагубно сказывается на моих чувствах, жаждущих отдохновения.

— Однако, Фабрицио, вы не раз оказывали мне честь и доставляли неизмеримое удовольствие, подолгу гостя под крышей моего дома, и ваши чувства, жаждущие отдохновения, не слишком страдали.

В комнате вновь воцарилась тишина.

Анжелика прижалась к стене, мечтая врасти в нее, и затаила дыхание. Солнце продолжало свой путь по небосклону и заливало лучами все вокруг, отчего у юной графини появилось ощущение, что она находится в храме, где разыгрывается некая античная мистерия. Оба голоса, звучавших поочередно, заставляли Анжелику цепенеть, но в то же самое время они бередили душу, трепещущую в предвкушении волнующих, увлекательных открытий.

— Вы правы... Но на этот раз...

— На этот раз?

— Я уловил в воздухе нечто совершенно новое... Я бы сказал, необычное... Даже небывалое! То легчайшее покрывало, которым вы сумели окутать ваши владения, дабы заставить гостей забыть о невыносимых ограничениях, налагаемых законами. Одним словом... Мне показалось, что я уловил в воздухе дворца Веселой Науки... важные новшества, здесь как будто все изменилось по сравнению с былыми временами.

— О! Действительно?

В голосе Жоффрея не прозвучало удивления, граф, скорее, забавлялся.

— Объяснитесь.

Хозяин дома подвинул свой стул, и по характерному звуку Анжелика догадалась, что он закинул скрещенные ноги на край стола — эту привычку мужа она считала несколько грубой и даже развязной, ведь подобное поведение более приличествовало бравому вояке, нежели потомственному дворянину. Когда Анжелика впервые увидела, как Жоффрей кладет ноги на стол, она задавалась вопросом, а не поступает ли он так потому, что стремится

уменьшить нагрузку на покалеченную ногу, готовясь выслушать излишне длинную речь.

Она и сама, долгое время оставаясь неподвижной, начала чувствовать себя парализованной.

— Конечно, произошло важнейшее событие, — после некоторого раздумья начал Фабрицио. — Однако зная вас — или думая, что вас знаю, — я ни секунды не сомневался в том, что это решение несколько не повлияло на ваше глубочайшее убеждение, будто институт брака был придуман для того, чтобы убить любовь. И я ни секунды не сомневался, что вы никогда бы не приняли столь серьезного решения, которое потрясло нашу провинцию и все прилегающие к ней области, если бы это событие не имело под собой... По крайней мере я надеюсь...

Фабрицио стушевался, умолк, и Анжелика отчетливо представила себе мимику графа, с помощью которой Жоффрей побуждал своего собеседника продолжать речь или, напротив, остановиться и подумать, чтобы подобрать подходящие слова, лучше всего отражающие его мысль.

— Простите меня, — вновь заговорил венецианец, — за то, что я осмеливаюсь вторгаться в потаенную область страстей, столкнувшись с которой каждый человек волен... Имеет право... Нас столько связывает...

— К чему вы ведете? — наконец спросил Жоффрей.

— Я хочу сказать, что ваш брак, и никто в этом не сомневается, и это успокоило многие сердца и приуменьшило ревность... По всей вероятности, с вашей стороны это было не что иное, как союз суверена с иноземной дворянкой, призванный добавить некоторые владения к землям, которыми он правит.

— Разумеется! Этот союз даже много выгоднее, чем вы можете предположить. Превосходное дельце!

— Жоффрей, друг мой, в вашем заявлении присутствует доля цинизма.

— Вы так думаете?! Я не желаю скрывать истину от вас, моего старинного и преданного друга, если уж она вызвала ваш интерес. Но все это никоим образом не объясняет, почему вы пола-

гаете, что мой брак привнес некую новизну, смутившую вас во дворце Веселой Науки? И, насколько я понял, именно она гонит вас прочь из моего дома?

— Меня смущает предмет этого союза. Сколь бы прелестен он ни был. У меня сложилось впечатление, что произошло некое событие, в результате которого предмет этого союза находится не на том месте, на котором должен находиться... По крайней мере согласно обычаям.

— О! Он очень даже на своем месте! — воскликнул граф и внезапно разразился сардоническим смехом.

В этот момент Анжелика с ужасом догадалась, что оба мужчины, обменивающиеся мнениями и личными признаниями, оба мужчины, убаюканные покоем этого жаркого дня, не знают, что их слушают, и потому собираются говорить о ней!

Она опомнилась, только когда оказалась в прохладном полумраке собственных апартаментов, с трудом осознавая, насколько быстро пролетела по коридору и сбежала по лестнице.

«Ну вот!.. Подобное положение дел меня несколько не устраивает», — думала она, разглядывая свои вытянутые вперед руки, как будто могла прочесть на ладонях бог знает какой приговор — окончательный и не подлежащий обжалованию.

Почему она оказалась неспособной выслушать то, что скажет о ней граф, не подозревающий о присутствии своей любопытной жены?

И с чем связан ее теперешний страх?

Был ли Жофfrey тем самым Жилем де Рецем, притаившимся в замке и ждущим своего часа, чтобы застать врасплох и схватить покорную добычу?

Она могла это выяснить, но убежала.

Нет! Она не хотела ничего знать. Не сейчас. Какую правду или ложь она могла услышать, если бы набралась смелости остаться? Сердце Анжелики билось как сумасшедшее. Если у нее не хватило духу услышать правду из уст мужчины, не означало ли это, что она уже находится в его власти, что ее воля пала под его натиском?

«Это научит меня не подслушивать у дверей!» — мрачно подумала Анжелика.

Кроме того, одна деталь в рассуждениях друзей показалась ей особенно отвратительной. Во время разговора то ли граф, то ли венецианец, то ли оба сразу цитировали советы Макиавелли, касающиеся удачи или судьбы, которую собеседники сравнивали с женщиной. Они говорили, что ради ее подчинения следует использовать проверенный метод: сначала приласкать, а затем уже нанести удар, чтобы сломить... И даже если эти эрудиты всего лишь обсуждали между собой одного из самых несносных философов прошлого века, Анжелика не могла сдержать раздражения, чувствуя себя задетой за живое.

«Это тебя научит! Это тебя научит!» — повторяла уязвленная графиня.

Она вновь испытала непреодолимое желание сбежать.

Иногда, когда душу Анжелики терзало невыразимое беспокойство, она размышляла о том, что хорошо бы отправиться в павильон на берегу Гаронны, где она провела свою первую ночь в Тулузе, как будто это могло помочь разрушить predeterminedность ее положения, из которого она не видела выхода.

Но сегодня, как это ни парадоксально, графиня чувствовала, что ее что-то сдерживает. Быть может, долг по отношению к этому приятному мужчине, к несчастному Фабрицио Контарини, который везде, где бы ни находился, из-за своих работ или по другим причинам подвергался смертельной опасности: его могли сжечь заживо. Поэтому она не имела права сбежать без достаточных на то оснований и бросить свои обязанности хозяйки дома, невзирая на те подозрения, которые вызывала у итальянца и причину которых так и не узнала, о чем теперь очень жалела.

Голос, донесшийся из парка, заставил Анжелику выйти на улицу.

Садовник-мориск положил на парапет букет только что сре-занных цветов, как делал это каждый день. Он также сообщил

хозяйке, что во дворец нагрянули неожиданные гости. Анжелика и сама не знала, какой язык она использует, общаясь с садовниками, — арабский или испанский, — но хозяйка и слуги прекрасно друг друга понимали.

Юная графиня бегом помчалась к краю террасы, услышала гул голосов, долетавший со стороны парадного двора, увидела кареты и всадников, а затем узнала свиту епископа. Сам священник, облаченный в фиолетовые одеяния, уже поднялся по ступеням высокого крыльца. Визит высокопоставленной особы вывел дворец Веселой Науки из сонного оцепенения.

Анжелика поспешно вернулась за цветами и устремилась в вестибюль.

Граф де Пейрак, предупрежденный управляющим, уже находился там и представлял епископу своих гостей: Фабрицио Контарини и его капеллана. Преисполненный важности церковнослужитель с кислой миной оглядывал незнакомых ему господ.

Невзирая на северные корни, которые ему так часто вменяли в вину, монсьеор Фонтенак был истинным южанином и не умел скрывать обуревавших его чувств. И хотя он прекрасно знал, что во дворце Веселой Науки всегда можно встретить самую странную компанию — об этом епископ позднее упоминал в своих отчетах, — зачастую он искренне изумлялся очередному неожиданному знакомству.

Но увидев подоспевшую Анжелику с охапкой великолепных цветов в руках — истинное воплощение если не невинности, то красоты и молодости, а также женственности и душевной чистоты, — монсьеор, сльвущий ценителем всего прекрасного, прямо-таки просиял. С покорным вздохом он соизволил протянуть для поцелуя руку с пасторским перстнем молодому капеллану, который тут же опустился на колени, а также с высокомерным видом благословил незнакомому ему венецианца.

— Простите, монсьеор! — воскликнула Анжелика. — Мне только что сообщили о вашем визите. Я была в парке.

Она тоже в свою очередь проворно преклонила колени, чтобы поцеловать протянутую руку с кольцом.

Чем был вызван сей внезапный визит? Этот вопрос озадачил каждого из присутствующих, когда после довольно кратковременного пребывания в доме прелат удалился.

— Он хотел выяснить, кто у вас гостит, и желал убедиться, что это именно я, — горьким тоном заметил Фабрицио.

— И заодно узнать, не продала ли еще душу дьяволу мадам де Пейрак, — рассмеялся граф.

Он мимоходом взял руку Анжелики и коснулся ее легким поцелуем.

Во дворец прибыла пара соседей, и вечер, как это часто случалось, закончился в саду, где все наслаждались изысканными напитками и шербетами, а также обсуждали последние городские новости.

Анжелика хотела бы больше узнать об этом знаменитом старике, астрономе «в белом одеянии, преклонившем колени перед бородатыми кардиналами», воспоминание о котором неотступно преследовало ее. Но удобный случай так и не представился, и по-прежнему подробности подслушанного диалога стирались из ее памяти.

Когда наступила ночь, Анжелика вернулась в свои покои, но спать ложиться не стала и еще долго просидела на террасе в глубокой задумчивости.

Она не прекращала задаваться вопросами. В частности, теми, которые озвучил худощавый Фабрицио, то есть касающимися перемен, с которыми ученый неожиданно столкнулся во дворце Веселой Науки.

Какое объяснение дал граф де Пейрак этой новой атмосфере дворца Веселой Науки, связанной или не связанной с его браком — «институтом, убивающим любовь»? Что же все-таки за изменения произошли и как они повлияли на общее настроение окружающих?

По вине «предмета этого союза».

Короче, что думает о ней ее муж? Увы, она никогда этого не узнает, а все потому, что испугалась услышать из уст Жоффрея признания, которые могли бы глубоко ранить ее своей циничностью.

Внезапно в голове Анжелики зародилась шальная мысль: а что, если ее супруг, обладавший дьявольским даром предвидения, догадался о присутствии любопытной жены, затаившейся у двери и подслушивавшей их беседу?

Это объяснило бы тот странный поцелуй, которым граф коснулся ее руки, поцелуй, призванный рассеять колдовство. Эта мысль успокоила графиню, и она прекратила корить себя за поспешное бегство.

Анжелика вернулась в спальню, упала на кровать и погрузилась в сон с твердым намерением забыть о тех «украденных» минутах тишины и о незнакомых этажах «ее» дворца.

Ей привиделся какой-то смутный сон.

Она была пленницей в башне, которая, вместо того чтобы поражать мрачностью, очаровывала ярким светом, напоминающим тот, что озарял ведущую на третий этаж лестницу. Мимо нее скользили чьи-то фигуры, но она не могла рассмотреть их лиц, и вокруг витали удивительные ароматы.

Проснувшись Анжелика с первыми лучами солнца, когда сады еще хранили ночную прохладу.

Она отчетливо вспомнила, что во время предпринятой накануне экспедиции ее взгляд задержался на мраморных ступенях, ведущих еще дальше вверх, в полумрак, туда, где наверняка обитал дух Галилея.

«Ах да! Комната с золотым ключом!»

И Анжелика искренне удивилась, почему среди стольких слов, отложившихся в ее памяти, она почти не уделила внимания этой таинственной фразе.

Глава 5

История Лангедока

Очень часто, если не сказать ежедневно, гости заводили разговор о крестовом походе против альбигойцев и о той ереси, которая, согласно проповедям епископа, в двенадцатом веке «замарала» все южные провинции Франции.

Анжелика с трудом соотносила эти исполненные горечи курсы в историю со своими собственными познаниями о крестовых походах, почерпнутыми из синих книжиц, из лекций поллатыни, прослушанных в монастыре, или из бесед по-французски, которые воспитанницы урсулинок вели в столовой.

В представлении Анжелики все крестоносцы были соратниками ее предка Готфрида Бульонского, который отвоевал Иерусалим и могилу Христа у неверных, исповедующих ислам, а все еретики — соседскими гугенотами, влачившими жалкое существование в своих деревнях, положенных им по Нантскому эдикту. В детей этих дерзких и смущающих душу еретиков маленькая Маркиза Ангелов вместе со своим другом Николая швыряла четки — символы Пресвятой Девы Марии, которую, как утверждали взрослые, протестанты не почитали ни святой, ни девственной, хотя и признавали в ней мать Христа... Именно эти еретики в далекую памятную ночь таскали ее, Анжелику, за волосы, будто хотели оторвать ей голову.

И хотя крестовый поход против альбигойцев юга Франции случился в незапамятные времена, эта тема до сих пор вызывала

горячий отклик в сердцах многих южан, и стоило разговору кончиться ее, как некоторые гости графа мгновенно впадали в ярость, поддывая масла в огонь бушующих споров.

Анжелика изо всех сил старалась вникнуть в суть конфликта, не желая оскорбить гостей равнодушием или незнанием предмета.

Служителей этой еретической религии называли Совершенными, или «добрыми людьми». Они всегда ходили парами и одевались в черное. В рядах этих альбигойцев царили суровые нравы, они питались исключительно овощами и грубым хлебом, изредка разнообразя свое меню рыбой. Еретики не ели ни мяса, ни других продуктов животного происхождения, часто постились и тяжело трудились, чтобы обеспечить свое убогое существование. Естественно, им запрещались любые плотские утехы, они отвергали брак и деторождение, полагая, что именно дьявол заточил чистые души в темницу тела. В обмен на такую святость они получали мистическую власть над миром и могли с помощью рукоположения подарить тем, кого провожали в последний путь, уверенность в «доброй смерти», то есть дать умирающим надежду на то, что они не возродятся в грешном теле.

Прибывшие с севера крестоносцы и их предводитель Симон де Монфор, уполномоченные Папой Римским искоренить в южных провинциях эту внешне безобидную ересь, повели себя как настоящие звери и менее чем за день истребили все население Безье, после чего подожгли город. Но это было только началом. Конфликт длился около полувека. За шестьсот лет — или за восемьсот, цифра варьировалась в зависимости от исследований, касающихся зарождения и возникновения «корней зла» — у обеих сторон накопилось друг к другу множество претензий, и о примирении не могло быть и речи.

Анжелика заметила, что, когда за столом разгоралась дискуссия, касающаяся прошлого Лангедока, хозяин дома не принимал в ней участия. Порой юной графине казалось, что ее муж, фигура которого, находясь в тени террасы, четким силуэтом выделялась на фоне далекого города, наслаждался происходящим. Разве не говорится в некоторых сказках, что дьявол, сидя в отдалении — часто у края

стола, — наблюдает за тем, как люди выплевывают в лица соседей свою ненависть, таким образом обрекая себя на вечные муки...

В тот день Анжелика впервые вступила в разговор.

Обычно во время трапез, за которыми почти всегда собиралось не менее десяти гостей, Анжелика редко вмешивалась в беседу, довольствуясь ролью слушательницы. Желая побольше узнать, а порой и просто развлечься, она с неподдельным интересом слушала, что рассказывал своим друзьям тот или иной гость или гостья, стремилась узнать их мнение по любому вопросу и всегда весело смеялась над забавной историей или анекдотом, услышанным или пережитым рассказчиком. Следует заметить, что многие из присутствующих хотя и подчинялись строгим правилам дворянского воспитания, но не отличались уравновешенным характером. Они легко выходили из себя, особенно когда разговор касался политики. И, как могла заметить Анжелика, больше всего южане ярились, рассуждая о делах давно минувших дней, о крестовых походах против альбигойцев, из-за которых провинцию наводнили «северные варвары». Анжелика уже знала, кто из дворян, порой пугавших ее своим поведением и изъяснявшихся на окситанском или французском, но все с тем же раскатистым акцентом, всегда готов осыпать упреками своих собеседников за то, что те «украли» их земли. Словно все эти события, сопровождавшиеся звоном клинков и коварными изменами, произошли совсем недавно, и они не желали признавать, что «северяне» на законных основаниях владеют своими вотчинами, в которых выросло уже не одно поколение наследников «завоевателей».

— Это он даровал вам эти земли! — упрекал соседей тот или иной враждебно настроенный южанин. — Вы всегда будете узурпаторами!

Под словом «он» подразумевался Симон де Монфор, прибывший во главе крестоносцев с целью разрушить чудесную цивилизацию Юга. Этим человеком местные жители до сих пор пугали детей.

— Берегитесь! Симон де Монфор отправит вас в ад, — грозили матери маленьким крикунам.

Анжелика постоянно бросала взгляд на другой конец стола, где восседал Жоффрей де Пейрак, не желающий вмешиваться в распри гостей.

Однако в тот день графиня подняла руку и обратилась к месье де л'Исл-Олме.

— Месье, я предпочла бы послушать рассказ о ваших трубадурах. Результат просьбы поразил Анжелику.

Молодой Раймон де л'Исл-Олме бросился к ногам графини и рассыпался в извинениях. Она тут же принялась объяснять южанину и своим соседям, что хочет узнать как можно больше деталей, касающихся ее новой родины. Постепенно разговор увлек всех сидящих за столом: от трубадуров гости перешли к рассуждениям о любовной поэзии, которая в последнее время покорила Париж.

Взглянув на своего мужа, Анжелика подумала, что он улыбается. Но она никогда не могла понять смысла его улыбок, потому что зачастую они превращались в саркастическую гримасу. Порицали ее супруг за вмешательство в разговор? Однако вскоре Анжелике показалось, что Жоффрей доволен тем, что графиня «вступила в игру» и сумела успокоить слишком уж разгорячившихся спорщиков — ведь именно в этом заключались обязанности хозяйки дома. И она с радостью их исполняла, потому что таким образом ей удавалось забыть, почему она здесь оказалась и какими нерушимыми узами была связана с тем, кто возглавлял все эти праздники.

Хотя время от времени Жоффрей де Пейрак ненавязчиво напоминал о своем присутствии.

Так, однажды, окруженная шумом очередного приема, Анжелика вдруг встретилась взглядом с взглядом мужа, и он заговорщически ей подмигнул. В следующий миг властитель Тулузы уже находился возле жены и впервые взял ее за запястье, чтобы удержать рядом.

— По выражению вашего лица, моя милая, я догадался, что вас мучает какой-то вопрос. О чем вы хотели спросить?

На сей раз Анжелика не могла сбежать.

— Эти острова, о которых вы говорили... Где они находятся?

— Касситериды, или Оловянные острова?.. Неподалеку от Англии. Но они настолько малы, что, подозреваю, сам лорд-протектор не догадывается об их существовании. Во времена античности от-важные навигаторы доставляли оттуда в наши края олово, а местные жители, которые тогда звались иберами, в своих подземных мастерских ковали из него оружие. Мне нравится это забытое Богом место, изобилующее скрытыми сокровищами. Острова совсем крошечные, но для меня они чрезвычайно важны, потому что та-ят в себе несметные богатства.

Граф понизил голос.

— Отличный груз для наших маленьких мулов, ожидающих на набережных Сен-Мало.

И добавил, глядя на задумчивую Анжелику:

— Но это тайна!

— Однако вы доверили ее мне!..

— Потому что и вы сама — моя тайна.

После чего Жоффрей де Пейрак раскланялся и вернулся к гостям.

* * *

Однажды Анжелика, придя в галерею, которая, как правило, служила столовой для гостей, удивилась царившей там тишине. В зале никого не было, и на огромном столе красовался один-единственный прибор.

Дворецкий Клеман Тоннель почтительно подошел к ней и сообщил, что господин граф велел ему предупредить госпожу графиню, что он работает в своей лаборатории и потому не появится к обеду. Анжелика испытала облегчение, потому что привыкла видеть супруга только в окружении многочисленных гостей.

То, что она восседает за огромным столом в полном одиночестве, не помешало ей с аппетитом съесть все предложенные блюда. Клеман Тоннель лично прислуживал графине, и ему помогали двое слуг-подростков.

Выйдя из-за стола, Анжелика уселась на свое излюбленное место у большого окна, выходявшего в парк, велев служанке

принести корзинку для рукоделия. В один из первых дней пребывания во дворце графиня обнаружила в своих апартаментах иглы, шерстяные и шелковые нитки, роскошные ткани — словом, все, что могло понадобиться новой хозяйке дома для рукоделия. Таким образом, она решила заняться вышивкой шарфа, какие знатные дамы расшивают для отправляющихся на войну дворян, надеясь, что их дар любви принесет суженому удачу.

В тот день, не забывая ловко орудовать иглой, Анжелика старалась припомнить, какие именно слова произнес дворецкий, предупреждая об отсутствии за обедом ее мужа. Он сказал, что господин граф вместе с мавром Куасси-Ба заперся в своих апартаментах в правом крыле дворца — как раз там, где Жоффрей де Пейрак имел обыкновение заниматься алхимическими опытами.

Возможно, Анжелике только показалось, что в голосе дворецкого прозвучало легкое неодобрение, когда он произносил слово «алхимия». Казалось, услужливый Клеман намекал хозяйке: «Мы, жители Пуату, не верим во все это колдовство».

И этот намек неприятно поразил Анжелику!

Немного поразмыслив, она пришла к выводу, что это, скорее всего, плод ее воображения, потому что дворецкий вел себя как обычно, то есть излишне чопорно.

Анжелика продолжала орудовать иглой, развлекаясь тем, что представляла себе уезжающего на войну дворянина, которому она могла бы подарить этот шарф. Воображаемый мужчина был светловолосым и улыбчивым. Бедняга будет изрублен на куски в кровавой сече — именно так описывались героические сражения в старинных преданиях.

* * *

Вдохновленная успехом, которым пользовались приемы во дворце Веселой Науки, Анжелика решила лично следить за их организацией. Отныне ее можно было увидеть бегущей из кухни в буфетную, где возвышались вазы с фруктами и десертами, навещающей в винные погреба и лично выбирающей напитки,

а также в залах для пиров, для танцев, на террасах. И повсюду за Анжеликой неотступно следовали трое негрятят.

Она привыкла к их забавным круглым черным мордашкам.

Тулуза изобиловала рабами-маврами, так как порты Эг-Морт и Нарбонна располагались на Средиземном море — большом соленом пиратском озере. Отправляясь морем из Нарбонны в Марсель, путешественники подвергались нешуточной опасности.

В Тулузе до сих пор потешались над злключениями гасконского сеньора, графа де Фуа, который во время такого морского путешествия стал пленником на арабской галере. Король Франции незамедлительно выкупил несчастного у берберского султана, правящего в Алжире, и, когда граф вернулся на родину, все близкие нашли его сильно похудевшим. Бедолага не стал скрывать, что в плену у мавров ему пришлось несладко, особенно когда его заставляли крутить водяное колесо...

Только к Куасси-Ба Анжелика все еще не могла привыкнуть. Когда она видела этого колосса с ярко-белыми, словно эмалевыми, белками глаз, то с трудом унимала страх. При этом он выглядел вполне добродушно и, следуя как тень за графом де Пейраком, бдительно стерег вход в таинственные апартаменты в глубине дворца. Именно туда каждый вечер — а порой и днем — удалялся Жоффрей, и Анжелика не сомневалась, что именно в этих тщательно охраняемых комнатах находятся те реторты и колбы, о которых рассказывал кормилице Энрико. Графиня умирала от любопытства, но не осмеливалась проникнуть в лабораторию.

И лишь появление во дворце Веселой Науки очередного гостя позволило графине познакомиться с этой стороной жизни ее странного супруга.

Глава 6

Жофрей де Пейрак и ученый Берналли

Посетитель с ног до головы был покрыт пылью. Он путешествовал верхом и прибыл из Лиона, по пути завернув в Ним. Это был довольно высокий мужчина лет тридцати пяти. Сначала гость говорил по-итальянски, потом перешел на латынь, которую Анжелика почти не понимала, и в конце концов выбрал немецкий. Именно на этом языке, хорошо знакомом Анжелике с детства, граф и представил супруге путешественника.

— Профессор Берналли из Женевы оказал мне великую честь, приехав лично обсудить со мной все те научные вопросы, по поводу которых мы долгие годы вели обширнейшую переписку.

Незнакомец раскланялся с истинно итальянской учтивостью и рассыпался в извинениях. Его пространные речи и формулы, безусловно, наскучат прелестной даме, которую должны занимать более приятные вещи. Он и так весьма смущен тем, что заставил графиню хлопотать по поводу прохладительных напитков. Он не обретет покоя, если станет докучать милейшей хозяйке дома.

То ли желая бросить вызов, то ли из неподдельного любопытства Анжелика попросила разрешения присутствовать при ученой беседе. Но чтобы не казаться нескромной, она присела в углу комнаты у высокого открытого окна, выходящего во внутренний двор.

Уже наступила зима, но прохладный воздух оставался сухим, а солнце сияло ярко, как летом. С улицы долетал запах дыма от больших жаровен, вокруг которых грелись слуги.

Анжелика с рукоделием в руках внимательно прислушивалась к разговору двух мужчин, сидевших напротив нее. Берналли сгорал от нетерпения, желая начать беседу. Сначала единомышленники обсудили ученых, чьи имена Анжелика никогда ранее не слышала: английского философа Бэкона, француза Декарта и инженера Блонделя. Последний вызвал гневное возмущение обоих собеседников, потому что он, как говорят, считал теории Галилея бесплодными парадоксами.

Из всего вышесказанного Анжелика поняла, что их гость является ярким сторонником некоего Декарта, которого ее муж, напротив, порицал.

Жоффрей де Пейрак сидел в одном из глубоких кресел с гобеленовой обивкой в своей излюбленной позе: скрещенные ноги небрежно вытянуты и покоятся на низком столике. Ведя ученый диспут, граф не удосужился напустить на себя серьезный вид, и казалось, что он беседует с дамами о рифмах того или иного сонета. Его непринужденные манеры резко отличались от поведения собеседника, застывшего на самом краешке стула и страстно увлеченного их диалогом.

— Безусловно, ваш Декарт — гений, — рассуждал граф, — но это не значит, что он всегда и во всем прав.

Итальянец пришел в крайнее возбуждение.

— Мне бы было чрезвычайно любопытно узнать, в чем, по вашему, заключаются его заблуждения. Как же так! Ведь это человек, который первым противопоставил свой экспериментальный метод познания мира абстрактным, схоластическим, религиозным учениям о Вселенной. Отныне, вместо того чтобы судить о событиях и явлениях с точки зрения абсолютных принципов, как это делалось ранее, их будут оценивать с помощью измерений, руководствуясь опытом, а затем выводить математические законы. И подобному подходу к знаниям мы обязаны Декарту. Как вы, человек, наделенный разумом реалиста, разумом, столь почитаемым мыслителями Ренессанса, можете отвергать эту систему?

— Поверьте, я не отвергаю ее, друг мой. Я убежден, что без Декарта наука никогда не смогла бы избавиться от тех покровов

глупости, под которыми она была погребена все последние столетия. Я упрекаю его за то, что он так и не осмелился в полной мере проявить свой собственный гений. Его теории изобилуют очевидными ошибками. Но я не хочу спорить с вами, если вы настолько убеждены в его правоте.

— Я покинул Женеву, преодолел снежные равнины и бурные реки, чтобы принять ваш вызов и вступить в научный диспут, касающийся Декарта. Я вас слушаю.

— Тогда давайте возьмем в качестве примера принцип гравитации, то есть взаимного тяготения тел, неразрывно связанный с земным притяжением. Декарт утверждал, что одно тело, сталкиваясь с другим, может привести последнее в движение лишь в том случае, если масса первого тела больше массы второго. Таким образом, пробковый шар при ударе никогда не сможет сдвинуть с места шар чугунный.

— Но это же очевидно. Позвольте мне процитировать формулу Декарта: «Арифметическая сумма количества существующего в мире движения всегда постоянна».

— Нет! — воскликнул Жоффрей де Пейрак, вскочив настолько порывисто, что Анжелика вздрогнула. — Нет, этот факт совсем не очевиден, и Декарт не провел соответствующего опыта! А ведь для того, чтобы заметить собственную ошибку, ему было достаточно выстрелить из пистолета свинцовой пулей весом в одну унцию в более тяжелый тряпичный шар, весящий два фунта. И тряпичный шар переместится.

Берналли изумленно уставился на графа.

— Не могу не признать, что вы меня смутили. Но насколько удачен ваш пример? Возможно, в этом эксперименте с пистолетной стрельбой вводится некий новый элемент... Как бы его назвать? Мощность, сила...

— Все проще, этот элемент — скорость. И он присущ не только стрельбе. Каждый раз, когда тело перемещается, оно непременно вступает в игру. То, что Декарт называет «законом количества движения», — это закон скорости, а не арифметического сложения движений.

— Но если закон Декарта ложен, что же предлагаете вы?

— Закон Коперника. Он говорит о взаимном притяжении тел, об этом невидимом свойстве, напоминающем свойства магнита, которое невозможно измерить, но и отрицать тоже нельзя.

Берналли задумался, подперев подбородок кулаком.

— Мне уже приходилось размышлять на эту тему, я даже обсуждал ее с самим Декартом, когда мы встречались в Гааге, еще до его отъезда в Швецию, где он, увы, скончался. И знаете, что он мне ответил? Заявил, что не следует принимать во внимание закон притяжения, потому что в нем есть «нечто оккультное», поэтому он априори кажется еретическим и подозрительным.

Граф де Пейрак расхохотался.

— Декарт был трусом и, прежде всего, боялся потерять тысячу экю пенсии, которую ему назначил монсеньор де Мазарини. Декарт вспомнил о несчастном Галилее, который, дабы ускользнуть от пыток и костра инквизиции, был вынужден отречься от своих бесспорно верных открытий и в первую очередь от ереси, связанной с «движением Земли». Говорят, что, вставая с колен после унижительного отречения, старик не смог удержаться и прошептал: «И все-таки она вертится!..» Таким образом, даже когда Декарт в «Трактате о свете» возвращается к теории поляка Коперника «О вращении небесных сфер», он воздерживается от того, чтобы согласиться с теорией движения Земли. Декарт ограничивается тем, что заявляет: «Земля не движется, но вовлечена в вихревое движение частиц материи». Прелестная гипербола, не так ли?

— Я вижу, что вы не являетесь поклонником бедняги Декарта, — сказал профессор из Женевы, — однако не отрицаете его гениальность.

— Я не могу не осуждать даже великий ум, если он мелочен. К несчастью, Декарт неустанно заботился о своем благосостоянии, о спасении собственной жизни, о материальных благах, которые мог получить лишь от сильных мира сего. При этом нельзя не добавить, что, по моему разумению, он был гениален прежде всего в области чистой математики, но не в динамике и общей физике.

Берналли остановил на собеседнике восторженный взгляд. И несколько раз пылко повторил:

— Dynamikos! Dynamikos!.. В переводе с греческого это слово означает «сила». Греческий язык... Только он способен отразить истинную суть вещей.

Граф де Пейрак с улыбкой смотрел на гостя.

— Давайте вернемся к нашему Декарту. Я хотел бы подчеркнуть, что его опыты с падающими телами, если они действительно были, так и остались незавершенными. Он должен был расширить их, дополнить и учесть один удивительный, но, на мой взгляд, совсем не фантастический факт: воздух не является пустотой.

— Что вы хотите сказать? Ваши парадоксы сводят меня с ума!

— Я предполагаю, что воздух, в котором мы двигаемся, в действительности является плотной субстанцией, чем-то напоминающей воду, в которой могут дышать рыбы. И эта субстанция обладает определенной упругостью, способностью к сопротивлению. Конечно, все это невозможно увидеть невооруженным глазом, но такова существующая реальность.

— Вы меня пугаете, — повторил итальянец.

Берналли встал и взволнованно забегал по комнате. Затем остановился, несколько раз открыл рот, словно вытасченная из воды рыба, потряс головой и снова рухнул на стул.

— Мне было бы спокойнее считать вас сумасшедшим, — заявил профессор, — однако я восхищаюсь вами помимо своей воли. Ваша теория стала бы достойным завершением моих исследований, которые я посвятил изучению движения тел в жидкой среде. Ах! Я несколько не сожалею об опасном путешествии, которое мне пришлось предпринять и которое подарило мне счастливую возможность побеседовать с большим ученым. Но берегитесь, друг мой: даже если меня (а мои речи никогда не отличались подобной смелостью) называют еретиком, отчего я был вынужден покинуть родные места и укрыться в Женеве, то что может случиться с вами?

— Ба! — воскликнул граф. — Я никого не пытаюсь убедить в своей правоте и веду подобные беседы лишь с теми, кто увле-

чен наукой и способен меня понять. Я не амбициозен и не хочу записывать и издавать результаты моих исследований. Я предаюсь науке с тем же удовольствием, какое получаю, слагая стихи с милейшими дамами. Я живу в мире и покое в своем тулузском дворце, и кому вздумается искать ссоры со мной?

— У власти везде есть глаза и уши, — сказал Берналли, затравленно оглядываясь.

В это самое мгновение Анжелике почудился едва слышный шум, раздавшийся поблизости, и показалось, что ткань портьеры шевельнулась. Она встревожилась, и последующий разговор мужчин слушала весьма рассеянно, то и дело невольно поднимая взор на Жоффрея де Пейрака. Вечерний полумрак, царивший в комнате, сгладил отталкивающие черты тулузского дворянина, и на его лице выделялись лишь черные сияющие глаза да белоснежные зубы, обнажавшиеся в беззаботной улыбке, которая сопровождала даже самые серьезные его слова. В душе Анжелики зародилась смутная тревога.

Когда Берналли ушел, чтобы переодеться к ужину, она закрыла окно.

Слуги расставили на столах канделябры, а служанки подбросили дров в огонь камина.

Жоффрей де Пейрак поднялся и подошел к окну, у которого сидела его жена.

— Вы что-то чересчур молчаливы, милая моя. Впрочем, вы всегда молчаливы. Надеюсь, от моих речей вас не клонит в сон?

— Нет, напротив, они меня чрезвычайно заинтересовали, — медленно ответила Анжелика и впервые не отвела глаз от лица мужа. — Я не берусь утверждать, что поняла все, о чем вы говорили, но признаюсь, что мне больше нравятся разговоры подобного рода, чем беседы о поэзии, которые ведут дамы или пажи.

Жоффрей де Пейрак поставил ногу на ступень, ведущую к низкому окну, и наклонился, чтобы окинуть Анжелику внимательным взглядом.

— Вы странная маленькая женщина. Мне кажется, что вы понемногу начинаете привыкать к своему положению, но при этом

не перестаете удивлять меня. Мне доводилось прибегать к самым разным галантным уловкам, чтобы завоевать желанную женщину, но никогда и в голову не приходило использовать для этого математику.

Анжелика не смогла сдержать смех и почувствовала, как залезли ее щеки. Смутившись, она опустила глаза к рукоделию и, чтобы сменить тему разговора, спросила:

— Так, значит, в той удивительной лаборатории, которую столь ревностно охраняет Куасси-Ба, вы проводите физические опыты?

— И да, и нет. В моей лаборатории действительно есть несколько измерительных приборов, но я занимаюсь главным образом химическими исследованиями, работаю с металлами, такими как золото и серебро.

— Алхимия, — повторила взволнованная Анжелика. (И вновь у нее перед глазами возникло видение — замок Жила де Реца.) — Почему вы так жаждете золота и серебра? — вдруг спросила она с внезапной горячностью. — Можно сказать, что вы ищете их повсюду, не только в вашей лаборатории, но и в Испании, в Англии и даже в том маленьком свинцовом руднике в Пугату, которым столько лет владела моя семья... Молин упоминал, что у вас есть собственный золотой прииск в Пиренеях. Почему вы так жаждете золота?..

— Чтобы быть свободным, нужно очень много золота и серебра, мадам. Стоит вспомнить, что утверждает мэтр Андре Капеллан в эпиграфе к своему трактату «О любви»: «Чтобы посвятить себя любви, следует избавиться от забот о хлебе насущном».

— Не думайте, что сможете завоевать меня с помощью подарков и несметных сокровищ! — яростно выкрикнула Анжелика.

— Я ничего такого и не думаю, дорогая моя. Я вас жду. Вздыхаю. «Каждый любовник обязан бледнеть в присутствии своей возлюбленной». Вот я и бледнею. Вы полагаете, что я недостаточно бледен? Я отлично знаю, что трубадурам советуют становиться на колени перед их дамами, но, увы, это движение не слишком хорошо дается моей покалеченной ногой. Прошу простить меня за это... Ах! Будьте уверены, что я мог бы сказать

словами божественного поэта, Бернара де Вантадура: «Любовные муки, на которые меня обрекает красавица, чьим верным рабом я являюсь, станут причиной моей смерти!» Я умираю, мадам.

Анжелика засмеялась и встряхнула головой.

— Я вам не верю. Вы не похожи на умирающего... Вы или закрываетесь в своей лаборатории, или мчитесь в особняки тулузских «жеманниц», дабы помочь им слагать глупые стишки.

— Вам меня не хватает, мадам?

Анжелика заколебалась, но все же улыбнулась, желая сохранить игривый тон беседы.

— Мне не хватает развлечений, а вы являетесь воплощением Развлечения и Разнообразия.

И она снова склонилась к вышиванию.

Теперь Анжелика и сама не могла понять, привлекает или страшит ее то выражение, с каким Жоффрей де Пейрак обычно смотрел на нее во время их шуточных словесных поединков. Подобные интеллектуальные баталии были неотъемлемой частью светской жизни, их совместной жизни. Внезапно граф перестал иронизировать, и воцарившаяся тишина под воздействием на Анжелику странным образом: ей показалось, что она находится во власти какой-то силы, которая окутывает ее и обжигает. Она почувствовала себя обнаженной, ее маленькие груди под кружевным корсажем напряглись. Анжелике захотелось закрыть глаза.

«Он пользуется тем, что мое недоверие уснуло, и хочет околдовать меня», — подумала в тот вечер юная графиня, и по ее телу пробежала дрожь ужаса и удовольствия.

И снова она почувствовала, как от его вкрадчивого голоса закружилась голова, и снова вспомнились слова кормилицы: «Он очаровывает молодых женщин странным пением...»

Когда Берналии вновь появился в комнате, Анжелика поднялась ему навстречу. Она случайно задела графа де Пейрака и неожиданно для себя самой пожалела, что он не протянул руку, чтобы обнять ее за талию.

Глава 7

Визит епископа

В тот день слуги разливали по бутылкам первые в этом сезоне ликеры. Но едва Анжелика вошла в кухню, пропитавшуюся сладкими ароматами апельсинов, аниса и ароматических пряностей, как прибежал запыхавшийся негритенок и сообщил хозяйке, что барон Бенуа де Фонтенак желает засвидетельствовать свое почтение мадам де Пейрак и ее супругу.

Епископ!..

Священник не появлялся с момента своего краткого визита, случившегося во время присутствия во дворце Фабрицио Контарини. А это было давно. С тех пор как философ уехал, прошло немало дней, и Анжелика не знала, куда он направился, чтобы продолжить работу над диссертацией об этом ужасном Макиавелли. В Авиньон, город флагеллантов¹? Или в Утрехт, нидерландский город кальвинистов, сохранивший свою «католическую душу», что позволяло любому вольнодумцу чувствовать себя там как дома?

Шло время. Во дворце Веселой Науки останавливались и другие ученые, в том числе и Берналли, гостивший в Тулузе всего несколько дней. Миновала черед праздников, которые обычно устраивали в первые месяцы года.

¹ Флагелланты — «бичующиеся». В качестве одного из средств умерщвления плоти использовали самобичевание.

На юге Франции были не в чести утренние визиты: обычно посетители появлялись ближе к вечеру, пользуясь часами прохлады. Анжелика не видела епископа с того самого дня, когда тот заезжал, чтобы представить своего монаха-алхимика, и был неприятно удивлен, увидев Фабрицио.

Заинтригованная Анжелика сняла передник, который только что приколола к платью, и, испытывая смутное беспокойство, устремила в вестибюль, на ходу взбивая волосы. Следуя последней моде, она оставляла их распущенными, отчего ее роскошные локоны ниспадали на широкий круглый кружевной воротник.

Оказавшись в галерее у входа, Анжелика увидела на крыльце высокую фигуру барона-архиепископа в фиолетовом платье, оттененном белым воротником.

Внизу, в парке, суетился эскорт монсеньора: лакеи со шпагами у пояса, пажи и знатные вельможи на лошадях — все они создавали страшный шум, сгрудившись у кареты, запряженной шестеркой гнедых.

Как обычно, Анжелика встала на колени, чтобы приложиться губами к пасторскому кольцу. Поднявшись, она отметила, что архиепископ галантно поцеловал ей руку, тем самым подчеркнув, что его визит носит скорее светский характер.

— Пощадите меня, мадам. Когда вы склоняете предо мною колени, я начинаю ощущать, сколь стар на фоне вашей молодости.

— Монсеньор, я всего лишь хотела проявить то несказанное уважение, которое я испытываю к человеку, прославившемуся добродетелью и облеченному высшей властью, дарованной Его Святейшеством Папой Римским и Господом Богом...

Каждый раз, произнося подобные льстивые речи, Анжелика не могла не вспомнить сестру Анну, которая в монастыре Пуатье занималась светским образованием воспитанниц. Монахиня наверняка была бы довольна своей ученицей, которая не всегда являлась образцом кротости.

Меж тем прелат снял шляпу и перчатки и вручил их молодому церковнику из своей свиты. Затем небрежным жестом велел юноше удалиться.

— Мои люди подождут во дворе. Я хотел бы побеседовать с вами, мадам, подальше от ушей слишком легкомысленных особ.

Анжелика бросила насмешливый взгляд на юного священника, обвиненного в излишнем легкомыслии, и тот залился краской.

В гостинной, после того как подали прохладительные напитки, графиня попросила епископа извинить ее мужа. Она уже послала слуг, чтобы те предупредили графа о визите высокого гостя. Следуя светским обычаям, хозяйка дома и священник продолжили обмен любезностями.

— Я искренне сожалею, что заставила вас ждать; я была на кухне и следила за тем, как разливают по бутылкам ликеры. Но я злоупотребляю вашим временем, монсеньор, болтая о подобных мелочах.

— Ничто не является мелочью пред лицом нашего Господа. Вспомните о Марте. В наши дни редко можно увидеть, как знатная дама занимается домашними делами. Однако именно хозяйка дома подает пример благочестия своим слугам. А когда красота Марии Магдалины соединяется с трудолюбием Марты, как произошло в вашем случае, мадам...

Но голос архиепископа звучал несколько неуверенно, и казалось, что светские беседы не доставляют ему никакого удовольствия. Несмотря на внешнюю представительность Бенуа де Фонтенака и открытый взгляд его голубых глаз, было в нем нечто скользкое, смущающее, что производило отталкивающее впечатление на его собеседников. Однажды Жоффрей заметил, что архиепископ всегда пытается выставить окружающих виновными во множестве грехов и, более того, стремится убедить в этом их самих.

Задумчиво потерев руки, епископ повторил, что испытывает небывалое удовольствие лицезреть молодую графиню, которая, увы, не часто появляется в епископстве, а точнее, не была там с того далекого дня, когда в центральном соборе города он соединил ее узами брака с графом де Пейраком.

— Я часто вижу вас на церковных службах и не могу не отметить ваше усердие. Но признаюсь, дочь моя: я несколь-

ко разочарован, что ни разу не встретил вас в моей исповедальне.

— Меня исповедует капеллан ордена визитации, монсеньор.

— Он достойный священник, но ваше высокое положение, мадам, как мне кажется...

— Простите, монсеньор! — воскликнула Анжелика, задорно смеясь. — Попробую объяснить свою точку зрения: я совершаю слишком незначительные грехи, чтобы признаваться в них столь важной фигуре, каковой вы являетесь. Я просто смущаюсь.

— Сдается, дитя мое, что вы ошибаетесь касательно самой природы таинства покаяния. Негоже грешнику лично судить о своих грехах. Из ходящих по городу слухов я узнал, какой разврат царит в вашем особняке, и позволил себе усомниться, что такая привлекательная, прекрасная молодая женщина может остаться в этом дворце столь же невинной, каковой была в день крещения.

— Я не претендую на безгрешность, монсеньор, — прошептала Анжелика, опуская глаза, — но полагаю, что слухи преувеличены. Конечно, здесь устраивают веселые праздники. Во дворце слагают стихи, поют, пьют вино, ведут беседы о любви и много смеются. Но я никогда не становилась свидетельницей разврата, который мог бы смутить мою душу...

— Я предпочту думать, что вы наивны, а не лицемерны, дитя мое. Вас слишком юной отдали в руки супруга, чьи речи не раз изобиловали еретическими высказываниями. К тому же он достаточно ловок и опытен в общении с женщинами, что позволяет ему без лишнего труда смущать ваш еще податливый разум. Я просто обязан упомянуть слишком уж знаменитые Суды любви, которые граф ежегодно проводит в своем дворце и которые посещают не только все сеньоры города, но также женщины более низкого сословия и молодые дворяне провинции. И я дрожу от одной только мысли, что с помощью своего состояния Жоффрей де Пейрак с каждым днем захватывает все больше власти в городе. Уже и капитулы, которые, как вы знаете, являются консулами наших провинций, эти строгие и честные судьи,

испытывают волнение, видя, как их супруги посещают дворец Веселой Науки.

— Какие странные люди, — сказала Анжелика, притворяясь изумленной. — А я не раз слышала, что все богатые мещане только и мечтают о том, как бы попасть в общество высшей знати, чтобы однажды милостью короля и самим получить дворянство. Мой муж не слишком щепетилен в том, что касается гербов и древности рода. Он принимает в нашем доме всех, кто отличается умом и образованностью. И я удивлена, что господа капитулы чем-то недовольны.

— Прежде всего следует думать о душе! — гневно воскликнул епископ, словно проповедовал с кафедры. — Прежде всего о душе, мадам, а затем уже о почестях.

— Вы действительно полагаете, что моя душа и душа моего мужа находятся в серьезной опасности, монсеньор? — спросила Анжелика, широко распахнув свои и без того огромные глаза цвета морской волны.

И хотя она исправно соблюдала все атрибуты набожности, положенные девицам и дамам ее положения — церковные службы, посты, исповеди, причастие, — мятежный ум Анжелики брал верх, едва речь заходила о фанатизме, противоречащем здравому смыслу. Кроме того, сама не зная почему, графиня догадывалась, что архиепископ не до конца искренен.

Прикрыв веки и сложив руки на кресте из алмазов и аметистов, он, казалось, сосредоточился на некой сокровенной мысли и искал в глубине своего сердца эхо божественного ответа.

— Что я могу сказать? — наконец вздохнул он. — Я ничего не знаю. Происходящее в этом дворце скрыто от моих глаз, поэтому все больше и больше меня беспокоит.

Внезапно он спросил:

— Мадам, вы в курсе алхимических опытов вашего мужа?

— Честное слово, нет, — нимало не смутившись, ответила Анжелика. — Граф де Пейрак интересуется науками...

— Говорят, он великий ученый.

— И я в это верю. Он проводит много времени в лаборатории, но меня туда никогда не приглашали. Уверена, граф полагает, что подобные вещи не могут заинтересовать женщину.

Анжелика раскрыла веер, чтобы спрятать за ним улыбку и, возможно, то замешательство, которое породил в ней пронизывающий взгляд епископа.

— Это мой долг и мое призвание — проникать в сердца людей, — промолвил священник, словно почувствовав смущение собеседницы. — Но не пугайтесь, дочь моя. По вашим глазам я вижу, что вы искренни и, невзирая на молодость, обладаете на редкость сильным характером. Что касается вашего мужа, то у него, возможно, еще есть время пожалеть о своих заблуждениях и отречься от ереси.

Анжелика испуганно вскрикнула.

— Клянусь, что вы ошибаетесь, монсеньор! Возможно, мой муж — не образец ревностного католика, но его нисколько не увлекает Реформация или воззрения гугенотов. Я даже слышала, как он насмеялся над этими «печальными бородачами из Женевы», которые, по его мнению, были уполномочены Небесами отучить все человечество смеяться.

— Обманчивые речи, — с мрачным видом заявил прелат. — Разве под крышей вашего дворца, мадам, не находят приют самые известные протестанты?

— Это ученые, граф беседует с ними о науке, но не о религии.

— Наука и религия тесно связаны. Не так давно меня уведомили, что ваш дом посетил знаменитый итальянец Берналли. А знаете ли вы, что этот человек вступил в конфликт с Римом из-за своих безбожных рукописей, а затем укрылся в Женеве, где принял протестантство? Но давайте отвлечемся от разговора о еретических воззрениях вашего мужа, которые, безусловно, меня глубоко печалят. Есть еще один вопрос, волнующий меня уже много лет. Граф де Пейрак очень богат и с каждым годом все богатеет. Откуда берется это изобилие золота?

— Но, монсеньор, разве мой супруг не принадлежит к древнейшему лангедокскому роду? Он прямой потомок графов Тулузских, чья власть над Аквитанией некогда была сопоставима с властью королей в Иль-де-Франс¹!

Из горла прелата вырвался исполненный презрения короткий смешок.

— Все верно. Но дворянский титул не приносит богатства. Родители вашего супруга были настолько бедны, что этот великолепный особняк, в котором вы сегодня блистаете, всего пятнадцать лет тому назад находился в полном запустении. Месье де Пейрак когда-нибудь рассказывал вам о своих молодых годах?

— Нет, — прошептала Анжелика и сама удивилась собственному неведению.

— Он был младшим сыном в семье, младшим и настолько бедным, повторяю, что в шестнадцать лет отправился на корабле в далекое плавание. Граф отсутствовал так долго, что к тому времени, как он вернулся, его уже давно считали погибшим. Его родители и старший брат скончались, а земли, принадлежащие семье, поделили между собой кредиторы. Вернувшись, Жоффрей де Пейрак выкупил все родовые владения, и после этого его состояние только росло. Этот сеньор никогда не бывает при дворе, более того, старается держаться подальше от столицы и не получает никакой королевской пенсии.

— Но у графа есть земли, — сказала Анжелика, чувствуя себя подавленной. — Его управляющие занимаются разведением баранов в горах, которые дают шерсть, и ее потом ткут в больших суконных мастерских. Кроме того, Жоффрей владеет оливковыми плантациями, занимается разведением шелковичных червей, у него есть золотые и серебряные прииски...

— Как вы сказали? Золотые и серебряные?

¹ Иль-де-Франс — историческая область Франции и регион в центральной части Парижского бассейна, между реками Сена, Марна, Уаза. Территория Иль-де-Франс (с центром в Париже) — ядро французского государства.

— Да, граф де Пейрак владеет многочисленными шахтами по всей Франции, и из них, по его утверждению, добывает золото и серебро.

— Как верны ваши слова, мадам! — сладким голосом пропел прелат. — «По его утверждению»... Он утверждает, что получает золото и серебро из этих шахт!.. Именно это я и хотел услышать. Мое ужасное предположение подтверждается.

— Что вы хотите сказать, монсеньор? Не пугайте меня.

Архиепископ Тулузский вновь окинул графиню ясным взглядом своих голубых глаз, но теперь в этом взгляде засверкала сталь. Он медленно произнес:

— Я не сомневаюсь, что ваш муж — один из величайших ученых нашей эпохи, и как раз поэтому я думаю, мадам, что он сумел раскрыть секрет философского камня, узнал тайну царя Соломона, научился изготавливать золото с помощью магии. Но каким путем он шел к своему открытию? Я очень боюсь, что по этой дороге его вел сам дьявол!

Анжелика снова прикрыла лицо веером, с трудом сдерживая смех. Она уже готовилась услышать разоблачения, связанные с незаконной торговлей, которой занимался граф и о которой она знала из признаний Молина и откровений отца. Она боялась этих разоблачений, потому что понимала: дворянин, занимающийся подобной деятельностью, рискует запятнать свое доброе имя. Именно поэтому странное обвинение архиепископа, которого Анжелика считала человеком большого ума, поначалу показалось ей смехотворным. Неужели священник говорил серьезно?

Внезапно в ее голове молнией блеснула догадка: она вспомнила, что именно в Тулузе зародилась французская инквизиция — зловещий средневековый институт власти, трибунал которого боролся с еретиками, исповедующими «новую» религию. И как раз инквизиция уничтожила влиятельных катаров-альбигойцев, чью власть в Тулузе не осмеливался оспаривать даже король.

Наполненная смехом Тулуза в то же время была «красным городом», славящимся своим нетерпимым отношением к гугенотам.

Здесь задолго до парижской Варфоломеевской ночи¹ случилась своя кровавая резня, во время которой было истреблено множество протестантов. Религиозные церемонии проводились тут чаще, чем в любых других городах Франции. Льющийся над площадями протяжный колокольный звон денно и нощно призывал верующих к молитве, превращая Тулузу в звенящий остров; этот город был наводнен не только цветами, но и бесчисленными распятиями, изображениями святых и христианскими реликвиями. Испанский огонь притушил чистый свет латинской культуры, принесенный сюда римскими завоевателями. Куртуазные братства, почитающие мирские удовольствия, «Господа страсти» и знаменитые «Аббаты юности» соседствовали с братствами флагеллантов, в глазах которых полыхал огонь фанатичной веры. Улицы заполнялись процессиями бичующихся, истязавших плоть острыми прутами с шипами; после таких шествий мостовые города еще долго оставались красными от крови.

Анжелика, захваченная водоворотом светских развлечений, не уделяла внимания этой стороне тулузской жизни. Но она отлично знала, что архиепископ — человек, в данную минуту сидящий перед ней в роскошном гобеленовом кресле с бокалом лимонада в руках, — был одним из Великих магистров инквизиции.

Именно поэтому ее голос чуть заметно дрожал, когда она прошептала:

— Монсеньор, я не верю своим ушам: вы обвиняете моего супруга в колдовстве?.. Разве в этой стране, которую Господь так щедро одарил, наполнив ее недра несметными богатствами, добыча золота не является обыденной вещью?!

После чего Анжелика лукаво добавила:

— Я позволю себе заметить, что вы тоже снаряжаете бригады старателей, которые с помощью особых корзин промывают пе-

¹ Варфоломеевская ночь (резня св. Варфоломея) — массовая резня гугенотов во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня святого Варфоломея. По различным оценкам, погибло около 30 тысяч человек.

ски Гаронны и добывают золотой песок и самородки, которые вы используете для борьбы с нищетой.

— Ваше замечание не лишено здравого смысла, дочь моя. Собственно, потому, что я лично слежу за добычей золота в наших краях, я смело могу утверждать: даже если промыть песок всех рек и ручьев Лангедока, невозможно получить и половины того золота, которым владеет граф де Пейрак. Поверьте мне, я хорошо информирован.

«В этом я не сомневаюсь, — подумала Анжелика, — а также знаю, что мулы, груженные испанским золотом, не первый год шагают по дорогам Франции...»

Взгляд голубых глаз прелата пристально искал малейшие следы смятения на лице собеседницы. Анжелика нервным жестом закрыла веер.

— Ученый отнюдь не всегда является приспешником дьявола. Все знают, что при дворе есть ученые мужи, установившие подзорную трубу, чтобы смотреть на звезды и лунные горы, и месье Гастон Орлеанский, дядя короля, занимается этими наблюдениями под руководством аббата Пикара.

— Действительно, я лично знаю аббата Пикара. Он не только астроном, но и геометр короля.

— Вот видите...

— Церковь, мадам, славится широтой взглядов. Она позволяет проводить всевозможные исследования, даже очень рискованные, например такие, каким посвятил себя упомянутый вами аббат Пикар. Я пошел еще дальше: в моем архиепископстве есть весьма искусный монах, принадлежащий к ордену францисканцев, — отец Беше. В течение многих лет он изучает процесс получения золота путем превращения в него других металлов, но он действует с моего личного разрешения и позволения Рима. Должен признаться, что его работы обходятся мне весьма дорого, и все потому, что я вынужден покупать специальные ингредиенты, привезенные из Испании и Италии. Этот человек, знакомый с древнейшими традициями алхимического искусства, утверждает: для того чтобы добиться необходимого результата,

нужно получить особое откровение, которое может идти либо от Бога, либо от Сатаны.

— И он добился нужного результата?

— Пока нет.

— Бедняга! Следовательно, ему не помогает ни Бог, ни Сатана, несмотря на ваше высокое покровительство.

Анжелика прикусила губу, пожалев о вырвавшейся колкости. Ей казалось, что она вот-вот задохнется и что если говорить глупости, то удастся спастись от удувки, сжимающейся на горле. Разговор с архиепископом стал не только странным, но и опасным. Красавица повернулась к двери, надеясь услышать неровный шаг идущего по галерее мужа, и, увидев его самого, от неожиданности подскочила на месте.

— О! Вы уже здесь?

— Я только что пришел, — сказал граф, — и не заслуживаю прощения, что заставил вас так долго ждать. Признаюсь, меня сразу же уведомили о вашем визите, около часу назад, но я не мог прервать одну весьма деликатную работу с ретортами.

Граф был облачен в алхимическую блузу, такую длинную, что она касалась пола. Это одеяние напоминало огромную рубаху, испещренную вышитыми знаками зодиака, а также цветными пятнами от используемых реактивов. Анжелика не сомневалась, что ее муж намеренно не снял рабочую одежду и также намеренно, провоцируя гостя, упорно именовал архиепископа Тулузского «месье», таким образом не делая различия между священнослужителем и бароном Бенуа де Фонтенаком.

Граф де Пейрак сделал знак стоявшему в прихожей слуге, чтобы тот помог ему снять алхимическую блузу.

После чего хозяин дома приблизился к беседающим и поклонился. Солнечный луч скользнул по его темной шевелюре, по роскошным кудрям, за которыми он тщательно следил и которые по красоте и пышности могли поспорить с парижскими париками, только входящими в моду.

«У него самые прекрасные волосы на свете», — подумала Анжелика.

Между тем граф де Пейрак придвинул высокий табурет и сел рядом с Анжеликой, чуть позади нее.

Следовательно, она не могла видеть мужа, а лишь ощущала его дыхание, напоенное ароматом табака.

Обмениваясь с архиепископом банальными репликами, Анжелика чувствовала, что Жоффрей де Пейрак ласкает взглядом ее затылок и плечо, а также дерзко разглядывает прелести, прячущиеся в вырезе корсажа.

Своим поведением граф намеренно злил прелата, который слыл непримиримым ревнителем нравственности.

Несмотря на то что архиепископ Тулузский унаследовал сан от своего дядюшки, он не только старательно исполнял административные функции главы одной из важнейших епархий Франции, но и искренне беспокоился о душах верующих. Он вел поистине образцовое существование, не давая поводов для сплетен, что делало его более грозным противником.

Анжелике хотелось повернуться к мужу и взмолиться: «Пожалуйста, будь осторожен!»

В то же время юная графиня наслаждалась этим молчаливым выражением чувств. Ее девственная кожа, не знавшая ласки, требовала настоящих прикосновений, касаний умелых губ, которые разожгли бы в ней сладострастный огонь. Анжелика сидела очень прямо, не шевелясь, и чувствовала, как начинают гореть ее щеки. Она убеждала себя, что ведет себя глупо, смешно, что граф действует подобным образом лишь для того, чтобы позлить епископа, — в конце концов, она была женой этого мужчины, его собственностью. И внезапно Анжелику захлестнуло жгучее желание действительно стать его вещью, принадлежать, отдаться, упасть, закрыв глаза, в его властные объятия. Разумеется, волнение жены не могло ускользнуть от Жоффрея де Пейрака, и он наверняка забавлялся, глядя на ее смущение. «Он играет со мной как кошка с мышкой. Он мстит мне за мое презрение», — думала обескураженная красавица.

И чтобы унять разыгравшееся воображение, Анжелика позволяла негритенка, дремавшего в углу комнаты на большой

подушке, и приказала подать бонбоньерку. Когда мальчик поднес ей шкатулочку из черного дерева, инкрустированную перламутром, в которой лежали орехи и засахаренные фрукты, а также пряные розовые леденцы, Анжелика уже взяла себя в руки и принялась внимательно следить за разговором мужчин.

— Нет, месье, — сказал граф де Пейрак, небрежно грызя фиалковую пастилку, — неверно думать, что я занимаюсь наукой с целью обрести власть и могущество. Я всегда питал страсть к знаниям. Например, если бы я не сумел разбогатеть, то попытался бы поступить инженером на королевскую службу, в Департамент водных ресурсов. Вы даже представить себе не можете, как мы во Франции отстали во всем, что касается орошения и откачки воды! Римляне в десять раз лучше разбирались в этих вопросах, а когда я путешествовал по Египту и Китаю...

— Я знаю, что вы чрезвычайно много путешествовали, граф. Посещали ли вы те страны Востока, где до сих пор хранят тайны волхвов?

Жоффрей звонко рассмеялся.

— Я был там, но волхвов не встречал. Я никогда не интересовался магией. Оставим это увлечение вашему храброму и наивному Беше.

— Беше не устает спрашивать, когда он удостоится чести присутствовать при одном из ваших опытов и может ли он стать вашим учеником в области химии?

— Месье, я не школьный учитель. Но даже если бы был им, то не стал бы связываться с ограниченными людьми.

— Однако этот монах славится острым умом.

— Без сомнения, он отлично разбирается в схоластике, но в умении наблюдать он полный профан: видит вещи не такими, какими они являются, а такими, какими должны быть по его мнению. Я называю таких людей неумными и ограниченными.

— Пусть будет так, это ваша точка зрения, я не слишком сведущ в светских науках, чтобы судить обоснованность ваших антипатий. Но не забывайте, что аббат Беше, которого вы считае-

те невеждой, несколько лет тому назад написал выдающуюся книгу об алхимии; правда, мне пришлось порядком похлопотать, чтобы получить разрешение Рима на ее издание.

— Научные работы не нуждаются в одобрении или неодобрении Церкви, — сухо обронил граф.

— Позвольте с вами не согласиться. Разве дух Церкви не охватывает общность природных явлений и все сущее?

— Не вижу, с чего бы «духу Церкви» быть таковым? А ну-ка припомните, монсеньор, знаменитую фразу, произнесенную Господом: «Воздайте кесарю кесарево». В данном случае кесарь олицетворяет не только людскую власть, но и власть вещей. Говоря так, Сын Божий пожелал утвердить независимость области души, то есть религиозную область, от области материальной, к которой, и я в этом не сомневаюсь, относится в том числе и абстрактная наука.

Прелат несколько раз качнул головой, а его тонкие губы растянулись в улыбке.

— Я восхищаюсь вашим умением вести полемику. Оно достойно великих традиций и доказывает, что вы действительно получили отличное теологическое образование в университете нашего города. Однако именно в таких вопросах, чтобы прекратить дебаты, окончательное решение принимает высшее духовенство, ибо ничто так не походит на рассудительность, как безрассудство.

— Монсеньор, эта фраза, в свою очередь, восхищает меня. Поэтому что (если только речь не идет о сугубо религиозных темах вроде догматов и морали), рассуждая о науке, я должен обратиться к единственному аргументу: реальным, увиденным мною фактам, а не умственным хитросплетениям. Иными словами, я должен довериться методу познания, предложенному Фрэнсисом Бэконом в его сочинении «*Novum Organum*»¹, которое увидело свет в 1620 году, а также указаниям, данным математиком Декартом, чья книга «Метод» уже стала важнейшим памятником философии и математики...

¹ «Новый Органон».

Анжелика заметила, что имена этих двух ученых почти неизвестны прелату, который меж тем слыл эрудитом. Она боялась, что беседа примет более острый характер и Жоффрей не станет считаться с чувствами собеседника.

«И почему мужчины вечно спорят о вещах, мелких, как булабочная головка?» — подумала юная графиня. Но больше всего она опасалась, что архиепископ, умело меняя темы, заманит Жоффрея де Пейрака в ловушку.

На сей раз граф сумел вывести его из равновесия. Бледные, тщательно выбритые щеки прелата порозовели, веки чуть прикрылись, и на лице появилось выражение столь явной высокомерной хитрости, что Анжелика ужаснулась.

— Месье де Пейрак, — сказал Бенуа де Фонтенак, — вы говорите о власти. О власти над людьми, власти над вещами. А вы когда-нибудь задумывались, что ваше благосостояние и беспримерная удачливость могут у многих вызвать подозрение, но главным образом привлечь внимание Церкви? Ваше богатство, увеличивающееся изо дня в день, ваши научные работы, которые приводят в этот дом ученых, посевших в праведных трудах... В прошлом году я беседовал с одним из них — неким немецким математиком, прочитавшим несколько ваших работ. Он был потрясен, осознав, что вы играючи сумели решить те задачи, над которыми тщетно бились лучшие умы нашего времени. Вы свободно говорите на двенадцати языках...

— Мыслитель Пико дела Мирандола, живший в прошлом веке, говорил на восемнадцати языках.

— Ваши таланты неисчислимы; ко всему прочему вы великолепно слагаете стихи и в совершенстве постигли — простите меня, мадам, — искусство соблазнения женщин...

— А как вам это?..

У Анжелики сжалось сердце, поскольку она догадалась, что Жоффрей де Пейрак поднес руку к шраму на щеке. Возможно, также показал на покалеченную ногу.

Архиепископ смутился, но быстро взял себя в руки и с возмущением продолжил:

— Э! Уж и не знаю, как это у вас получилось, но все забыли о ваших увечьях. Поверьте, у вас масса достоинств.

— Эта обвинительная речь удивляет и потрясает меня, — очень медленно начал граф. — Я до сих пор не понял, почему вызываю у вас такую зависть. Мне всегда казалось, что я скорее являю собой пример человека, обиженного судьбой.

Граф наклонился, и его глаза сверкали, словно он нашел отличный повод пошутить.

— А вы знаете, монсьеюр, что я в некотором роде гугенотский мученик?

— Вы гугенот? — воскликнул прелат.

— Я же сказал: в некотором роде. Вот какая история. После моего рождения мать поручила меня заботам кормилицы, которую выбирают не за вероисповедание, а за размер груди. Итак, кормилица была гугеноткой. Она увезла меня в одну из горных деревушек Севенн, рядом с которой возвышался замок мелкого помещика-протестанта. Неподалеку, как водится, располагалась другая деревня и другой замок, правда, католические. Уж и не знаю, с чего все началось. Мне было три года, когда католики и гугеноты устроили сражение. Моя кормилица, как и остальные деревенские женщины, укрылась в замке протестантского дворянина. К полуночи католики взяли его приступом, вырезали всех обитателей и подожгли. Меня же сначала трижды ударили саблей по лицу, а затем вышвырнули в окно. С высоты третьего этажа я упал во двор, припорошенный снегом. Снег смягчил удар и спас меня от горящих веток, которыми было усыпано все вокруг. Утром один из католиков, который вернулся, чтобы заняться грабежом, признал во мне наследника графов Тулузских. Он поднял меня и положил в заплечную корзину вместе с моей молочной сестрой Марго — она была единственной, кто выжил в этой страшной резне. Мужчине пришлось пробираться сквозь непрекращающиеся метели, и он нескоро спустился к равнинам. Когда он дошел до Тулузы, я все еще был жив. Мать отнесла меня на солнечную террасу, раздела и запретила врачам даже приближаться к ее несчастному ребенку, сказав, что доктора меня

точно прикончат. Долгие годы я неподвижно лежал на солнце и лишь в двенадцать лет смог сделать первые шаги. А в шестнадцать сел на корабль. Как видите, у меня было много времени на учебу. Сначала благодаря увечью и неподвижности, затем — моим путешествиям. И во всей этой истории нет ничего подозрительного.

Несколько минут архиепископ молчал, а затем задумчиво произнес:

— Ваш рассказ многое проясняет. Меня больше не удивляет ваша симпатия к протестантам.

— Я не питаю симпатии к протестантам.

— Хорошо, тогда ваша антипатия к католикам.

— У меня нет антипатии к католикам. Месье, я — человек прошлого и никак не могу приспособиться к современной эпохе нетерпимости. Я должен был бы родиться одним или двумя веками ранее, в период расцвета Ренессанса — время куда более приятное, чем век Реформации, — ведь именно тогда французские бароны открыли для себя Италию, а вместе с ней блистательное наследие античности: Рима, Греции, Египта, библейских земель...

Монсеньор де Фонтенак сделал едва заметное движение, не ускользнувшее от Анжелики.

«Он ловко подвел Жоффрея к интересующей его теме», — подумала она.

— Поговорим о библейских землях, — произнес архиепископ. — Разве в Писании не сказано, что царь Соломон был одним из первых величайших магов и послал корабли в Офир, чтобы там, вдали от нескромных взглядов, с помощью трансмутации¹ превращать грубые металлы в драгоценные? История утверждает, что его корабли вернулись наполненными золотом.

— История также утверждает, что после возвращения царь Соломон удвоил налоги, а это доказывает, что он привез не так

¹ Трансмутация — в алхимии этот термин означает превращение одного металла в другой. — *Примеч. пер.*

уж много золота и, главное, не знал, как ему пополнить опустевшую казну. Если бы он действительно обнаружил секрет получения драгоценного металла, то не стал бы поднимать налоги и не брал бы на себя труд снаряжать корабли в Офир.

— Возможно, в своей мудрости библейский царь не желал посвящать подданных в тайны, которыми они могли бы злоупотреблять.

— Скажу больше: Соломон не мог проникнуть в тайну превращения обычных металлов в золото, потому что подобное превращение попросту невозможно. Алхимия — несуществующее искусство, это всего лишь зловещий фарс Средневековья, который, впрочем, со временем стал по-настоящему смешным, ведь никто никогда так и не смог осуществить трансмутацию.

— Однако я заявляю, — побледнев, воскликнул архиепископ, — что собственными глазами видел, как Беше погрузил оловянную ложку в некий состав, после чего она стала золотой.

— Она не превратилась в золотую, а всего лишь покрылась золотой пленкой. И если бы этот добрый малый потрудился процарапать поверхность ложки шилом, то сразу заметил бы, что под тонким слоем золота находится все то же олово.

— Так оно и было, но Беше утверждает, что это всего лишь начало превращения, начальная стадия процесса.

В комнате повисло молчание. Рука Жоффрея де Пейрака скользнула на подлокотник кресла Анжелики и коснулась ее запястья.

Граф беззаботно проронил:

— Если вы так уверены, что ваш монах нашел магическую формулу получения золота, зачем вы явились ко мне сегодня утром и затеяли весь этот разговор?

Архиепископ и глазом не моргнул.

— Беше убежден, что вы обладаете высшей тайной, которая позволит ему закончить процесс превращения.

Граф де Пейрак разразился раскатистым смехом.

— Никогда ранее я не слышал настолько нелепого утверждения. С чего бы мне посвящать себя подобному ребячеству? Бедняга

Беше, я охотно оставляю ему все волнения и надежды, связанные с ложной наукой, которой он так увлечен...

Беседу прервал ужасающий шум, подобный раскату грома или пушечному выстрелу.

Жоффрей побледнел и вскочил на ноги.

— Это... это в лаборатории. Бог мой, лишь бы Куасси-Ба не погиб!

И граф поспешно бросился к двери.

Архиепископ поднялся и застыл, словно грозный судия, молча глядя на Анжелику.

— Я уезжаю, мадам, — наконец проговорил он. — Мне кажется, что в этом доме живет сам Сатана, который впал в ярость из-за одного моего присутствия. Будет лучше, если я уйду.

И барон де Фонтенак поспешно вышел из комнаты. Раздались щелканье кнута и крики кучера, после чего епископская карета выехала за большие ворота дворца.

Оставшись в одиночестве, ошеломленная Анжелика поднесла ко лбу маленький платок. Беседа, которую она слушала с неподдельным интересом, ее порядком озадачила. Ей ужасно надоели все эти разговоры о Боге, Соломоне, ереси и магии... Опомнившись, Анжелика покаянно перекрестилась, упрекая себя в неблагочестивых мыслях, и в конце концов решила, что мужчины просто невыносимы со своими словесными уловками и вечными интригами, в которых запутался бы сам Господь Бог.

* * *

Анжелика застыла в нерешительности, не зная, как ей поступить.

Она умирала от желания броситься в удаленное крыло замка, откуда донесся тот ужасающий грохот. Жоффрей выглядел по-настоящему взволнованным. Быть может, кто-то ранен?.. Однако она осталась на месте. Граф окружил свои работы тайной, раз и навсегда дав понять жене, что это единственная область, куда он не желает допускать любопытных профанов. Объяснения, предоставленные епископу, хозяин дома процедил сквозь зубы, да и вообще дал их исключительно из уважения к его сану. Разу-

меется, этого было недостаточно, чтобы развеять подозрения прелата.

Анжелика дрожала от холода. «Колдовство!» Она огляделась. В такой чудесной комнате само это слово казалось злой шуткой, но все-таки она была вынуждена признать, что еще многого не знала.

«Пойду посмотрю, что там стряслось, — решила Анжелика. — И пускай сердится, сколько хочет».

Но в этот момент она услышала шаги мужа, и вскоре он вошел в гостиную. Руки графа были черными от сажи, но сам он улыбался.

— Слава Богу, ничего серьезного. Куасси-Ба отделался несколькими царапинами, и поскольку он спрятался под столом, я на миг решил, что его выбросило взрывом. Правда, материальный ущерб значителен. Мои самые ценные реторты из богемского стекла разлетелись вдребезги, ни одной не осталось!

Повинуясь знаку графа, двое пажей принесли таз и золотой кувшин с водой. Он тщательно вымыл руки, затем щелчком взбил кружевные манжеты.

Анжелика собралась с духом.

— Жоффрей, разве есть необходимость проводить столь опасные опыты?

— Необходимо иметь золото, чтобы жить. — И граф обвел рукой великолепный зал, деревянный потолок которого он недавно велел позолотить. — Но дело не только в этом. Моя работа приносит мне ни с чем не сравнимую радость. Она — смысл моей жизни.

Анжелика почувствовала, как у нее защемило сердце, словно своими последними словами он лишил ее чего-то необыкновенно ценного. Но заметив, что муж внимательно наблюдает за ней, она из гордости постаралась принять равнодушный вид. Жоффрей улыбнулся и продолжил:

— Это единственный смысл и единственная цель моей жизни, не считая мечты завоевать вас, — закончил он с низким поклоном.

— Я не гожусь в соперницы вашим колбам и ретортам, — с излишней поспешностью возразила Анжелика. — Однако должна признаться, что речи монсеньора меня обеспокоили.

— Правда?

— Разве вы не почувствовали скрытую угрозу в его словах?

Граф медлил с ответом. Прислонившись к окну, он задумчиво смотрел на плоские городские крыши, так тесно прижавшиеся друг к другу, что их округлые черепицы сливались в один сплошной ковер, словно сотканный из мака и клевера.

Справа возвышалась башня Ассеза с фонарем, напоминающая о славе торговцев вайдой, поля которой тянулись на много лиг¹ вокруг города. Это культурное растение, в избытке произраставшее на юге Франции, в течение многих веков оставалось единственным натуральным красителем, позволявшим получать синюю и зеленую краски, и на нем сколотили солидное состояние многие мещане и торговцы Тулузы.

Видя, что граф молчит, Анжелика вновь опустилась в свое кресло, и малыш-негритенок положил перед ней плетеную корзиночку, в которой хранились блестящие шелковые нитки для вышивания.

В эти дни, пришедшие на смену бурным праздникам, дворец был словно погружен в сон. Анжелика размышляла о том, что за обедом, возможно, она останется наедине с графом де Пейраком, если, конечно, вездесущий Бернар д'Андижос не напросится в гости...

— А вы обратили внимание, — вдруг заговорил граф, — сколь искусно выстроил беседу господин Великий инквизитор? Начал с морали, мимоходом упомянул «оргии», творящиеся во дворце Веселой Науки, затем намекнул на мои путешествия, после чего плавно перешел к царю Соломону. Короче, за всеми этими хитрыми речами скрывается следующее: господин барон Бенуа де Фонтенак, архиепископ Тулузский, попросил меня поделиться с ним секретом изготовления золота, в противном случае он сожжет меня как колдуна на костре на Саленской площади.

— Мне показалось, что я слышала в его словах угрозу, — сказала обеспокоенная Анжелика. — Вы полагаете, что прелат действительно верит в то, что вы заключили сделку с Сатаной?

¹ Лига — единица измерения расстояния, равна 4828,032 метра.

— Он? Нет. Подобные бредни он приберегает для наивного Беше. Архиепископ слишком умен и слишком хорошо меня знает. Но он твердо убежден в том, что я владею некой научной тайной, с помощью которой добываю золото и серебро. И он хочет узнать эту тайну, чтобы использовать ее в собственных целях.

— Какой гнусный тип! — воскликнула Анжелика. — А ведь он производит впечатление достойного, великодушного человека, преисполненного истинной веры.

— Он таковым и является. Архиепископ тратит на благотворительность почти все свое состояние. Каждый день он накрывает столы для безденежных чиновников, а также содержит пожарную службу и приют для беспризорных детей. Что еще я могу сказать? Он помогает людям осознать величие Господа, сеет в их душах добро. Однако его собственную душу снедает злобный демон — демон властолюбия. Месье де Фонтенак сожалеет о тех временах, когда вся полнота власти над городом и даже над провинцией была сосредоточена в руках епископа, который единолично вершил правосудие, наказывал и поощрял. Теперь же он видит, как растет влияние дворца Веселой Науки, и не может с этим смириться. Если ничего не изменится, то через несколько лет именно граф де Пейрак, ваш супруг, драгоценная Анжелика, будет безраздельно править Тудузой. Золото и серебро — это, прежде всего, власть, а если властью наделен приспешник Сатаны!.. В таких случаях монсеньор не колеблется. Или мы разделим с ним власть, или...

— Что случится?

— Не бойтесь, моя милая. Хотя интриги архиепископа Тудузского могут доставить нам много хлопот, я не думаю, что он одержит верх. Он раскрыл свои карты: ему нужно получить секрет изготовления золота. И я охотно поделюсь с ним этим секретом.

— Так, значит, вы все-таки им владеете? — прошептала Анжелика, округлив глаза.

— Давайте не будем смешивать разные вещи. У меня нет магической формулы, с помощью которой можно создавать золото. Цель моих исследований заключается отнюдь не в том, чтобы

получить несметные богатства: я только хочу заставить работать силы природы.

— Но разве подобные мысли не преисполнены ереси, как сказал бы монсеньор?

Жоффрей расхохотался.

— Я вижу, что вы получили отменное церковное образование: бьетесь в умело сплетенной паутине аргументов, лишь на первый взгляд кажущихся верными. Увы! Не могу не признать, что во всем этом не так-то легко разобраться. Однако заметьте, что даже в Средневековье Церковь не отлучала мельников за то, что крылья их мельниц вращали ветер или вода. Но если сегодня мне вздумается воздвигнуть где-нибудь на холме в окрестностях Тулузы паровой насос, который я повелею установить на вашем руднике Аржантьер, то все церковники тут же объявят мне войну! И когда я ставлю на кузнечный огонь стеклянную или керамическую колбу, это отнюдь не значит, что в нее тут же проникает Люцифер...

— Но следует признать, что взрыв получился впечатляющим. Монсеньор очень разволновался, и я уверена, что искренне. Вы сделали это нарочно, чтобы вывести его из себя?

— Нет! Я допустил небрежность. Проводя опыт, я пересушил препарат гремучего золота, полученный из прокатного золота и царской водки и осажденный гидроксидом аммония¹. Но в этом процессе не было никакого самозарождения.

— А что такое гидроксид аммония?

— Это вещество арабы получают уже много веков и называют его неустойчивой щелочью. Один мой друг, испанский ученый-монах, не так давно прислал мне его целый стеклянный баллон. Хотя я мог бы изготовить его здесь, в лаборатории, но это длительный процесс, а мне надо продвигаться в моих исследованиях. Поэтому я предпочитаю покупать необходимые реактивы, во всяком случае когда их можно купить готовыми. Изготовление чистых ингредиентов задерживает развитие науки, которую дураки, подобные монаху Беше, именуют в противоположность алхимии — хи-

¹ Гидроксид аммония — раствор аммиака с водой.

мией. По их мнению, химия является наукой наук, то есть некоей непонятной смесью из жидких веществ, религиозных формул и сам не знаю чего еще... Впрочем, я, наверное, вас утомил...

— Нет, уверяю вас, — сказала Анжелика, глядя на него горящими глазами. — Я могла бы слушать вас часами.

Граф улыбнулся, и шрамы на его левой щеке добавили этой улыбке оттенок иронии.

— Как странно устроена ваша хорошенькая головка! Никогда бы не подумал, что буду беседовать на подобные темы с женщиной. Но мне нравится с вами разговаривать. Мне кажется, вы все понимаете. Однако... Разве сразу после прибытия в Лангедок вы не считали, что я обладаю особой, колдовской властью? Я до сих пор вселяю в вас ужас?

Анжелика почувствовала, что краснеет, но смело выдержала взгляд мужа.

— Нет! Вы по-прежнему остаетесь для меня загадкой, и я думаю, это потому, что вы ни на кого не похожи. Но я больше вас не боюсь.

Хромая, граф подошел к табурету, на котором сидел во время визита архиепископа. Порой, словно бросая вызов, он намеренно подставлял свое изуродованное лицо свету, а иногда старался спрятать его в тени. В такие мгновения в его голосе появлялись особенные, неповторимые интонации, как будто бы душа Жоффрея де Пейрака, освободившись от оков брэнного тела, могла свободно витать в воздухе.

Анжелика по-прежнему ощущала рядом с собой незримое присутствие «красного человека», так напугавшего ее в день приезда в Тулузу. Несомненно, это был все тот же мужчина, но теперь ее отношение к нему изменилось. Она уже была готова задать графу извечный женский вопрос: «Вы меня любите?»

Но внезапно ее задремавшая гордость проснулась и в памяти всплыли слова: «Однажды вы придете. Все приходит!»

Чтобы преодолеть смущение, Анжелика вернулась к разговору о науке — теме, которая странным образом волновала умы их обоих и тем самым сблизила их, помогла сдружиться.

— Если вы не делаете тайны из ваших исследований, то почему отказываетесь встретиться с этим монахом Беше, к которому так благоволит монсеньор архиепископ?

— Ба! Что правда, то правда, я могу удовлетворить его требования. Однако я желал бы не просто поделиться тайными знаниями, а заставить их понять саму суть явлений. Но боюсь, я не смогу доказать им, что материю можно изменить, но нельзя превратить в другую материю. Умы окружающих меня людей еще слишком незрелы для подобных откровений. А гордыня этих лжеученых настолько велика, что они будут просто шокированы, если я сообщу им, что два моих помощника, направляющие меня в исследованиях, — это чернокожий мавр и шахтер из саксонской деревни.

— Куасси-Ба и старый горбун из Аржантьера, Фриц Хауэр?

— Да. Куасси-Ба рассказал мне, что когда он был еще свободным ребенком и жил где-то в джунглях дикой Африки, куда можно попасть, лишь высадившись на Перцовом берегу, то видел, как его соплеменники добывали золото, пользуясь древнейшим методом, открытым египтянами. Фараоны и царь Соломон владели золотыми приисками, но я хочу спросить вас, моя драгоценная, что скажет монсеньор, если я сообщу ему, что тайну царя Соломона мне открыл мавр Куасси-Ба? Однако именно он помог мне в лабораторных опытах и подсказал идею, как добыть из горной породы невидимое в ней золото. Что касается Фрица Хауэра, то он — прирожденный шахтер, истинный человек рудников, крот, который может существовать только под землей. Саксонские горняки передают свои секреты от отца к сыну, и лишь с его помощью я сумел постичь странные капризы природы и разобратся во всех этих материалах, будь то свинец, золото, серебро, сулема или купорос.

— Вам случалось изготавливать сулему или купорос? — спросила Анжелика, у которой эти слова вызвали какие-то смутные воспоминания.

— Да. Это и помогло мне доказать всю несостоятельность алхимии, потому что из сулемы я могу получить по желанию

либо обыкновенную ртуть, или так называемое «живое серебро», либо ртуть желтую и красную, которые я, в свою очередь, могу снова превратить в «живое серебро». При этом изначальный вес ртути не только не увеличится, но, напротив, уменьшится, ведь часть вещества улетучится вместе с парами. Используя эти методы, я также могу извлечь серебро из свинца и золото — из некоторых внешне пустых пород. Но если бы мне пришло в голову начертать на дверях лаборатории фразу: «В природе ничто не появляется из ниоткуда и ничто не исчезает в никуда», — мои философские воззрения показали бы многим почти кощунственными, ведь они противоречат духу Священного Писания.

— Все ваши методы, бесспорно, хитроумны. Не потому ли вы доставляете в Аржантьер слитки мексиканского золота, которое покупаете в Лондоне?

— Вам не откажешь в проникательности, а вот Молин излишне болтлив. Впрочем, все это неважно! Если этот гугенот доверился вам, значит, счел вас достойной этих знаний. Да, испанские слитки можно переплавить в кузнице вместе с серным колчеданом или с галенитом. Тогда они становятся похожими на каменистый шлак, приобретают серо-черный оттенок, и самый бдительный таможенник не догадается, что это золото. Вот такой «штейн» и перевозят чудесные мулы вашего отца из Англии в Пуату или из Испании в Тулузу, где с моей помощью или с помощью саксонца Хауэра он снова превращается в прекрасное сверкающее золото.

— Это называется уклонением от налогов, — строгим голосом заметила Анжелика.

— Вы очаровательны, когда сердитесь. Но подобный подлог не наносит ни малейшего ущерба ни королевству, ни Его Величеству, а меня обогащает. Впрочем, в ближайшее время я намерен отозвать Фрица, для того чтобы он мог заняться разработкой золотого месторождения, которое я обнаружил в местечке Сальсинь, в окрестностях Нарбонны. И тогда, получая золото в этих горах и серебро в Пуату, мы больше не будем нуждаться в драгоценных

металлах, привезенных из Америки, а следовательно, не будем «уклоняться от налогов», как вы изволили выразиться.

— Но почему, сделав свое открытие, вы не попытались заинтересовать им короля? Вполне вероятно, что во Франции существуют и другие рудники, на которых можно добывать драгоценные металлы, применяя ваш метод. Король был бы вам признателен.

— Король далеко, о прекраснейшая, а я совсем не желаю становиться придворным. Ведь лишь прирожденные придворные могут влиять на судьбы королевства. Месье де Мазарини предан короне, я этого не отрицаю, но он прежде всего — великий интриган, пользующийся несомненным влиянием во многих странах мира.

Граф замолчал. Вероятно, данная тема его не интересовала или же он предпочитал в нее не углубляться.

Жара стала почти удушающей, но внезапно город завибрировал от гула тысячи колоколов, призывающих восславить Богородицу. Анжелика благочестиво перекрестилась и прошептала молитву Деве Марии. Колокольный звон бушевал, словно морской шторм, и в течение долгого времени графиня с мужем, расположившиеся у открытого окна, не могли обменяться ни словом. Они сидели, окутанные молчанием, и, возможно, именно это молчание порождало ощущение странной, почти интимной близости между ними, глубоко взволновавшей Анжелику.

«Его присутствие не только не досаждало мне, но, напротив, делает меня почти счастливой», — удивленно подумала она.

Как и во время визита епископа, графиня чувствовала на своем склоненном затылке и шее взгляд Жоффрея.

— Нет, дорогая моя, я не волшебник, — прошептал он. — Возможно, природа и надарила меня неким высшим даром, но больше всего я хочу познавать неизведанное. Ты понимаешь, о чем я?

Голос графа был таким ласковым, что Анжелика невольно поддавалась его очарованию.

— Я всегда жаждал проникнуть в суть самых сложных вещей, будь то наука, литература или женское сердце. О, в сладостную

тайну последнего я погружался с особым наслаждением. Порой, глядя в глаза женщины, думаешь, что они пусты, — но нет, в них скрывается совершенно неповторимый, непознанный мир. А иногда надеешься увидеть этот удивительный мир, а встречаешь лишь звенящую пустоту... словно звон бубенцов. Что скрывают твои зеленые глаза, вызывающие в воображении то пасторальные дуга, то волны бушующего океана?..

Анжелика услышала, как граф пошевелился, и его роскошная шевелюра коснулась ее оголенного плеча, словно теплый, шелковистый мех. Она вздрогнула, когда мягкие губы коснулись ее нежной шеи, хотя подсознательно ждала этого поцелуя. Анжелика прикрыла глаза, наслаждаясь долгим, пылким лобзанием, и понимала, что час капитуляции близок. И когда он рано или поздно наступит, она, дрожащая, все еще строптивая, но уже покоренная, упадет в объятия этого удивительного человека. Она придет к нему, как до этого приходили многие другие.

Глава 8

Голос в саду

Истерический хохот взорвал тишину пустынной галереи. Анжелика замерла и огляделась. Смех не прекращался, достигая самых высоких, почти визгливых нот, затем на мгновение затихал, превращаясь в рыдание, и звучал снова. Смеялась невидимая женщина.

Обычно в знойный полуденный час это крыло дворца было наполнено покоем: нестерпимая жара погружала дворец Веселой Науки в сонное оцепенение, и пажи дремали прямо на мраморных лестницах.

Этим вечером в парке намечался большой банкет.

К празднику все было готово, и казалось, что особняк нуждается в нескольких часах отдыха, чтобы затем гостеприимно распахнуть свои двери.

Анжелика, не любившая спать в часы сиесты, решила еще раз обойти свои владения.

Сегодня она не стала подниматься по лестнице, на которой дремали пажи, и по-прежнему опасалась посещать верхние этажи дворца. Придет день, когда она будет готова смело взглянуть тайне в лицо и отправится наверх, а до тех пор займется изучением всех закоулков первого этажа.

Многочисленные залы, коридоры со множеством ажурных лоджий. Сквозь огромные окна, доходящие до пола, и крошечные слуховые окошки можно было увидеть город, его высокие

колокольни, красующиеся на фоне лазурного неба, широкие красные набережные вдоль берегов Гаронны.

Дворец спал. Лишь длинная юбка Анжелики шуршала по полу, как шуршат осенью опавшие листья.

И вот внезапно раздался этот пронзительный смех, заставивший графиню остановиться. Женский смех, незнакомый Анжелике и потому показавшийся ей особенно неуместным в сонной тишине здания. Истеричный, резкий, неприятный. Оказалось, что одна из дверей в глубине галереи приоткрыта.

Затем раздался шум выплеснутой воды, и смех тут же оборвался. Мужской голос произнес:

— Вот теперь, когда вы успокоились, я готов вас выслушать.

Как и в прошлый раз, это был голос Жоффрея де Пейрака.

Анжелика тихо подошла к двери и сквозь щель заглянула в комнату, увидев лишь спинку кресла и руку мужа, лежащую на подлокотнике.

Перед ним в луже воды, растекавшейся по плиточному полу, стояла на коленях очень красивая женщина, которую Анжелика никогда прежде не видела. Дама была облачена в черное, роскошное, но совершенно мокрое платье. Около нее стояло пустое бронзовое ведро, и без труда можно было догадаться, куда из него делась вода, обычно предназначавшаяся для охлаждения бутылок с изысканным вином.

Женщина, чьи длинные черные волосы прилипли к вискам, в замешательстве разглядывала обвисшие кружева на рукавах платья.

— Вы! — сдавленно воскликнула она. — Как вы со мной обращаетесь?!

— Это было необходимо, — снисходительным тоном строгого учителя ответил Жоффрей. — Я не мог позволить вам и дальше унижаться передо мной. Вы бы мне этого никогда не простили. Поднимайтесь-ка, Карменсита. В такую жару ваша одежда быстро высохнет. Садитесь в это кресло напротив.

Незнакомка с трудом поднялась. Она была высокой женщиной красивых пышных форм, которые так вдохновляли Рембрандта и Рубенса.

Дама села в указанное кресло и растерянно смотрела прямо перед собой широко раскрытыми черными глазами.

— Что случилось? — небрежно поинтересовался граф. Анжелика вздрогнула, услышав ленивый, равнодушный голос своего мужа, лица которого не видела, и этот голос обладал особым очарованием. — Итак, Карменсита, более года назад вы покинули Тулузу, отправившись в Париж вместе с супругом, чей высокий пост должен был стать залогом вашей блестящей жизни. Вы обошлись весьма неучтиво с нашим маленьким провинциальным обществом, не послав за это время ни единой весточки. И вот совершенно неожиданно вы врываетесь во дворец Веселой Науки, кричите, требуете... Кстати, чего вы требуете?

— Любви! — силным, срывающимся голосом ответила черноокая красавица. — Я больше не могу жить без тебя. Ах! Не прерывай меня. Ты не можешь знать, как я страдала весь этот долгий год. Да, я думала, что Париж удовлетворит мою потребность в удовольствиях и развлечениях. Но в разгар самых роскошных праздников и балов мною овладевала скука и отвращение. Я вспоминала Тулузу и этот розовый дворец Веселой Науки, ловя себя на том, что говорю о них постоянно, и мои глаза при этом сияют от восторга. Придворные насмехались надо мной... У меня были любовники, но их грубость меня отталкивала. Тогда я поняла: мне не хватает тебя. Ночи напролет я не могла сомкнуть глаз и видела тебя, тебя одного — твои глаза, освещенные темным пламенем горна, твои горящие, обжигающие глаза, от одного взгляда которых я слабела и теряла рассудок; твои умелые руки...

— И мою изящную походку! — усмехнулся граф.

Он поднялся и приблизился к Карменсите, нарочито сильно хромая. Она не отводила от него взгляда.

— Не пытайся оттолкнуть меня с помощью презрения, — сказала гостя. — Разве твоя хромота и твои шрамы хоть что-то значат для женщин, которых ты любил, награждая божественным даром?

Она протянула к Жоффрею руки.

— Ты... ты даришь небывалое наслаждение, — прошептала Карменсита. — До знакомства с тобой я была холодна, как камень. Ты разжег в моей душе огонь, который теперь испепеляет меня.

Сердце Анжелики забилося так неистово, что казалось, вот-вот разорвется. Она отчаянно боялась, сама не зная чего. Быть может, того, что в следующий миг рука ее мужа ляжет на это прекрасное, позолоченное солнцем плечо, с таким бесстыдством выставленное напоказ.

Но граф прислонился к столу и с самым бесстрастным видом курил. Он стоял боком к двери, так что жена не могла видеть изуродованную часть его лица. И внезапно Анжелика обнаружила в нем совершенно незнакомого мужчину с чеканным профилем, благородство которого подчеркивали густые черные волосы.

— «Он не умеет по-настоящему любить женщин, наделенных излишним сладострастием», — сказал Жофfrey де Пейрак, небрежно выпустив облачко голубого дыма. — Вспомни заповеди куртуазной любви, которым учат во дворце Веселой Науки. Возвращайся в Париж, Карменсита: этот город как нельзя лучше подходит для людей, подобных тебе.

— Если ты прогонишь меня, я уйду в монастырь. Впрочем, мой муж и так хочет запереть меня там.

— Превосходная мысль, дорогая. Я слышал, что в Париже открылось множество пристанищ для верующих: набожность нынче в моде. В Валь-де-Грас по распоряжению самой королевы Анны Австрийской только что возведен великолепный монастырь для бенедиктинок. Большим успехом пользуется также обитель ордена визитации в Шайо.

Глаза Карменситы засверкали.

— И это все, что ты можешь сказать? Я готова принять постриг, а ты меня даже не пожалеешь?

— Запасы моей жалости не бесконечны. Если кого и следует жалеть, то лишь герцога де Мерекура, твоего супруга, имевшего неосторожность увезти тебя из Мадрида в своем посольском экипаже. И не пытайся больше впутывать меня в свою безумную

жизнь, Карменсита. Я осмелюсь еще раз напомнить тебе заповеди куртуазной любви: «У возлюбленного может быть только одна возлюбленная». И еще: «Новая любовь вытесняет старую».

— Кого ты пытаешься убедить, меня или себя? — спросила Карменсита.

На фоне черных волос и черного платья ее лицо казалось более мрамора.

— Ты говоришь так из-за этой женщины, твоей жены? Я полагала, что ты женился по причине своего непомерного корыстолюбия. История с землей, как ты меня уверял. И она стала твоей возлюбленной?.. Ах! Я не сомневаюсь, что в твоих умелых руках она достигнет высот! Как и меня когда-то, ты заставишь ее поверить, что она единственная женщина в твоей жизни. Но я отлично тебя знаю. Мне известно, на какую жестокость ты способен!.. Пройдет немного времени, и ты выбросишь новую игрушку, как только она прекратит тебя забавлять. Ха-ха! Это случится очень скоро... Но как ты мог опуститься до того, чтобы полюбить северянку?

— Она не северянка, а пуатевинка. Я хорошо знаком с провинцией Пуату, поскольку неоднократно там бывал; чудесный край, некогда входивший в состав Аквитании. Местные крестьяне до сих пор используют в своей речи слова из окситанского языка. Кожа Анжелики так же смугла, как кожа южанок.

— Ах! Теперь я понял, ты ее не любишь! — воскликнула женщина и разразилась демоническим, торжествующим смехом. — Ах! Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь!.. Она тебя недостойна! Тебя всегда манили огненные женщины! Такие, как я! Такие, какой ты меня сделал!

Карменсита вновь упала на колени и вцепилась в камзол Жоффрея.

— Еще не поздно. Люби меня. Возьми меня. Возьми меня!

Анжелика больше не могла этого слышать и убежала. Она промчалась по галерее как лань и оказалась в парадных залах. Дворец просыпался. В большой гостиной уже собралось несколько дам с восковыми дощечками и стилосами в руках, гото-

вых заняться стихосложением. Ожидая хозяина дома, женщины наслаждались прохладительными напитками, и одна из «жеманниц» окликнула графиню:

— Анжелика, сердце мое, приведите скорее вашего мужа. В такой жаре наше воображение страдает от изнеможения, и для того чтобы рассуждать о...

Анжелика не остановилась, но нашла в себе мужество одарить болтушек милой улыбкой.

— Рассуждайте! Рассуждайте! Я скоро вернусь.

Наконец она оказалась в своей спальне, где рухнула на кровать, с которой, правда, тут же вскочила и принялась кружить по комнате... «Это уж слишком!» — то и дело повторяла она. Но вскоре взяла себя в руки и была вынуждена признать, что не может толком понять, почему подсмотренная сцена так ее потрясла. В любом случае все это невыносимо. Так не может продолжаться. Анжелика в ярости вцепилась зубами в кружевной платочек и мрачно осмотрелась по сторонам. Изобилие любви — вот что приводило ее в негодование. В этом дворце, в этом городе все только и говорят о любви, рассуждают о любви, несмотря на то что с высоты церковной кафедры гремят гневные проповеди архиепископа, напоминающие, за неимением костров инквизиции, об адском пламени; проповеди, обличающие развращенных вольнодумцев и их любовниц, увешанных драгоценностями и похваляющихся богатыми нарядами. И эти проповеди направлены главным образом против дворца Веселой Науки.

Веселая Наука! Да что это значит? Веселая Наука! Нежная Наука! Ее тайны заставляют сиять прекрасные глаза, наполняют голоса томной негой, вдохновляют поэтов, влекут музыкантов. А дирижирует всем этим безумным, колдовским балетом загадочный калека, то насмешливый, то нежный; волшебник, с помощью богатства и празднеств покоривший Тулузу! Никогда со времени трубадуров этот город не переживал подобного расцвета, подобного триумфа. Тулуза сбросила оковы северян и вновь обрела свое истинное лицо...

— О! Он мне отвратителен, я его ненавижу! — выкрикнула Анжелика, топнув ногой.

Она схватила и принялась яростно трясги серебряный колокольчик, а когда на зов хозяйки явилась Маргарита, графиня приказала приготовить портшез и собрать эскорт. Она желала немедленно, сию секунду, отправиться в павильон на берегу Гаронны.

* * *

— Мадам, вы не можете уехать! — в отчаянии воскликнула Марго. — Неужели вы забыли, что на вечер назначен банкет? Соберется не меньше сотни гостей.

— Именно! И вся эта сотня отлично обойдется без меня. Вчера я беседовала с мастером Клеманом Тоннелем, и мы обо всем договорились: как расставить столы в саду, как подавать еду, вина, десерты... Все предусмотрено. У меня разыгралась сильная мигрень, я должна отдохнуть.

Но Марго не унималась.

— О! Мадам, какая жалость!.. Все верно!.. Именно этим вечером... Вы хотели услышать...

— Кого услышать?

— Певца, которого все зовут Золотым голосом королевства. Помните день вашей свадьбы? Вы так жалели, что приходится покидать дворец именно в тот момент, когда сообщили о приезде певца! Ну вот! Сегодня вечером... Он будет петь! Во дворце Веселой Науки.

Анжелика еще больше разозлилась, слушая заманчивые речи Марго, которая из кожи вон лезла, чтобы уговорить хозяйку остаться. Именно так поступала кормилица: всегда обещала ей удивительное лакомство, желая добиться послушания.

— Я напишу записку месье де Пейраку. Если он будет осведомляться о моем здоровье, подтверди, что я чересчур утомлена, чтобы возглавлять банкет. Я не хочу разочаровывать наших друзей.

Марго поджала губы. У нее имелись собственные соображения по поводу любовной связи этой четы, которой она была безоглядно предана, но к которой относилась, пожалуй, слишком

фамильярно. В душе служанки таились одновременно сомнения и величайшие надежды, но она была уверена в одном: «он» по-такает любимым капризам Анжелики!

Впрочем, молодая хозяйка, поселившаяся во дворце Веселой Науки, словно заезжая фея, была не слишком капризна...

Марго вздохнула.

Она еще раз повторила, что Золотой голос королевства уже давно не радовал слушателей и что мадам де Пейрак упустит уникальный случай...

— Я сказала: нет. Сегодня вечером я не в настроении наслаждаться музыкой и пением.

— Уникальный голос.

— Нет, нет и нет.

— Ну что ж!.. Вы просто обязаны однажды услышать его, — строгим тоном заявила Марго.

Но больше настаивать не стала, а распорядилась седлать лошадей, позвала двух молоденьких служанок, приставленных к Анжелике, а также дворян из ее эскорта, и велела подготовить портшез для поездок за город.

— Все дороги забиты бродягами, — процедила горничная, огорченная тем, что пропустит долгожданный праздник.

Портшез, или, скорее, паланкин с банкеткой и занавесками, везли два мула — один запряжен спереди, другой сзади, — легкой рысью трусившие по дороге. Анжелика припомнила свадебную ночь, когда Марго впервые отвезла ее на берег Гаронны. С тех пор графиня еще несколько раз посещала загородный павильон Жоффрея де Пейрака, но лишь для того, чтобы отужинать там в приятной компании под сенью больших деревьев.

Отлично понимая, как разочарованы Марго и девушки-служанки, Анжелика, обосновавшись в доме и подкрепив силы легким ужином, отослала их обратно в город. Вооруженная стража встала лагерем у стен графского загородного дома. Оставшись в одиночестве, Анжелика вышла на балкон спальни.

Спать ей не хотелось. Именно на этом балконе «проданная невеста» намеревалась покончить с жизнью, чтобы не достаться

постылому мужу... Воспоминание о том ужасном вечере, когда все происходило как в плохой пьесе, окончательно испортило ей настроение.

Анжелика понимала, что если бы осталась во дворце, то была бы вынуждена слушать не только золотой голос певца, но и смех навязчивой Карменситы, а также наблюдать, как бывшая любовница вьется вокруг Жоффрея де Пейрака. Ей становилось дурно от одной только мысли, что придется любезничать с этой нахалкой, и она боялась, что, невзирая на прекрасное воспитание, взорвется и позволит себе какую-нибудь грубость. Она поступила правильно, решив уехать и успокоиться на лоне природы. Тишина садов, обнимавших павильон на берегу Гаронны, была лучшим лекарством от пережитых волнений.

На город спустилась ночь, но Анжелика продолжала сидеть на террасе. Мирный пейзаж с неспешно несущей свои темные воды рекой успокаивал нервы.

Нет, этим вечером она не смогла бы остаться в Тулузе, кататься в карете, участвовать в Ферье — ежегодном празднике, проводимом на юге Франции, слушать уличных певцов, а затем возглавлять торжественный ужин, который граф де Пейрак давал в саду, освещенном бумажными фонариками. Графиня была готова к тому, что муж вернет ее во дворец насильно, чтобы она на правах хозяйки встречала гостей, но ни один голец так и не явился из города, не позвал беглянку назад. Вот и доказательство того, что она никому не нужна. Совсем никому. Она чужая.

Грустя в одиночестве, Анжелика попыталась сосредоточиться и здраво взглянуть на вещи.

Отец не раз предупреждал ее, что однажды она будет наказана за свою нескромность и непомерное любопытство. Но Анжелика ни о чем не жалела и не испытывала угрызений совести из-за того, что подслушивала у дверей. Разве она виновата в том, что постоянно видит или слышит то, что не предназначено для ее глаз и ушей? Природа наделила юную графиню такой легкой по-

ходкой, что крестьяне в Монтелу искренне верили, будто она — маленькая фея и умеет становиться невидимой.

В любом случае она предпочитала знать правду.

Но правду о чем? Анжелика была вынуждена признать, что во время беседы с Карменситой Жоффрей даже в мыслях не изменил жене. Так почему же она чувствует себя оскорбленной, почему ей обидно до слез? Она не настолько наивна, чтобы думать, что после того, как она отказала мужу в близости, граф де Пейрак не нашел утешения в объятиях не столь разборчивой дамы. Впрочем, в Тулузе великое множество господ и дам, чьи супруги им постоянно изменяют, и разница лишь в том, что над мужьями-рогоносцами смеются, а обманутых жен жалеют. Здесь, как и в Париже при королевском дворе, верность не в почете. Верность — удел мещан.

Анжелика прислонилась лбом к балюстраде. «Нет, я никогда не познаю любви», — с тоской подумала она.

* * *

Наконец, устав от праздного сидения, Анжелика уже решила было вернуться в комнату, как вдруг под окном зазвучала гитара. Она перегнулась через перила, вглядываясь в темноту ближайшей рощи, но никого не увидела.

«Быть может, это Энрико решил скрасить мое одиночество? Он очень мил, этот малыш. Наверное, захотел немного меня развлечь...»

И в тот же миг невидимый музыкант запел. Низкий мужской голос никак не мог принадлежать юному пажу.

При первых же нотах напева у Анжелики защемило сердце. Таким бархатистым тембром, богатым регистром, совершенной дикцией не мог похвастать ни один из тех галантных любителей пения, которые прошлой ночью заполнили всю Тулузу. Хорошие голоса в Лангедоке не редкость, мелодия легко и естественно слетает с губ, привыкших к смеху и декламации. Но этот певец отличался удивительным талантом. Его голос обладал небывалой мощностью: казалось, он заполнил весь сад и заставил

дрожать луну в небесах. Незнакомец исполнял печальную старинную народную песню на старом окситанском языке, изящество которого без усталы расхваливал граф де Пейрак. И певец умело подчеркивал все нюансы этого языка; Анжелика почти не понимала слов песни, но одно из них, повторяющееся, звонкое, она не могла не узнать: «Amore! Amore!»

Любовь!

Графиня больше не сомневалась: «Это он, последний из трубадуров, Золотой голос королевства!»

Это не мог быть никто другой. Анжелике не раз говорили: — Ах! Если бы вы слышали Золотой голос королевства! Но он больше не поет. Когда же он порадует нас снова?

И бросали на графиню хитрые взгляды, словно жалели ее, оттого что она ничего не знает об этой знаменитости южной провинции.

«Единожды услышать и умереть!» — восторгалась артистом мадам Обертре, жена Верховного синдика Тулузы, экзальтированная пятидесятилетняя кокетка.

«Это он! Это он! — твердила Анжелика. — Но почему он здесь? Неужели ради меня?»

Графиня заметила свое отражение в большом зеркале, стоящем в комнате: рука на груди, глаза расширены. Она усмехнулась: «Как же я смешна! Наверняка это д'Андижос или какой-нибудь другой дыхатель нанял музыканта, чтобы тот пропел для меня серенаду!..»

Тем не менее она направилась к двери, и ей пришлось прижать обе руки к груди, чтобы унять бешено колотившееся сердце. Графиня выскользнула в вестибюль, спустилась по белой мраморной лестнице и вышла в сад. Неужели сейчас начнется настоящая жизнь Анжелики де Сансе де Монтелу, графини де Пейрак? Потому что любовь — это и есть жизнь!

Волшебный голос доносился из стоящей у воды беседки, во тьме которой едва виднелась статуя богини Помоны. При приближении молодой женщины певец умолк, но продолжал тихо перебирать гитарные струны.

В тот вечер луна была неполной и по форме напоминала миндаль. Но ее ясного света оказалось достаточно, чтобы осветить сад, и Анжелика увидела в беседке черную фигуру, сидящую у подножия статуи.

Завидев красавицу, незнакомец даже не шелохнулся.

«Да он мавр», — разочарованно подумала Анжелика.

Но она быстро осознала свою ошибку. Лицо мужчины скрывала бархатная маска, а руки, ласкающие гитару, не оставляли никакого сомнения в том, что он принадлежит к белой расе. Черный платок, повязанный на итальянский манер, закрывал волосы, и даже в темноте беседки можно было рассмотреть его поношенный костюм, — нечто среднее между одеянием слуги и комедианта. На ногах мужчины красовались массивные башмаки: такую обувь носят люди, вынужденные много путешествовать — ломовики и бродячие торговцы, но рукава его куртки заканчивались пышными кружевными воланами.

— Ваше пение бесподобно, — начала разговор Анжелика, увидев, что странный гость так и не сдвинулся с места, — но мне хотелось бы знать, кто послал вас сюда?

— Никто не посылал, мадам. Я явился по собственному желанию, так как узнал, что в этом павильоне прячется одна из самых прекрасных женщин Тулузы.

Мужчина говорил медленно и очень тихо, словно боялся, что его услышат.

— Вчера вечером я прибыл в Тулузу и тут же направился во дворец Веселой Науки, где собралось очень оживленное и многочисленное общество. Я намеревался порадовать людей своими песнями. Но узнав, что на празднике нет вас, я отправился на поиски. Слава о вашей небывалой красоте разлетелась по всей провинции, и я уже давно мечтал лицезреть вас.

— Вы окружены не меньшей славой. Разве вы не тот, кого называют Золотым голосом королевства?

— Да, мадам, это я. Ваш покорный слуга.

Анжелика присела на мраморную скамью, тянущуюся вокруг всей беседки. В воздухе стоял опьяняющий запах жимолости.

— Спойте еще, — попросила графиня.

И чарующий голос зазвучал вновь, но сейчас он стал более мягким, более тихим. Песню-призыв сменила нежная песня-признание, песня-откровение.

— Мадам, — вдруг сказал музыкант, — простите мою дерзость, но я хотел бы перевести на французский язык строки, на которые меня вдохновили ваши прекрасные глаза.

Анжелика склонила голову.

Она уже не знала, как давно находится в саду. Это не имело никакого значения. Ночь принадлежала только им двоим.

Мужчина довольно долго молча перебирал струны, как будто пытался поймать нить ускользающей мелодии, затем вздохнул и начал:

Зеленые очи как океан,
И волны его поглотили меня,
Тону я в любви
И пытаюсь доплыть
До сердца ее глубин.

Анжелика закрыла глаза. Она наслаждалась не столько страстными словами песни, сколько чарующим голосом певца.

Откроет зеленые очи свои,
И словно в весеннем пруду
В них отражаются звезды...

«Именно сейчас, в эту самую минуту он должен подойти ко мне, — думала Анжелика, — потому что подобное мгновение больше никогда не повторится. Этот восторг невозможно пережить дважды. Все происходящее так напоминает истории о любви, которые мы рассказывали друг другу в монастыре».

Голос затих. Незнакомец скользнул на скамью. По объятию сильной уверенной руки, по тому, как он нежно, но властно приподнял ее подбородок, Анжелика инстинктивно почувствовала опытного мастера, одержавшего не одну любовную победу. Она ощутила мимолетную досаду, но как только губы певца коснулись ее губ, у красавицы закружилась голова. Она и не знала, что

губы мужчины могут быть свежими, как лепестки розы, такими нежными и сладкими. Мускулистая рука сжимала хрупкое тело, но рот еще шептал ласковые слова, и эта ласка, эта сила все глубже вовлекали Анжелику в безумный водоворот страсти. Юная графиня безуспешно взывала к своему здравому смыслу.

«Я не должна так поступать... Это плохо!.. Если нас застанет Жофрей...»

А затем наступило затмение. Губы мужчины накрыли ее рот. Его жгучее дыхание заполняло, проникало в вены, разливалось по телу сладостным теплом. Закрыв глаза, Анжелика полностью отдалась бесконечному поцелую, тайной власти, настойчивым рукам, дарящим удивительное наслаждение, когда каждая ласка сулила другую, еще более откровенную. Волны удовольствия накрыли девственное тело Анжелики, и внезапно это совершенно незнакомое новое удовольствие переполнило ее, вызвав нечто вроде раздражения и даже боли. Продолжая дрожать, она отпрянула от прижимающегося к ней мужчины.

Анжелике казалось, что еще немного, и она лишится чувств или расплечется. Она увидела, как пальцы мужчины ласкают ее обнаженную грудь, которую тот умело и незаметно высвободил из корсажа.

Она отодвинулась и привела в порядок помятый туалет.

— Простите, — пробормотала она. — Должно быть, вы сочтете меня излишне впечатлительной, но я не знала... я не знала...

— Чего вы не знали, сердце мое?

И так как она молчала, музыкант прошептал:

— Что поцелуй может быть таким сладким?

Анжелика встала, подошла к выходу из беседки и прислонилась спиной к одной из балок. Луна уже клонилась к горизонту, ее золотое отражение купалось в реке. По всей вероятности, Анжелика провела в саду не один час. Она была счастлива, невероятно счастлива. Больше всего ей хотелось еще раз пережить эти упоительные часы, а все остальное не имело значения.

— Вы созданы для любви, — прошептал трубадур. — Я понял это сразу, как только прикоснулся к вам. Тот, кто сможет пробудить

ото сна ваше прелестное тело, приведет вас к вершине сладострастия.

— Замолчите! Негоже вести подобные разговоры. Я замужем, и вы это знаете, а супружеская измена — великий грех.

— Еще больший грех — столь прекрасной даме выбрать в мужа хромого сеньора.

— Я его не выбирала, он меня купил.

Анжелика тут же пожалела о сорвавшихся с губ словах: они разрушили полуночное колдовство.

— Спойте еще, — взмолилась она. — Только одну песню, а после мы расстанемся.

Певец поднялся, взял гитару, и Анжелику смутила его странная походка. Она внимательно посмотрела на трубадура и вдруг почувствовала безотчетный страх.

И пока незнакомец выводил тихую мелодию, наполненную щемящей грустью, Анжелика внимательно вглядывалась в его черты. Когда Золотой голос королевства целовал ее, в какой-то миг ей почудилось в нем что-то очень знакомое, и теперь она поняла: к дыханию певца примешивался аромат фиалки и незабываемый запах табака... Граф де Пейрак время от времени грыз фиалковые пастилки... и курил... В голову Анжелики закралась страшная догадка... Когда музыкант поднялся за гитарой, он так странно качнулся...

Анжелика закричала от испуга и сразу, вторично, — от ярости. Она принялась неистово обрывать жимолость, увивавшую беседку, и топтать ее ногами.

— О! Это уже слишком, слишком! Это чудовищно... Снимите вашу маску, Жоффрей де Пейрак! Сию секунду прекратите маскарад, или я выцарапаю вам глаза, зарезу вас, я вас...

Песня оборвалась на полуслове, и гитара издала зловещее декрециендо. Под бархатной маской блеснули белоснежные зубы графа де Пейрака, заливавшегося смехом.

Хромая, он подошел к жене. Анжелика была напугана, но еще больше разгневана.

— Я выцарапаю вам глаза, — процедила она сквозь зубы.

Не прекращая смеяться, граф взял ее за запястья.

— Что же останется у несчастного хромого сеньора, если вы ему еще и глаза выцарапаете?

— Вы бесстыдно лгали. Вы заставили меня поверить, что являетесь Золотым голосом королевства.

— Но я и есть Золотой голос королевства.

И видя, сколь ошарашена Анжелика, он продолжил:

— А что в этом необыкновенного? У меня был талант. Я занимался с лучшими педагогами Италии. В наши дни многие увлекаются пением, которое стало весьма популярным в высшем свете. Скажите честно, моя милая, вам не понравился мой голос?

Анжелика отвернулась и вытерла слезы досады, струившиеся по щекам.

— Но как получилось, что я до сих пор даже не подозревала о вашем таланте?

— Я попросил, чтобы вам не говорили. А может, вы и не пытались увидеть во мне хоть какие-нибудь таланты?

— О! Это уже слишком! — повторила Анжелика.

Но первый приступ ярости миновал, и внезапно ей захотелось смеяться.

Подумать только, какой цинизм: он пытался заставить изменить ему с ним же самим! Действительно, дьявол во плоти!.. Сатана собственной персоной!

— Я никогда не прощу вам эту гнусную комедию, — заявила Анжелика, сердито поджимая губы и пытаясь собрать остатки собственного достоинства.

— А я обожаю разыгрывать комедии. Видите ли, дорогая, жизнь никогда не была добра ко мне, и люди так часто смеялись над моей ковыляющей походкой, что я стал испытывать невероятное удовольствие, насмехаясь над другими.

Анжелика не смогла удержаться и подняла серьезный взгляд к лицу мужа, скрытому маской.

— Вы действительно насмехались надо мной?

— Нисколько, и вы это отлично знаете, — ответил граф.

Анжелика развернулась и, не попрощавшись, направилась к дому.

— Анжелика! Анжелика! — окликнул ее тихий голос.

Жоффрей стоял на пороге беседки, застыв в позе загадочного итальянского Арлекина. Затем поднес палец к губам.

— Сжальтесь надо мною, мадам, пожалуйста, и никому не рассказывайте историю сегодняшней ночи, даже вашей любимой служанке. Если кто-нибудь узнает, что я покинул гостей, переоделся и напялил маску только ради того, чтобы украсть поцелуй у собственной жены, меня поднимут на смех.

— Вы невыносимы! — закричала Анжелика.

Она подняла юбки и пустилась бегом по песчаной аллее. Оказавшись на лестнице, Анжелика поняла, что хохочет. Взвинченная до предела, как и в ту далекую свадебную ночь, она разделась, срывая аграфы и коля пальцы о булавки. Но сегодня была совсем иная ночь. Ворочаясь на горячих простынях, Анжелика никак не могла уснуть. Ей грезилось то лицо в маске, то лицо, изуродованное шрамами, то благородный профиль. В чем загадка этого человека, обожающего фарсы? Внезапно графиня снова разозлилась, но затем вспомнила то наслаждение, которое испытала в его умелых руках.

«Вы созданы для любви, мадам...»

В конце концов Анжелика уснула. И во сне она видела глаза Жоффрея де Пейрака, освещенные кузнечным огнем, и танцующее в них пламя.

Глава 9

Разлука

Анжелика решила провести день в павильоне на берегу Гаронны. После злой шутки, которую сыграл с ней граф, она не испытывала никакого желания заботиться о «его» гостях, о порядке в «его» дворце, по которому скорее всего еще бродили развеселые гуляки, отмечавшие праздник. Охваченная странной усталостью, Анжелика снова заснула.

Около часу дня ее разбудили две незнакомые служанки. Это были молоденькие крестьянки из соседней деревни, которые приходили в графский загородный дом, когда там кто-нибудь жил.

Марго предупредила девушек: мадам де Пейрак пожелала отдохнуть в павильоне на берегу Гаронны, поэтому они поступают в ее полное распоряжение и обязаны заботиться о ее комфорте, готовить ванны и еду. Однако девушки сообщили хозяйке, что ее эскорт, так же как и портшез, карета и лошади в конюшнях, готовы в любую секунду доставить графиню в Тулузу, стоит ей лишь этого пожелать.

Анжелика облегченно вздохнула.

Она была рада провести день в одиночестве. Сцена в беседке породила в ней смятение чувств, а одно воспоминание о звучащем среди листвы золотом голосе вызывало сладкую дрожь. Ей до сих пор казалось, что это был незнакомец, бродячий певец, слава которого бежала впереди него по дорогам и горам

Франции. Она видела его массивные башмаки, покрытые пылью, и до сих пор чувствовала грубую ткань одежды.

Она всем сердцем поверила музыканту, когда он рассказал ей, как был опечален, не увидев на балу самой красивой женщины Тулузы. Ведь и Марго предупредила хозяйку: знаменитый трубадур, Золотой голос королевства, будет выступать на празднике.

Она тут же ощутила, что попала в плен его необычайного обаяния, поняла, что очарована, пленена всепоглощающей страстью. И она ответила на его ласки, на его призыв, в глубине души осознавая, что может себе это позволить, потому что незнакомый мужчина — случайный прохожий, возлюбленный на час, а также потому, что она никогда не познает любви.

А он оказался им!.. Ее мужем!

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, Анжелика пожалела о том, что у нее под рукой нет веточек жимолости, чтобы сорвать на них гнев. Именно так она поступила накануне, поддавшись страху и ярости. Какая глупость! Жимолость ни в чем не повинна, она так чудесно благоухала той волшебной ночью. А голос был так прекрасен!..

Анжеликой овладела сладкая истома.

Она вновь и вновь чувствовала на своей талии крепкие мужские руки, лишавшие ее возможности вырваться. Как она могла забыть о том, первом, вечере? Теперь-то она поняла, что мужские руки созданы как раз для того, чтобы пленять женщин, сжимать их, доводить до изнеможения, подчинять своему желанию.

От одной только мысли, что она даже не попыталась воспротивиться этому наглому «захвату власти», Анжелика впадала в бешенство. Она покорилась, сразу же покорилась!

Глядя на далекий город, графиня больше не испытывала той неги, того покоя, что наполнили ее сердце в первый день пребывания в Тулузе. Сегодня этот город стал ее врагом, потому что им правил ОН.

Мало-помалу тишина и тепло нового дня успокоили Анжелику. Она снова уснула, как обессиленный после сражения новобранец.

Проснувшись, Анжелика и не подумала возвращаться в Тулузу.

Она бродила по небольшому особняку, возведенному вдали от городской суеты и любопытных глаз для тайных интимных встреч. Кроме балкона на том же этаже находилась и небольшая терраса, которая являлась продолжением апартаментов и с которой открывался чудесный вид на маленькую деревушку.

На террасе Анжелика обнаружила удобную кушетку, а рядом с ней низенький столик, где слуги на всякий случай расставили салаты, фрукты и всевозможные напитки. Анжелика улеглась на подушки и подкрепилась. Прислуга в этом доме была так скромна и ненавязчива, что напоминала привидений-морисков.

В лучах заходящего солнца Гаронна окрасилась сначала в розовый, а затем в медно-красный цвет. Лента реки змеилась мимо потемневших полей и виноградников.

Анжелика снова уснула.

Проснулась она внезапно, словно от удара, и почувствовала страх. Ей показалось, что незнакомец находится здесь, на террасе, и склоняется к ее лицу.

Глядя на звездное небо, она вдруг вспомнила о своей былой мечте: уплыть по морю на корабле, подхваченном волнами.

Воспоминание о певце постепенно стиралось. Этим вечером никто не нарушал тишину садов. Она попытается его забыть.

Анжелика никак не могла прийти в себя от изумления. Граф де Пейрак уехал.

— Куда?

— В Париж.

Казалось, никто не считал его решение неожиданным. Месье де Пейрак был просто обязан отправиться в Париж, поскольку несколько недель назад получил уведомление, что работы по строительству его столичного особняка закончились.

Когда д'Андижос вручил Анжелике конверт, запечатанный личной печатью графа, она все еще лелеяла надежду, что обнаружит письмо с объяснениями. Но в конверте лежало лишь драгоценное украшение: жемчужина редкой удлиненной формы,

сияющая капля, которую носят на лбу, закрепив с помощью золотой цепочки.

— Скажите мне, д'Анджос, это не опасно?.. Париж! Дорога до него так далека и трудна. Разве путешественники не рассказывают, что чем дальше на север, тем больше опустевших и заброшенных провинций? Разве разоренные войной крестьяне не хватаются за вилы, не уничтожают сборщиков налогов и не грабят честных путников?

— Все именно так и обстоит... Но тот, кто хочет проехать, — проедет.

Самое главное — правильный выбор одежды. Например, у высокопоставленного церковника больше шансов добраться невредимым до пункта назначения, чем у дворянина: простолюдины до сих пор опасаются Страшного суда. Также разбойники не желают лишний раз встречаться с бандами соперников и не трогают паломников, спешащих поклониться могиле святого Иакова; впрочем, негодяи вообще редко грабят паломников, потому что те бедны и стары. Так какую же маску предпочесть, чтобы избежать риска?..

— Я искренне встревожена. У месье де Пейрака надежный эскорт?

Ей не стоит волноваться! Отряд выбрал отличную маскировку. Все переоделись в разбойников с большой дороги и прекрасно вооружились; граф и его спутники будут двигаться от одной провинции к другой, попутно собирая нужные им сведения среди местного люда. Так они узнают об окольных путях, о безопасных тропах: уж лучше сделать лишний крюк, чем вступить в ненужное сражение. Все в курсе, где расположены самые опасные территории. У графа повсюду друзья. Они без труда доберутся до цели.

Ведь где-то там, за горами и долами, которые предстоит преодолеть, неровным мерцающим светом сияет звезда, не лишенная определенной привлекательности. Эта звезда — Париж, столица королевства, состоящего из десяти-двенадцати разнородных провинций, из многочисленных княжеств, графств, герцогств, кото-

рые никому ничего не должны, а также из городских пошлин и таможенных сборов, которые надо платить при переходе границы (и это не считая незримого рубежа, разделяющего обычное право, некогда пролежавшего между легионами безбородых римских воинов и длинноусых германских варваров). Сияет пестрая, зубчатая, лоскутная звезда.

— Мадам, ваш супруг хотел бы, чтобы однажды вы открыли для себя красоту этого города. Он хотел бы представить вас королю. Вот почему ему необходимо убедиться, что ваше будущее жилище находится в отличном состоянии. Смею предположить, что парижский особняк графа, план которого он начертил собственноручно, станет самым роскошным и элегантным зданием квартала Марэ. Во время своего пребывания в столице месье де Пейрак наверняка займется меблировкой дома и подбором ковров и гобеленов.

Д'Андижос и узкий круг друзей, уполномоченных графом опекать Анжелику во время его отсутствия, не уставали повторять ей оставленные мужем инструкции.

Она не должна ничего менять в своем расписании и поведении, не должна изменять своим привычкам. Завсегдатаи дворца Веселой Науки останутся ее верными подданными, призванными развлекать и улаживать свою единственную признанную королеву. Она ежедневно может восседать во главе стола или, напротив, поручить гостей заботам Клемана Тоннеля и Альфонсо, а сама отдыхать в уединении, наслаждаясь игрой музыкантов. По утрам ей попрежнему следует совершать долгие конные прогулки по окрестностям, а вечерами танцевать на балах. Отныне она совершенно свободна и вольна организовать свою жизнь так, как пожелает.

* * *

В первые дни после отъезда графа, когда Анжелика покидала свои покои, чтобы присоединиться к многочисленным гостям, ожидавшим ее в галерее или в парадных залах, она не раз ловила себя на том, что вслушивается в гул голосов, надеясь различить

среди всего этого шума голос Жоффрея де Пейрака. Графиня поняла, что давно приобрела эту привычку, и сейчас уже не знала, рада она отсутствию мужа или нет.

Теперь она внимательно прислушивалась к долетавшим до нее фразам и заметила, что именно граф де Пейрак остается неизменным предметом разговоров гостей. Друзья хозяина дома обсуждали великолепие и огромные размеры его парижского особняка, перечисляли имена приглашенных архитекторов, называли суммы, потраченные на строительство, приводили самые разные цифры. И никто не волновался по поводу опасностей, поджидающих Жоффрея в пути, никто не сомневался в том, что граф благополучно доберется до столицы.

Однажды Анжелика услышала, что речь идет о Нинон де Ланкло¹.

— Уверен, он непременно встретится с ней, — утверждал один из беседующих. — Точнее говоря, снова встретится.

— Неужели вы полагаете, что он с ней знаком?

Вопрос задала женщина, и в ее голосе звучало сомнение.

— Париж — большой город, а наш радушный хозяин не часто посещает столицу...

— Такой мужчина, как граф, не может остаться безучастным, когда речь заходит о столь знаменитой куртизанке.

Последовал жаркий спор, порожденный противоречивыми мнениями, касающимися прекрасной Нинон де Ланкло.

Некоторые полагали, что определение «куртизанка» совершенно не подходит этой женщине, отличающейся необыкновенным умом и эрудицией. Один мужчина, сенешаль Тулузы, говорил о Нинон с видом знатока, посвященного в малейшие детали ее жизни, что не мешало ему искренне восхищаться ею. Нинон имела богатых покровителей, оплачивающих все ее расходы

¹ Нинон де Ланкло (1615/1623—1705) — знаменитая французская куртизанка, писательница и хозяйка литературного салона. Прославилась своей красотой и необычайным остроумием. Де Ланкло — символ образованной и независимой женщины, царицы парижских салонов, пример эволюции нравов XVII и XVIII вв.

и при этом не являющихся ее любовниками, а любовники ее были бедны как церковные крысы. Беседующие обсуждали сердечные связи и мимолетные увлечения прекрасной куртизанки, но никто не мог с уверенностью назвать никаких имен, потому что Нинон редко связывала себя обязательствами. Анжелика поняла, что все друзья единодушно поместили Жоффрея де Пейрака, Великого Лангедокского Хромого, в ряды тех, кто мог внушить этой недоступной женщине чувство или интерес, никак не связанные с огромным состоянием графа или его высоким титулом.

— Как бы редко наш друг ни бывал в Париже, никто не заставит меня поверить, что они незнакомы.

Словоохотливые гости умолкли, завидев приближающуюся Анжелику. Она не стала притворяться, что не слышала их разговора. По правде говоря, графине была знакома эта фамилия, будоражащая сонные провинции и тихие монастыри. Ведь стоило разговору коснуться Парижа и его салонов, в которых прославленные «жеманницы» принимали самых галантных кавалеров столицы и ученых мужей Франции, как сразу же всплывало имя знаменитой куртизанки — известнейшей «прециозной¹ дамы».

— Вот уже более двадцати лет Нинон де Ланкло царит в сердцах мужчин, отличающихся светлым умом, в сердцах верных поборников любви, но она также блистает на литературной стезе, поражая читателей изысканным словом и остроумием.

Все присутствующие с жаром принялись обсуждать возраст Нинон, секреты ее обольстительной привлекательности и, как казалось, вечной молодости.

Завершая беседу, сенешаль прочел стихотворение:

Разумная и добрая Природа
Открыла миру дивную Нинон:
В ней — Эпикур с его любовью к жизни
И мудрый, рассудительный Катон.

¹ Прециозная литература (фр. *précieux* — прециозный (от лат. *pretiosus* — драгоценный), а затем также «изысканный, жеманный») — литературное направление, возникшее во Франции в начале XVII века в придворно-аристократической среде и просуществовавшее до 60-х гг. XVII в.

Чтобы отвлечься от снедающих ее тревог и сомнений, Анжелика ежедневно совершала конные прогулки, длящиеся до самого полудня. Друзья юной графини знакомили ее с близлежащими городами и поселками, население которых неизменно радовалось визиту тулузских сеньоров.

Порой вся компания устраивала пикник в тени небольшого леса. Спешившиеся всадники отдыхали и много болтали.

Во время одной из таких беспечных прогулок по берегу реки кто-то из «свиты» Анжелики, возможно одна из дам, обменявшись взглядами со своими спутниками, призналась ей, что время идет, а вся область, если не сказать вся провинция, искренне сожалеет о том, что во дворце Веселой Науки еще не произошло «счастливого события».

Анжелика не сразу поняла намек.

— Мы, южане, — нескромный народ, — пояснил сенешаль, видя изумление молодой женщины. — Поэтому всегда живейшим образом интересуемся любовными делами наших правителей.

И он тут же поведал забавную историю о требованиях, причем весьма настойчивых, буквально слезных, выдвинутых жителями Монпелье их новому молодому, красивому и удалому сеньору Педро II, королю Арагоны и Майорки. Горожане настаивали, чтобы король удостоил «особой чести» их принцессу, Марию де Монпелье, с которой он сочетался браком, стремясь присоединить прекрасный город к своим владениям.

Согласно средневековым хроникам, Мария де Монпелье была народной любимицей и «благородной девственницей», дочерью последнего правителя из рода Гильома де Монпелье и Евдоксии Константинопольской.

Однако новый король оказался ветреным любителем путешествий, находился в постоянных разъездах, посещал многочисленных любовниц, принимал участие в бесчисленных военных кампаниях, сражаясь бок о бок с прославленными христианскими монархами Наварры; вместе с королями Кастилии и Леона он участвовал в знаменитой испанской Реконките, направленной

ной против арабов-мусульман. Обида жителей Монпелье, счастливых тем, что они обрели могущественного защитника, но недовольных тем, что этот самый защитник не уделяет никакого внимания их принцессе, привела к мятежу. И вот спустя почти три года Педро II наконец-то нашел свободное время и согласился провести ночь с собственной женой.

На следующий день ликующая толпа единодушно приветствовала королевскую чету. После этой встречи супругов на свет появился мальчик, впоследствии прославившийся как Хайме Завоеватель.

Эта история, полностью соответствующая духу провинции, помогла Анжелике прийти в себя и осознать, что никто и не подозревал об их необычных отношениях с графом и что за намек таили в себе слова о «счастливом событии». Обычный нескромный вопрос, вечно волнующий все народы и страны. Ничто не могло помешать толпе интересоваться «последствиями» чудесного брака!..

Немного позже, проезжая мимо небольшого городка Мюре, раскинувшегося в четырех-пяти лье от Тулузы, Анжелика узнала, что именно здесь в одном из жестоких сражений погиб знаменитый Педро II, король Арагонский, прибывший на помощь вассальному Лангедоку. Его сыну тогда было всего три года.

Все эти беззлобные намеки породили смуту в ее душе. В такие моменты она как никогда ощущала себя чужой в этом далеком краю, иностранкой, оторванной от семьи.

* * *

В один из дней Анжеликой овладело неудержимое желание посмотреть на подаренные мужем драгоценности.

Несмотря на то что в монастыре мать аббатиса настоятельно советовала воспитанницам не забывать о скромности — величайшей добродетели, позволявшей не впасть в грех обычного тщеславия, она не уставала учить девушек разбираться в драгоценностях, что являлось одной из важнейших обязанностей знатной дамы.

Во-первых, для того, чтобы по достоинству оценить подарки заботливого супруга. Во-вторых, любая дама должна уметь носить

украшения, дабы быть достойной своего мужа, ведь однажды — кто знает? — возможно, ей придется предстать перед самим королем. Именно поэтому каждая из воспитанниц, утверждала мать настоятельница, должна хотя бы «в общих чертах» разбираться в сложной науке о драгоценных камнях. Очаровательной, галантной науке, которая однажды может пригодиться им больше — и это тоже были слова монахини, — чем греческий язык, латынь и философия.

Порой, когда муж во время очередного приема брал Анжелику за запястье, чтобы удержать ее и сказать несколько слов, поделиться какой-нибудь мыслью, она разглядывала его кольца. Обычно Жоффрей носил три, иногда четыре кольца, и одно из них он мог снять, чтобы вручить «утешительный приз» обиженному гостю. Алмазы и рубины, очевидная ценность которых о многом говорила тому, кто получал неожиданный дар. Анжелика подозревала, что граф никогда ничего не делал просто так.

Возможно, великолепные, но необычные кольца графа де Пейрака были волшебными амулетами, призванными защитить его от порчи? Анжелика сняла браслеты и погладила правое запястье, пытаясь припомнить мимолетное ощущение, рожденное касанием мужской руки.

Когда граф дотрагивался до нее, она не успевала испугаться. Он говорил ей всего несколько слов с самым естественным и веселым видом, а затем отпускал. Именно так Жоффрей поведал жене о Касситеридах. И уже вскоре Анжелика забывала об этом прикосновении, которое казалось почти нереальным.

Но оно было. Жоффрей всегда знал, что делает. Знал, чего хочет. И, вспоминая подобные мгновения, Анжелика вздрагивала. И закрывала глаза.

Она воскрешала в памяти смуглую руку, лежащую на ее запястье, и взрыв темного пламени, сияющего в камне, — очень темном камне, закрепленном золотыми или серебряными лапами. И стоило чуть дрогнуть пальцам или руке, как камни его перстней таинственно вспыхивали, как вспыхивает взгляд черных глаз. Один из них, похожий на прозрачный воздух ночи, в котором пылает алая

искра костра, был инкрустирован небольшим золотым крестом в золотом же ободке. Жоффрей де Пейрак использовал этот перстень, чтобы запечатывать воск на некоторых письмах. Но делал он это редко, поскольку для писем у него имелась другая печать.

Мать аббатиса упоминала, что обработанные камни, вставленные в украшения, не идут ни в какое сравнение с одиночными драгоценными камнями, среди которых признанным королем считается бриллиант. Она также отмечала, что больше всего дворянство ценит не размер камня, а его редкость. Существовали безымянные камни, которые придворные ювелиры хранили в специальных мешочках, под рубашками, прямо у сердца, и один их вид приводил в сумасшедший восторг тех, кого принято называть «коллекционерами», влюбленными в драгоценные камни. Причем среди таких ценителей много больше мужчин, чем женщин, добавляла аббатиса.

Анжелика перебирала воспоминания, с удивлением думая о том, что великие чудеса природы настраивали на лирический лад даже вечно холодную аббатису.

Графиня представляла, как сверкают в земных недрах в толще мрачных скал крошечные драгоценные звезды.

«Цветы земли», — думала она.

Анжелика сняла браслеты и разложила украшения по шкатулкам.

Но она продолжала ощущать на своем запястье жар от короткого касания пальцев супруга.

И как в день свадьбы, в соборе, когда Жоффрей твердой рукой взял руку невесты, чтобы надеть обручальное кольцо, это касание, казалось, кричало:

«Ты принадлежишь мне!.. Навеки!»

* * *

Она дала себе слово воспользоваться отсутствием графа и проникнуть на верхние этажи дворца.

И хотя Анжелика ощущала себя совершенно свободной в своих поступках, с каждой следующей ступенькой в ней крепла уверенность, что она нарушает некий запрет, поступает неправильно.

Когда графиня наконец оказалась на третьем, незнакомом ей этаже, неприятное давящее чувство усилилось.

Анжелика догадывалась, что именно может таиться наверху, и в конце концов решила, что кормилица все-таки была права, когда говорила о магическом воздействии, с помощью которого граф подчинял женщин.

Недаром он заявил с отвратительной уверенностью: «Однажды вы придете. Все приходят!»

— Неужели он думает, что в один прекрасный день я брошусь к его ногам и начну кричать, как та сумасшедшая: «Возьми меня! Возьми меня!»?

Однако чем выше по лестнице поднималась Анжелика, тем больше крепла в ней уверенность, что она шагает навстречу неумолимому року.

После площадки третьего этажа ровные ступеньки лестницы становились более крутыми, напоминая ступени храма. Должно быть, наверху прямо из апартаментов можно попасть на террасу на крыше.

Но Анжелика никак не могла выбросить из памяти тайну страшной комнаты в замке Жилия де Реца, где под натиском грубой силы лишились последней воли околдованные женщины, осмелившиеся переступить запретную черту, в результате чего их разум растворился в яде безумия.

И вот она наконец преодолела последнюю ступеньку.

Прямо перед собой, всего в нескольких шагах, Анжелика увидела закрытую дверь, на которой, сверкая, выделялся золотой замок.

* * *

Однажды, когда Анжелика вернулась с очередной конной прогулки, Клеман Тоннель сообщил ей, что в одном из залов, куда он взял на себя смелость отвести гостя, ее ждет монсеньор епископ.

Месье де Фонтенак встретил хозяйку дома стоя и тут же предупредил, что прибыл ненадолго. Он просто хотел осведомиться о путешествии месье де Пейрака.

А быть может, он явился, чтобы узнать, чем занимается графиня в отсутствие мужа?

Будет лучше, решила Анжелика, если она сама, не дожидаясь возможных расспросов, поведаст священнику о своем времяпрепровождении. Это упорядочит беседу. Усевшись на стул, графиня начала рассказывать о конных прогулках в окрестностях Тулузы, о людях, которые ее сопровождают, и о том, как предупредительные спутники знакомят ее с историей края. Во время своего монолога она упомянула поездку в Альби, самое длительное ее путешествие: город находится так далеко от Тулузы, что графине показалось, будто она очутилась в незнакомой провинции.

— И я рада, монсеньор, что мне представился случай задать вам вопросы, на которые мне до сих пор не удалось получить подробных и вразумительных ответов. Почему этот город почти совсем не пострадал от так называемых крестовых походов против альбигойцев, о которых я столько слышала во время жарких споров наших гостей? Некоторые даже утверждали, что Симон де Монфор и его армия нашли горячую поддержку в Альби.

Монсеньор де Фонтенак возвел очи горе, крайне довольный тем, что разговор коснулся именно этой темы. Он считал себя непревзойденным знатоком крестовых походов и мог легко распутать связанные с ними клубки несоответствий.

Некогда Альби принадлежал виконту де Транкавелю. И поскольку в этом городе процветала ересь, даже названная его именем, он действительно должен был бы оказаться в числе тех поселений, по руинам которых прокатилась кровавая волна крестового похода.

Но так уж случилось, что во время смуты епископ Альби Гийом де Пейранто, державший город в железном кулаке, — что было весьма нехарактерно для той далекой эпохи, когда все духовенство славилось удивительной пассивностью и заботилось лишь о сборе десятины, позволяющей поддерживать и множить церковные богатства, — не мог спокойно взирать, как верующие покидают лоно Римской католической церкви. Бездеятельность священников во многом объясняет ту легкость, с которой пришедшая с Востока ложная религия завоевала умы людей. Еретики

имели наглость утверждать, что их учение является единственным законным наследием Христа и апостолов.

Сначала Альби предоставил убежище конклаву епископов «богомиллов», то есть нечестивцам, прибывшим из Болгарии, бывшей некогда одним из центров зарождения ереси. Отсюда и пошло название «альбигойцы», под которым их узнали во Франции. У этой ереси было много имен. Ее адепты верили, что в мире существуют две равноценные созидательные силы — Разум и Душа, сотворенные добрым Богом, а также существует Материя — творение Сатаны.

— Постыдный дуализм!

Епископ дрожал от негодования...

— Мадам, вас не пугает столь отвратительная идеология?

— Конечно, монсеньор, я целиком и полностью разделяю ваше мнение. Мир полон недостатков, это трудно отрицать, но глядя на красоту цветов, как можно думать, что это творение дьявола?

Епископ несколько секунд молчал.

— Превосходный довод, способный произвести неизгладимое впечатление на обманутую толпу, — наконец высказал свое мнение прелат.

Но они оба знали, что отнюдь не этот аргумент выдвигали жестокие инквизиторы тринадцатого века. Анжелика решила воздержаться от дискуссии, предпочитая оставить последнее слово за епископом. И он с удовольствием продолжил свою речь.

— Мне легко объяснить, почему у вас сложилось впечатление, будто вы находитесь в чужом краю, хоть и расположенном всего в нескольких лье от Тулузы. В этом и заключается феномен нашей провинции, славящейся удивительным разнообразием обычаев и нравов. Так уж исторически сложилось, что наши края населяют самые разные народности, ревностно блюдущие свои древние традиции. Единственное, что нас объединяет, — это язык... Более того! Даже этот язык в разных деревнях порой звучит по-разному.

Анжелика не сомневалась, что епископ явился во дворец, намереваясь побеседовать совершенно о других вещах. И в конце концов он подошел к волнующей его теме.

— Дитя мое, подумали ли вы на досуге об обязательствах, возложенных на вас замужеством? И помните ли вы те просьбы, с которыми я обратился к вам, исполняя долг пастора человеческих душ?

Анжелика непонимающе смотрела на него, и он продолжил:

— Припомните... Вы обязались повлиять на супруга, дабы он смог прийти — я намеренно не употребляю слово «вернуться», потому что граф слишком далек от материнского лона нашей Церкви — прийти, повторю я, к религии, в которой он был крещен при рождении и которую призван защищать в силу того высокого положения, которое сумел занять в нашем городе. Это благородная задача для супруги-христианки...

Анжелика сидела очень прямо, благочестиво сложив руки на коленях — именно в такой позе рекомендовалось сидеть знатной даме при беседе с важным духовным лицом.

— Монсеньор, — начала она после секундного размышления, — я помню, что во время вашего последнего визита вы говорили о месье де Пейраке как о человеке, наделенном несомненными талантами, высоко ценимыми учеными всего мира. Помню, вы признали, что во время своих многочисленных путешествий он лишь углубил свои знания, и это сделало его другом королей и вельможных особ, которых граф встречал на своем пути. Более того, мне показалось, что вы отдали дань — пусть и с неохотой — той энергии, той стойкости, которые присущи всем его деяниям, и отметили, что граф никогда не отступает от намеченных планов, не успокаивается, пока не достигнет задуманного.

Епископ слушал ее с мрачным видом. Создавалось впечатление, что он продолжает размышлять о той фразе о цветах, которую обронила Анжелика, что в его мозгу, словно круги на воде, множилось новые умозаключения и теологические доводы. Прелат пребывал в смущении. Это высказывание открывало новые перспективы для его проповедей, но одновременно наполняло душу священника жестоким разочарованием. Месье де Фонтенак всегда считал, что чем прекраснее и соблазнительнее женщина, тем она глупее и наивнее, тем легче ею управлять. Красота не нуждается в хитростях

и уловках, а потому беззащитна в руках умелого манипулятора. В своей игре епископ сделал ставку на юную и очаровательную графиню и с ее помощью надеялся проникнуть в тайны безумных разгулов дворца Веселой Науки.

Однако сейчас он был вынужден признать очевидное: его мнение о жене графа де Пейрака оказалось ошибочным. Каким бы опытным интриганом он ни был, сколь хорошо бы ни изучил умы людей и, прежде всего, умы женщин, Анжелика не поддастся на его уговоры и не станет раскрывать известные ей тайны. Графиня привела прелата в полное замешательство.

— Конечно, — степенно продолжала Анжелика, — благодаря великодушию моего отца я смогла получить прекрасное образование в монастыре урсулинок в Пуатье. Но неужели, монсеньор, вы действительно думаете, что я могу хоть как-то влиять на столь ученого и столь упрямого человека, каковым является месье де Пейрак?..

На губах архиепископа появилась холодная улыбка, способная вызвать мысли об адских муках даже у самых закоренелых грешников.

— Да, — сказал он, — я действительно так думаю. Если вам выпадет случай, мадам, постарайтесь объяснить месье де Пейраку, что ему недостает осторожности.

* * *

Уже не в первый раз за время этой, к счастью, не слишком продолжительной беседы Анжелика непроизвольно повернула голову к двери зала. Она не могла не признаться себе в том, что больше всего на свете желает сейчас увидеть Жоффрея, его насмешливую улыбку, которая сверкает, словно шпага, готовящаяся нанести решающий удар.

Ему недостает осторожности.

Но он силен и свободен.

И когда он наконец вернется?

Часть третья
На пути к любви

Глава 10

Возвращение. — Врач-маран

Однажды утром, когда Анжелика вернулась с прогулки и прошла в галерею для приемов, она увидела Жоффрея. Он неподвижно стоял в центре зала и, казалось, ждал жену. Она и забыла, какой он высокий! Черный костюм, серебро кружев, алые банты.

ОН ЗДЕСЬ!

Граф снял шляпу и низко поклонился, подметая пол красными и черными перьями плюмажа.

Затем выпрямился и одарил жену ослепительной улыбкой.

— Что приключилось с вами в мое отсутствие, мадам? Почему ваше лицо излучает радость, от которой оно становится еще прекраснее?

Смущенная Анжелика осознала, что неожиданное появление мужа вызвало у нее чувство, близкое к восторгу, который и отразился на ее лице.

Молодая женщина постаралась успокоиться.

— Ничего! — выкрикнула она. — Ничего не случилось!

С ее губ едва не сорвалось роковое признание: «Я так соскучилась!»

Однако Анжелика лишь промолвила:

— Вы так долго отсутствовали.

Но по лукавому взгляду мужа юная графиня догадалась, что Жоффрей все понял.

Внезапно зал наполнился многочисленными друзьями хозяйина, которые поздравляли его со счастливым возвращением и задавали всевозможные вопросы. Тут же появились и садовники-мориски с цветами, срезанными к празднику.

И дворец Веселой Науки зажил прежней жизнью.

Анжелика снова вернулась к своим привычным обязанностям и снова прислушивалась к гулу голосов, чтобы различить среди них голос Жоффрея де Пейрака.

Да! Конечно, в Париже он пел у Нинон де Ланкло. «Вы должны знать, что эта прелестная «жеманница» чудесно играет на лютне. В ее доме балом правит музыка!..»

Он преподнес в подарок куртизанке лютню из Болоньи, поскольку эти выгнутые громоздкие инструменты, изготавливаемые там, обладают меньшим весом, что позволяет дамам виртуозно на них музицировать, и к тому же славятся бесподобным звучанием. Кроме того, Анжелика заметила, что на правой руке супруга не хватает одного кольца, возможно, того самого, с печатью. И она не сомневалась, что Жоффрей подарил перстень Нинон де Ланкло.

* * *

Стоял очень жаркий весенний день. Окрестности города звенели от пения цикад, а красные башни устремлялись к небесам, глубокий синий цвет которых казался почти черным.

В просторных залах дворца Веселой Науки, защищенных от зноя тенистыми террасами, собралось избранное общество. На этот раз среди гостей преобладали мужчины, в основном испанцы, но были среди приглашенных и французы, которые делились новостями о развернувшихся на Севере сражениях.

— Эта Фронда никогда не закончится.

Анжелика, переходившая от одной группы гостей к другой, замедлила шаг.

— Во Фландрии сошлись два величайших генерала нашего времени. Принц де Конде выступил на стороне дона Хуана Хосе Австрийского.

— Ему противостоит месье Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн, слуга молодого короля и ненавидимого всеми кардинала.

— Один жестокий бой следует за другим, но они не дают никаких результатов.

— Все решит генеральное сражение, битва не на жизнь, а на смерть.

— Да, не на жизнь, а на смерть! И сразятся два непревзойденных полководца: месье де Конде и месье де Тюренн.

Анжелика слушала этот разговор, а перед ее глазами проносились видения, словно опаленные горячим дыханием войны. Той войны, которая некогда подкралась так близко к стенам монастыря урсулинок в Пуатье.

— Я ставлю на Конде. Он уже доказал свой военный талант в битве при Рокруа, в Лансе.

— Тогда он состоял на службе у короля Франции, а сейчас объявлен предателем и приговорен к смертной казни за оскорбление Его Величества.

— В таком случае победит Тюренн? Преданный слуга короны!

— О! Не такой уж он и преданный. Обольстительная сирена мадам де Лонгвиль когда-то сумела склонить вояку на сторону Фронды.

— Об этом все давно забыли! Генерал — великий военачальник, и король счастлив видеть его у себя на службе. Особенно если учитывать тот факт, что Тюренн — внук принца Оранского, княжества которого частично входили в состав Священной Римской империи. А он сам, как все его близкие родственники, исповедует протестантскую религию.

— Гугенот!.. Тем лучше. Они упрямы! Если уж он начал сражаться за короля, то оправдает его доверие. Корона будет спасена.

— Не забывайте, что его противник тоже мечтает о короне. Господин принц сначала сражался, дабы возложить ее на чело крайне непостоянного Гастона, брата покойного короля Людо-

вика XIII. Однако сейчас Конде спит и видит, как бы примерить корону на собственную голову. И он ее заслужил!

— Не увлекайтесь, не увлекайтесь! Годы войны, массовые убийства... Кто мог предположить, что такая «легкая» Фронда приведет к таким ужасам. Новый король! Но юный король и его брат еще живы.

— Как и кардинал, из-за которого началась вся эта кровавая баня.

— Кардинал, которого сегодня ненавидят больше, чем когда-либо!.. Он не постеснялся предложить в союзники Всехристианнейшему королю¹ пуританина-цареубийцу Кромвеля, и все ради того, чтобы нейтрализовать англичан на Северном море. Он пообещал им Дюнкерк.

— Мазарини — гений французской политики: ему удастся заключать самые невероятные союзы. История изобилует такими примерами. И чаще всего он выходит победителем!..

Последнюю фразу произнес молчавший до этого Жоффрей. Анжелика не могла понять, чего в голосе мужа таилось больше — восхищения или насмешки. Однако его высказывание несколько успокоило разгоряченных спорщиков.

Кто-то добавил:

— Можно с уверенностью утверждать, что, когда начнутся мирные переговоры с Испанией, в наших краях организуют великие торжества. Аквитания, расположенная с этой стороны Пиренеев, уже может начинать готовиться к встрече испанских грандов.

— И их дам!..

— Я слышал, что некоторые из дам не стали дожидаться начала переговоров...

— Мадам де Мерекур уже появилась в нашем городе.

— Месье де Пейрак, когда мы снова увидим эту прелестницу?..

Ответ утонул в шуме голосов.

¹ Звание королей Франции. — *Примеч. пер.*

Анжелика заметила, что маленькие пажи, растерявшись от громких криков, перестали подавать корзины с фруктами и сладостями, а также разливать вина.

Графиня отправилась успокоить их и приказать продолжать работу. Ей казалось, что земля закачалась под ее ногами, и чтобы прийти в себя, Анжелика подошла к высокому окну, выходящему на террасу. В лицо ударила волна раскаленного воздуха, от которого голова закружилась еще сильнее. Далекое, почти забытые воспоминания рвались из глубин подсознания: темная, промозглая ночь, золотой свет в окне и полуобнаженный греческий бог, словно сошедший с холста, — принц де Конде.

Она снова видела вельможу с орлиным профилем, вертящего в пальцах зеленую склянку: «Таким образом, можно считать, что монсеньор Мазарини уже мертв...»

Но нет! Кардинал Мазарини не умер. Потому что она, Анжелика, украла флакон с ядом и спрятала его. И война между кардиналом и огромным королевством продолжалась. Армии, придворные, мятежники вихрем кружили где-то на Севере.

— Любовь моя!.. Что случилось? — услышала она далекий голос. — Любовь моя!.. Что случилось?

Рядом с Анжеликой возник темный силуэт высокого мужчины, дрожащий в льющихся с улицы ослепляющих лучах весеннего солнца; но чей это силуэт — принца Конде или графа Тулузского, который стал ее мужем?

Чтобы убежать, скрыться от наваждения, Анжелика нырнула в душливую жару, как ныряют в волны океана в кошмарном сне.

Очнулась она уже в кухне, которая, как это было принято на Юге, строилась заглубленной в почву, наподобие крипты, и под сводчатым потолком которой даже в самые жаркие летние дни и в разгар приготовления пищи царилла благодатная прохлада. Печи давно потухли, и лишь несколько поварят под руководством бдительного повара еще возводили на больших серебряных подносах последние пирамиды из пирожных и фруктов.

Анжелика, желая хоть как-то объяснить свой неожиданный визит, похвалила поварят за прилежание: и гости, и месье

де Пейрак чрезвычайно довольны. Один из слуг спросил, не желает ли хозяйка миндального молока, но Анжелика приказала подать ей стакан простой колодезной воды. Усевшись в лоджии прямо над парком, она стала медленно пить, глоток за глотком. Едва ощутимый ветерок покачивал верхушки деревьев. Вода была свежей, почти ледяной, и Анжелика прижалась к теплым камням балкона. Она представила, что живет на прекрасном острове, куда доносятся только отзвуки жестокого мира.

Как она любит этот солнечный край!..

Как любит розовый город с его башнями и колокольнями, которые окружают дворец Веселой Науки словно пышный венок!

Она пыталась восстановить в памяти обволакивающий голос. «Любовь моя!.. Что случилось?»

Правда ли то, что она стала его любовью? Анжелика никак не могла в это поверить... Допустить это...

И была не в состоянии объяснить свои чувства мужу. В речах гостей, обменивающихся новостями во дворце Веселой Науки, таилась скрытая жажда насилия, и казалось, что в залах звенят, сталкиваясь друг с другом, вынутые из ножен сверкающие шпаги, и это лишний раз доказывало, что даже будучи поэтом, мужчина всегда остается прежде всего воином.

С молодых лет судьбы сеньоров были неразрывно связаны с всевозможными военными кампаниями, в которых они принимали участие вместе со своими отцами и сюзеренами, будь то король Франции или властитель Наварры, не говоря уже о почти неухающих религиозных войнах. Даже женщины, голоса которых вплетались в беседу мужчин, напоминали Анжелике блистательных фрондерок, мельком виденных ею в замке Плесси и тоже причастных к этой ужасной гражданской войне.

Какое счастье, что все эти сражения перенеслись куда-то вдаль, в туманы испанской Фландрии, к северным варварам... Анжелика улыбнулась собственным мыслям. Ее волнение улеглось.

Резкие высказывания сталкивались, словно клинки, звенели бокалы, поднятые за всеобщее здравие.

— Необходимо решающее сражение. Принц непобедим.

— Этот принц несет ответственность за реки пролитой крови. И перед глазами Анжелики вновь возник Конде с орлиным взором.

— Прошлое осталось в прошлом, — сказала она себе.

«Я поступила правильно, я должна была так поступить. Вот! И не следует больше об этом думать!.. Это не повод покидать гостей».

Анжелика чувствовала себя уставшей, обессиленной, словно после тяжелой работы.

Когда она вернулась в парадные залы, то обнаружила, что дворец пуст. Гости разъехались. Где-то вдалеке у дворцовых ворот выводили рулады музыканты, сопровождающие дам.

Когда графиня остановила одного из слуг, уже приступившего с целой армией своих собратьев к уборке помещения, и осведомилась, где находится местье де Пейрак, он сообщил хозяйке, что граф велел запрячь карету и уехал.

— Карету?!

Анжелика удивилась. Перемещаясь по окрестностям Тулузы, Жоффрей предпочитал ездить верхом. Вскоре к ней подошел Клеман Тоннель и предложил пройти в зал, где ее ждала вечерняя трапеза. Узнав, что господин граф вернется поздно, Анжелика приказала подать ужин в ее апартаменты.

Совершенно неожиданно ей снова захотелось сбежать!.. Но куда?.. Однако еще больше графине хотелось оказаться за длинным столом вместе с Жоффреем де Пейраком, как это случалось почти каждый вечер. Иногда несколько друзей оставались во дворце, чтобы разделить с хозяевами вечернюю трапезу, но теперь супруги все чаще ужинали в одиночестве. Анжелика заметила, что полюбила такое времяпрепровождение, раньше казавшееся ей тягостной обязанностью.

Сквозь большие окна в комнату заглядывали розовые сумерки, постепенно становящиеся лиловыми, а небо пересекали черные росчерки юрких стрижей — этих странных ласточек, которые никогда не садятся на землю, а живут в непрерывном парении, с радостными криками носясь над землей.

* * *

Луч света, скользнувший в приоткрытую дверь, разбудил Анжелику.

Долговязая Марго держала в руках трехрогий подсвечник, и в его мерцающем свете графиня увидела человека, облаченного в очень длинную черную хламиду и четырехугольную шапочку.

Ей показалось, что за приоткрытыми дверями толпится изрядное количество народу.

Рядом с фигурой в странном одеянии возникли двое мальчиков, державших треножник, затем появился еще один подросток с переносной жаровней в руках и молоденькая служанка, нагруженная всевозможной утварью: чайником, кружками, половниками и ложками. Затем в комнату не без труда протиснулись двое здоровяков носильщиков. Они держали за ручки большой сундук, обитый кожей. Анжелика видела, что платье неизвестного усыпано астрономическими символами — солнце, луна, звезды, воздушные вихри, — и все аппликации выкроены из серебряной материи. При малейшем движении эти узоры отражали тусклые лучи свечей и таинственно поблескивали, порождая удивительный танец света и тьмы, похожий на приятную громкую музыку.

Его четырехугольная шапочка из черного бархата походила на шапочки судей и тоже была расшита серебряными узорами. Лишь тусклое мерцание платья свидетельствовало о том, что незнакомец перемещается по комнате: он двигался очень медленно, подол его одеяния касался пола, и казалось, что человек плывет в полумраке спальни. Именно так скользил по коридорам замка Монтелу призрак Белой дамы.

Однако таинственный гость, приведенный Марго, призраком не был.

Дойдя до изголовья кровати, мужчина снял шапочку и так низко поклонился, что на несколько мгновений исчез из виду. Затем выпрямился, встал перед Анжеликой, слегка сутулясь, и представился.

— Родриго Бенхапру де Толело.

Смуглое лицо испанца испещряли глубокие морщины, однако он был не стар, а по-французски говорил без акцента, если не учитывать все тот же певучий местный говор. Обращаясь к Марго и своим помощникам, месье де Толело переходил на окситанский язык.

Он приказал слугам поставить рядом с собой треножник, а на него — жаровню. На вторую, более низкую, кованую подставку носильщики водрузили большой обитый кожей сундук. Затем они оба тихо удалились, а Марго, стоявшая в некотором отдалении, продолжала держать подсвечник.

Анжелика не могла отвести глаз от удивительного сундука. Этот предмет сам по себе был произведением искусства. Тисненую кожу украшали завитки, начертанные золотом при помощи тонкой кисти. Эти завитки, в свою очередь, складывались в фигуры-символы, сходные с теми, что блистали на платье и шапочке ученого. Скорее всего, сундук изготовили в Кордове, знаменитом городе, некогда бывшем центром всей мусульманской Испании, до того как страна распалась на несколько небольших независимых королевств, названных тайфами.

Невероятно медленно и очень торжественно неожиданный визитер открыл окованную железом крышку. На ее внутренней стороне Анжелика сразу же увидела две изысканные миниатюры с изображением молящихся святых с золотыми ореолами вокруг голов. В самом сундуке находилось великое множество флаконов, коробочек, банок; в специальных деревянных ящиках с перегородками лежали пучки стеблей, цветов, листьев, разнообразные корни и высушенные растения всех сортов.

От сундука исходил довольно сильный, но приятный запах.

Анжелика зачарованно рассматривала все это богатство: растения, банки, полные трав, разноцветные порошки и растертые или измельченные травы.

— Мессир, вы врач?

— Да! Я его врач.

— А почему вы так медленно двигаетесь, так осторожно ходите?

Родриго Бенхапру де Толело напустил на себя важный вид и стал похож на сельского учителя.

— Во-первых, потому что я врач. И по долгу службы часто имею дело с существами, охваченными страхом, впервые осознавшими, что жизнь, и в частности их собственная, весьма неустойчива; такое случается с ранеными, которых смерть может забрать в любую секунду. Они пребывают в состоянии шока. Любой резкий жест или лишнее движение, совершенное рядом, может порвать ту тонкую нить, которая еще удерживает несчастных в нашем брэнном мире. Спокойствие, мягкость, медлительность жестов успокаивает больных, напоминает им, что они по-прежнему находятся среди живых. А во-вторых, потому что господин граф настоятельно рекомендовал мне не пугать вас.

Анжелика вытянулась на кровати и задорно рассмеялась.

— Что за странная мысль!.. Я нисколько не напугана и не умираю!..

Но тут она заметила, что врач, не прекращая беседовать с ней, мягким жестом коснулся ее запястья — настолько мягким, что она даже не почувствовала касания.

— Что вы делаете?

Врач прикрыл глаза и, не выпуская ее тонкой руки, сообщил, что он что-то слушает. Затем с той же мягкостью и деликатностью мессир де Толело вернул руку Анжелики на простыню. После этого, зажав между большим и указательным пальцами крошечную лупу, которую, казалось, извлек прямо из широкого рукава, медик склонился к графине, почти касаясь ее лица своим, и изучил ее глаза, левый и правый, которые она от изумления широко распахнула.

Снова выпрямившись, он представил Анжелике святых, избранных на крышке его сундука, как иные люди представляют близких друзей.

— Вот Косма и его брат Дамиан, покровители врачей и хирургов. Они родились в Аравии и приняли мученическую смерть во времена правления императора Диоклетиана.

Затем, видя неподдельный интерес графини к содержимому его сундука, врач перечислил названия некоторых растений, собранных в Окситании, на восточных пустошах, овечьих дыханием Средиземного моря — более соленым, чем дыхание самого океана, и показал цветы, которые редко можно встретить в других краях.

Пока врач наставлял Анжелику, закипела стоящая на угольях вода. Он всыпал в нее по щепотке самых разных порошков, затем добавил несколько капель настойки из выбранного после долгого раздумья флакона.

Лежа на подушках, графиня выпила приготовленный напиток. От него шел густой пар, обволакивающий все вокруг ароматной пеленой.

Разноцветные фигурки святых Космы и Дамиана вместе с их нимбами исчезли — то ли потому, что испанец закрыл крышку сундука, то ли потому, что Анжелика больше не могла разлепить веки, неожиданно налившись свинцовой тяжестью.

Мадам де Пейрак заснула.

На следующий день Анжелика проснулась, когда солнце уже сияло высоко в небе. Она чувствовала себя отлично выспавшейся и отдохнувшей.

На долю секунды в ее голове возник вопрос, а не пригрезился ли ей полночный визит, но в комнате по-прежнему витал аромат лекарственных растений.

В саду, под окнами дворца, перекликались друг с другом всадники. Это явились ее компаньоны по верховым прогулкам, и, должно быть, их предупредили, что Анжелика еще не проснулась. В глубине дворца играли музыканты. Означало ли это, что вернулся Жоффрей, уезжавший куда-то вчера вечером?

Анжелика наткнулась на мужа почти случайно, и он, как часто бывало в последнее время, встретил ее серьезным взглядом, не лишенным, однако, доли иронии.

— Что с вами вчера случилось? Разговоры наших слишком шумных гостей утомили или напугали вас?.. Совершенно

неожиданно на вашем очаровательном личике появилось выражение такого ужаса... Словно вы впервые меня увидели!

Анжелика выдавила из себя жалкую протестующую улыбку. Она пробормотала, что не произошло ничего особенного. Возможно, во всем виновата чрезмерная жара.

— Я счел необходимым, — продолжил граф, — пригласить известного медика и лично отправился в поселок, где находится его жилище, чтобы доставить его во дворец вместе с медицинским сундуком.

— Но я не больна. Не стоило беспокоить достопочтенного ученого.

Во время этого диалога Жоффрей внимательно наблюдал за Анжеликой, и она знала, что напрасно отрицает очевидные факты: ее муж отлично научился ее понимать.

Всем своим видом граф выражал неподдельную озабоченность.

— Доктор Родриго Бенхапру сообщил мне ваш диагноз. Он сказал, что вчера какое-то забытое воспоминание, скрывающееся в недрах вашей памяти, внезапно поразило ваш ум и вызвало потрясение, сравнимое, ни много ни мало, с ударом копья. А подобные раны следует врачевать незамедлительно, сказал он мне, дабы избежать душевной болезни, и попросил меня найти причину вашего испуга.

Растерянная Анжелика смотрела на собеседника, не зная, что ответить.

Больше всего на свете она хотела довериться супругу, но при этом чувствовала, что любое упоминание о той ужасной тайне несет в себе опасность. Ее колебания и душевное смятение были столь очевидны, что граф снова улыбнулся, но на сей раз снисходительно.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом... Как вам понравились его снадобья?

Обрадованная тем, что может избежать пронизательных вопросов мужа, Анжелика поспешила сообщить, сколь восхитили ее богатства, хранящиеся в драгоценном сундуке; и не только расте-

ния, используемые для лечения обычных болезней, — в травах она и сама разбиралась весьма неплохо, — но прежде всего эликсиры, приготовленные из редких минералов, соли, растворенные в воске или меде. Все эти снадобья могут врачевать самые разные болезни души и разума, происхождение которых никому не известно.

Жоффрей де Пейрак, как обычно, очень внимательно слушал рассуждения жены. Его глаза сверкали все ярче, и Анжелика, поддавшись радостному возбуждению при рассказе о дорогих ее сердцу растениях, попутно вспоминая далекие и благословенные часы детства, проведенные рядом с Мелюзиной, не заметила легкой иронии, промелькнувшей в темных очах ее мужа.

— Все верно, — согласился он, когда Анжелика умолкла. — Врач предупредил меня и об этой вашей особенности, о которой ранее я ничего не знал и которая, не могу не признаться, весьма меня порадовала, потому что именно в ней я усмотрел еще одну причину того, что однажды мы придем к совершенному любовному взаимопониманию. Ваша сокровенная сущность неотвратимо совпадает с моей в самых чувствительных точках.

— О! Правда?! Я не понимаю... Что такого он мог вам сказать?

— Что вы почти так же, как он, искусны в области приготовления лекарственных смесей... А кроме того, во многом превзошли его в искусстве врачевания и... магии!

На лице Жоффрея вновь заиграла улыбка, из-за глубоких шрамов казавшаяся сардонической.

— Неужели вы не видите, сколь удачен наш союз? Даже месье Молин не мог предположить, насколько он удачен.

На лице Анжелики отразилось недоумение.

— Колдунья и дьявол!

Она вздрогнула.

— Месье, вы опять смеетесь надо мной!.. Упаси Бог! Колдунов сжигают на кострах!

— Одним костром больше, одним меньше на привычной к ним земле Юга...

Анжелика простерла руки в патетическом жесте и тотчас поняла, сколь нелепой и смешной выглядит просьба, слетевшая с ее губ:

— Я умоляю вас! Не смейтесь надо мной!..

Граф стал серьезным и окинул супругу пылким взглядом.

— Хорошо! — заявил он. — Я не стану насмехаться над вами, но при одном условии: вы расскажете, что так сильно потрясло вас вчера вечером, что такого вы слышали в наших разговорах о войне, что породило в вашей душе такой ужас... Словно вы призрака перед собою увидели... Словно кто-то сорвал маску с тайны и заставил вас внезапно осознать неотвратимое. Именно так описал случившееся доктор Родриго Бенхапру.

Анжелика почувствовала, как слабеет под настойчивым взглядом графа.

Она никогда не испытывала подобного чувства, постепенно осознавая, насколько дорога мужу.

Да, это правда, согласилась графиня. Она действительно испугалась.

Вчера она вспомнила об одной тайне, которую узнала совершенно случайно. Однажды она стала свидетельницей готовящегося грозного заговора, но в те времена была еще ребенком, и все это происшествие почти полностью стерлось из ее памяти.

Жоффрей взял ее за руку и повлек в ближайший небольшой кабинет, где усадил в кресло, а сам сел рядом. Затем он произнес нежно, но настойчиво:

— Рассказывайте, мадам.

Она не могла убежать и скрыться от его пристального внимания.

Она была совершенно одна в этом мире и могла довериться только ему. Поэтому Анжелика все рассказала.

— Месье де Конде, — добавила она в завершение истории, — безусловно, намеревался отравить кардинала и, быть может, даже короля и его младшего брата. Я совсем не поняла, что они говорили о письмах, содержащих некие обязательства. Эти письма подписали и принц, и другие важные сеньоры. Их должны были вручить месье Фуке. Подождите!.. Я пытаюсь припомнить их текст... Что-то вроде: «Я заверяю месье Фуке, что всегда буду верен только ему... И обязуюсь предоставить в его распоряжение все мое состояние...»

Жофfrey де Пейрак выслушал супругу, не произнося ни слова. Когда она закончила, он усмехнулся:

— Прекрасное общество, ничего не скажешь! Подумать только, в то время месье Фуке был еще темной лошадкой, обычным парламентарием! Но, обладая смекалкой финансиста, а следовательно, огромными средствами, он уже тогда мог ловко манипулировать сиятельными принцами. Сегодня он самый богатый человек в королевстве — вместе с месье де Мазарини, конечно. И это доказывает, что им обоим нашлось место в лучах Его Величества. Итак, вы отважились украсть шкатулку? Вы ее спрятали?

— Да, я ее...

Инстинктивная осторожность заставила Анжелику замолчать.

— Нет, я бросила ее в пруд с кувшинками.

— Вы полагаете, что вас считают причастной к ее исчезновению?

— Не знаю. Не думаю, что кто-нибудь серьезно отнесся к моей скромной персоне. Однако я не преминула намекнуть принцу Конде, что знаю о существовании шкатулки.

— Правда? Но это безумие!

— Я должна была помочь отцу добиться права беспопластного проезда для его мулов. О! Это целая история, — рассмеялась Анжелика, — но теперь-то я знаю, что и вы косвенным образом в ней замешаны. Однако я еще раз охотно совершила бы подобное «безумие», лишь бы снова увидеть растерянные лица этих надменных людей.

И Анжелика принялась в красках описывать свою перепалку с принцем Конде.

Граф де Пейрак покачал головой.

— Я удивлен, почему вижу вас живой. Вы, должно быть, в самом деле выглядели донельзя безобидно. Но очень опасно играть роль пешки в интригах придворных. При необходимости маленькую девочку всегда легко устранить.

Продолжая говорить, граф поднялся, подошел к двери в соседнюю комнату и резко распахнул ее. Когда Жофfrey вернулся, Анжелика увидела, что он раздосадован.

— Я не слишком проворен для того, чтобы поймать на месте преступления чересчур любознательную особу.

— Нас подслушивали?

— Я в этом уверен.

Однако казалось, что он не придавал особого значения этому инциденту.

Раздался колокольный звон, зовущий к молитве. Граф встал.

— Вы чуть было не ускользнули от меня, — сказал он жене с обычной иронией. — Поистине впору поверить, что наша встреча предопределена Небесами.

Жофfrey коснулся поцелуем обеих ладоней Анжелики.

— Я не позволю вас сжечь, маленькая колдунья.

Глава 11

Монах Беше. — Посещение лаборатории

Спустя какое-то время Анжелика с друзьями возвращалась со своей утренней конной прогулки по берегу Гаронны.

Она продолжала ездить верхом, уделяя этому занятию несколько рассветных часов, когда в сени лесов еще царила ночная прохлада. Жофfrey де Пейрак редко сопровождал супругу. В отличие от многих знатных сеньоров, он почти не интересовался верховой ездой и охотой. Можно было подумать, что граф избегает физических нагрузок, но его репутация искусного фехтовальщика нисколько не уступала репутации непревзойденного певца. Как утверждали очевидцы, граф виртуозно владел шпагой и, невзирая на покалеченную ногу, исполнял самые сложные выпады. Он каждый день упражнялся в фехтовании в дворцовом зале, но Анжелика никогда не видела его стреляющим из мушкета или ружья.

Существовала еще масса вещей, которых красавица графиня не знала о собственном муже, и порой она с внезапным волнением вспоминала слова, произнесенные архиепископом в день их свадьбы: «Строго между нами, мадам: вы избрали себе в мужа весьма необычного человека...»

На фоне небесной синевы возвышались городские здания всех оттенков розового цвета, напоминая волшебные видения, рожденные прекрасным сном. Но в тот день Анжелика не задержала

взор на дивном зрелище, которое так любила. Она была рассеянна и озабоченна.

Несомненно, в последнее время они сблизилась с графом, но теперь он снова, казалось, вернулся к тому почтительному, но несколько отчужденному отношению, с которым относился к ней в первые дни их брака. Анжелика редко видела мужа и всегда — в присутствии гостей, поэтому невольно задавалась вопросом, а не виновна ли в их новом отчуждении шумная Карменсита де Мерекур. Действительно, после поездки в Париж эта дама вернулась в Тулузу, и ее экзальтированный нрав никому не давал покоя. Все только и говорили о том, что на сей раз месье де Мерекур запрет жену в монастыре. И если он до сих пор не выполнил своей угрозы, то лишь потому, что его останавливали причины дипломатического характера. Война с Испанией продолжалась, но месье де Мазарини, который уже давно вынашивал планы о мирных переговорах, настоятельно рекомендовал не предпринимать никаких действий, способных ожесточить обидчивых испанцев. Прекрасная Карменсита принадлежала к знатному мадридскому роду, и потрясения в ее супружеской жизни могли повлиять на развитие событий сильнее, чем введущиеся во Фландрии сражения. Ведь, несмотря на разрыв официальных отношений, тайные гонцы, переодетые монахами или бродячими торговцами, преодолевали Пиренеи и доставляли в Мадрид послания из Франции.

Итак, Карменсита де Мерекур находилась в Тулузе и вела бурную, эксцентричную жизнь, что не могло не беспокоить Анжелику. Невзирая на непринужденные светские манеры, приобретенные ею в высшем обществе, в глубине души она оставалась деревенской простушкой, скромным полевым цветком, который легко было сломать и растоптать. Анжелика не чувствовала в себе сил соперничать с роскошной Карменситой и порой, снедаемая ревностью, думала о том, что испанка со своим своеобразным характером больше подходила в супруги графу де Пейраку, чем она сама.

Анжелика не сомневалась, что Жоффрей почитает ее первой среди женщин лишь в том, что касается науки.

* * *

В то утро, подъезжая к дворцу с эскортом из пажей, галантных сеньоров и нескольких молодых подруг, которыми она любила себя окружать, Анжелика вновь заметила у подъезда карету с гербами архиепископа.

Графиня увидела, как из нее выходит высокий суровый мужчина, облаченный в серую рясу, а за ним — сеньор в лентах и бантах, со шпагой на боку и таким зычным голосом, что его приказы или ругательства эхом разносились по округе.

— Готов поклясться, — воскликнул Бернар д'Андижос, верный спутник Анжелики, — что это шевалье де Жермонтаз, племянник монсеньора. Да хранят нас Небеса! Этот сеньор — отвратительный мужлан и самый большой дурак, с каким мне только приходилось встречаться. Если вы мне доверяете, мадам, то давайте поедем через парк и избежим встречи с ним.

Маленькая группа всадников свернула налево и, оставив лошадей на конюшне, обосновалась в чудесной оранжерее, окруженной фонтанами. Но стоило друзьям усестись за стол с легкими закусками, фруктами и прохладительными напитками, как к Анжелике приблизился паж и сообщил, что граф де Пейрак просит супругу почтить его своим вниманием.

Во входной галерее она обнаружила мужа в обществе дворянина и монаха, которых видела несколькими минутами ранее.

— Позвольте вам представить: аббат Беше, видный ученый, о котором нам не раз говорил монсеньор, — сказал Жоффрей. — А это шевалье де Жермонтаз, племянник Его превосходительства.

Монах был высоким и худым, как палка. Густые брови почти скрывали его слишком близко посаженные глаза, полыхавшие лихорадочным огнем. Беше нервно озирался, вытягивая длинную худую жилистую шею, выглядывавшую из грубой рясы. А его спутник, казалось, находился здесь исключительно ради контраста. Радостный живчик, полная противоположность монаху, умерщвлявшему плоть, шевалье де Жермонтаз отличался цветущим видом и в свои двадцать пять лет уже мог похвастать солидным брюшком. Пышные кудри его светлого парика ниспадали

на голубое атласное одеяние, украшенное водопадом розовых лент. Его рингравы были столь широки и столь обильно расшиты кружевами, что на их фоне даже дворянская шпага выглядела нелепо. Де Жермонтаз подмел пол у ног Анжелики страусовыми перьями шляпы, затем облобызал ее руку, а выпрямляясь, имел наглость игриво подмигнуть, чем возмутил ее до глубины души.

— Теперь, когда к нам присоединилась моя жена, мы можем отправиться в лабораторию, — сказал граф де Пейрак.

Монах подскочил как ужаленный и смерил Анжелику недоуменным взглядом.

— Правильно ли я понял, что мадам войдет в святая святых ученого и будет присутствовать во время бесед и опытов, которые вы хотели мне продемонстрировать?

На лице графа появилась кривая гримаса, и он смерил монаха дерзким, почти оскорбительным взглядом. Жоффрей отлично знал, какое впечатление производит его изуродованное лицо на тех, кто видит его впервые, и всегда этим пользовался.

— Отец мой, в адресованном монсьёру письме я сообщил, что согласен принять вас, уступая его многочисленным просьбам, но при этом подчеркнул, что речь идет об обычном визите, во время которого будут присутствовать те особы, которых я выберу. Именно поэтому епископ послал с вами шеваље на тот случай, если от вашего взора ускользнет то, что не должно ускользнуть.

— Но, господин граф, вы же ученый и не можете не знать, что присутствие женщины абсолютно противоречит герметическим традициям, согласно которым невозможно добиться результата при воздействии флюидов противоположного...

— Вообразите, отец мой, что в моих научных исследованиях верные результаты нисколько не зависят ни от настроения, ни от звания, ни от пола присутствующих...

— И это превосходно! — воскликнул обрадованный шеваље. — Не буду скрывать, что меня больше привлекает прекрасная дама, нежели все эти склянки и старые горшки. Но мой дядя настаивал на том, чтобы я сопровождал Беше и учился испол-

нять обязанности, связанные с моей новой должностью. Да, мой дядя намерен купить мне место главного викария в трех епархиях. Однако он все же ужасный человек: поставил мне условие, что я должен постричься в монахи. Но, признаюсь, я был бы рад довольствоваться только бенефициями.

Беседа, небольшая компания направилась к библиотеке, которую граф хотел продемонстрировать гостям в первую очередь. Монах Беше, давно мечтавший о встрече с графом, засыпал хозяина дома многочисленными вопросами, на которые Жоффрей де Пейрак отвечал с удивительным терпением.

Анжелика шла чуть позади в сопровождении шевалье де Жермонтаза. Пользуясь случаем, этот жизнерадостный толстяк то и дело прикасался к ней и одаривал пылкими нескромными взглядами.

«Действительно мужлан, — подумала Анжелика. — Он похож на большого молочного поросенка, украшенного цветами и кружевами в честь рождественского ужина».

— Я никак не могу уразуметь, — громко поинтересовалась она, — каким образом визит в лабораторию моего мужа связан с вашей новой церковной должностью?

— Признаться, сначала я этого тоже не понял, но дядя соизволил мне все подробно объяснить. Похоже, что Церковь не так уж богата и сильна, как нам кажется, и, главное, каковой должна быть. Мой дядя жалуется на централизацию королевской власти, что наносит ущерб правам таких государств, как Лангедок. Полномочия архиепископа резко сократились, как на церковных ассамблеях, так и в местном парламенте, который он, как вы знаете, возглавляет. Усиливается власть провинциального интенданта и его подручных в полиции, в финансовых ведомствах, в армии. И этому засилью безответственных королевских уполномоченных мой дядя хотел бы противопоставить союз самых влиятельных лиц провинции, в числе которых он видит и вашего мужа: он сумел сколотить колоссальное состояние, но ни город, ни Церковь не получают с него никаких отчислений.

— Но, господин шевалье, мы регулярно вносим пожертвования.

— Этого недостаточно. Моему дяде нужен именно союз.

«Как для ученика Великого инквизитора ему недостает тонкости, — подумала Анжелика. — Если только он не отвечает вызубренный урок!»

— То есть, — вновь заговорила она, — монсеньор полагает, что все деньги провинции должны быть сосредоточены в руках Церкви?

— Церковь должна занять ведущее место.

— С монсеньором во главе! А знаете, вам удаются проповеди! Я больше не удивляюсь, почему вам прочат карьеру церковника, ведь на этой стезе красноречие крайне необходимо. Передайте вашему дяде мои комплименты.

— Не премину это сделать, любезнейшая дама. Ваша улыбка очаровательна, но мне кажется, в ваших глазах нет нежности к моей скромной персоне. Не забывайте, Церковь пока еще обладает величайшей силой, особенно у нас в Лангедоке.

— Вижу, вы достойный начинающий викарий, невзирая на все ваши ленты и кружева.

— Богатство — убедительный аргумент. И мой дядя его использовал. Я буду служить ему верой и правдой.

Анжелика резким движением сложила веер. Она больше не удивлялась, что архиепископ доверился своему толстому племяннику. Несмотря на разницу характеров, оба родственника обладали беспримерным честолюбием.

Ставни в библиотеке были закрыты, поэтому там царил полумрак, в котором кто-то тихо передвигался и при виде входящих господ согнулся в низком поклоне.

— Надо же! Что вы здесь делаете, мастер Клеман? — В голосе графа звучало удивление. — Никто не имеет права входить в библиотеку без моего разрешения, но я не припоминаю, что давал вам ключ.

— Нижайше прошу прощения у господина графа, но я всегда лично занимаюсь уборкой этой комнаты, поскольку не могу доверить заботу о столь ценных книгах неповоротливым слугам.

Дворецкий поспешно схватил тряпку, щетку, приставную лестницу и удалился, продолжая отвешивать поклоны.

— Определенно, — вздохнул монах, — я был готов к тому, что увижу здесь весьма странные вещи: женщину в лаборатории, слугу в библиотеке, прикасающегося своими нечистыми руками к гримуарам¹, в которых содержатся бесценные знания!.. Не могу не засвидетельствовать, что ваша репутация не преувеличена! Давайте же посмотрим, что стоит у вас на полках.

Монах сразу же узнал в роскошных переплетах классические книги по алхимии: «Принцип сохранения тел или мумий» Парачельса, «Алхимия» Альберта Великого, «Герметика» Германа Курингуса, «Толкование 1572 г.» Томаса Эраста и, наконец, обнаружил то, что доставило ему особенное удовольствие, — его собственную книгу «Трансмутации» Конана Беше.

Увиденное успокоило монаха, и он, преисполненный доверия к графу, последовал за ним дальше.

А Жоффрей вывел своих гостей из дворца и направился с ними к дальнему крылу здания, где находилась его лаборатория.

* * *

Подойдя ближе, они увидели черный дым, валящийся из широкой трубы, заканчивающейся медным изогнутым треугольным навершием, напоминающим клюв апокалиптической птицы. Когда они подошли совсем близко, странный аппарат с резким скрипом развернулся в их сторону и распахнул свой страшный зев, из которого вырвались клубы копоти с сажей.

Монах отпрыгнул назад.

— Это всего лишь флюгер, установленный на трубе с целью усиления печной тяги при помощи ветра, — объяснил граф.

— А в моей печи в ветреную погоду тяга падает.

— У меня все обстоит совершенно иначе, ведь я использую депрессию, создаваемую ветром.

¹ Гримуар — книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая колдовские рецепты.

— Вы смогли подчинить ветер?

— Именно. Благодаря этому вращаются крылья ветряной мельницы.

— Но на мельнице, господин граф, ветер заставляет крутиться жернова.

— Конечно, мои печи не крутятся, но воздух в них втягивается.

— Вы не можете втягивать воздух, потому что он состоит из пустоты.

— Однако вы сможете убедиться, что у меня тяга, как в аду.

Прежде чем переступить порог лаборатории вслед за Анжеликой и графом, монах трижды перекрестился. В это время чернокожий Куасси-Ба торжественно поприветствовал хозяина, подняв вверх свою кривую саблю, а затем убрал ее в ножны.

В глубине просторного зала находились две печи, раскаленные докрасна. Третья, такая же, стояла холодной. Перед печами располагались странные аппараты, сконструированные из кожи и железа, а также глиняные и медные трубы.

— Это мои кузнечные меха, я использую их для создания сильного огня. Он необходим, например, для плавки меди, золота или серебра, — объяснил Жоффрей де Пейрак.

Вдоль стен основного зала лаборатории тянулись деревянные полки. На них выстроились ряды горшков и склянок с этикетками, помеченными кабалистическими знаками и цифрами.

— Здесь я храню самые разные вещества: серу, медь, железо, олово, свинец, буру, трехсернистый мышьяк, реальгар, киноварь, ртуть, ляпис, медный и железный купорос. Напротив в стеклянных баллонах содержатся запасы олеума, неочищенной азотной и соляной кислоты. На верхних полках вы можете увидеть мои пробирки и сосуды из стекла, железа, обливной керамики, а чуть дальше — реторты и перегонные аппараты. В маленькой комнате в глубине лаборатории хранится порода с невидимым золотом, а также мышьяковые породы и различные руды, из которых при плавке можно извлечь сияющее серебро. Вот роговидное¹

¹ Это серебро встречается в природе в форме рогов. — *Примеч. авт.*

серебро из Мексики, которое я купил у испанского сеньора, побывавшего в тех краях.

— Господин граф смеется над жалкими познаниями монаха, утверждая, что эта странная материя, напоминающая воск, на самом деле хоть как-то связана с серебром. Я не вижу ничего общего.

— Вскоре я вам это докажу, — ответил Жоффрей.

Он взял большой кусок древесного угля из кучи, лежащей рядом с печью. Затем из банки на полке достал сальную свечу, зажег ее от огня печи, с помощью небольшой железной шпильки сделал углубление в угле и поместил туда кусочек роговидного серебра, которое на самом деле было полупрозрачным и отличалось грязным желто-серым цветом; добавил немного буры, не преминув сообщить, какой компонент положил, затем схватил изогнутую медную трубку, поднес ее к свече и дунул, искусно направив пламя к крошечному отверстию, заполненному двумя веществами. Они расплавились, увеличились в размере и изменились в цвете, затем в углублении появилось несколько металлических гранул, и когда граф еще раз дунул на них, они расплавились и превратились в одну блестящую каплю.

Жоффрей погасил пламя и кончиком ножа вытащил из угля маленький сверкающий слиток.

— Вот расплавленное серебро, которое я извлек прямо на ваших глазах из странной на вид породы.

— Таким же образом происходит трансмутация золота?

— Я не совершаю никаких трансмутаций; все, что я делаю, — это извлекаю драгоценные металлы из руд, которые их уже содержат, но не в чистом виде.

Казалось, монах не поверил ни единому слову. Он раскашлялся и огляделся вокруг.

— А что это за трубы и заостренные ящики?

— Это трубопровод для подачи воды, обустроенный по китайской методике: он нужен для промывки и добычи золота из песка при помощи ртути.

Качая головой, монах осторожно приблизился к пофыркивающей печи, в которой находилось несколько раскаленных докрасна тиглей.

— Я вижу перед собой великолепную установку, — начал Беше, — но не вижу ничего, что хотя бы отдаленно напоминало атанор¹, «тигель вечной жизни», или знаменитый «дом цыпленка мудреца».

Пейрак едва не задохнулся от смеха, затем, успокоившись, извинился перед гостем:

— Простите, святой отец, но моя последняя коллекция этой высокочтимой чепухи была разрушена взрывом гремучего золота, и архиепископ как раз оказался свидетелем сего прискорбно-го происшествия.

На лице Беше появилось почтительное выражение:

— Монсеньор действительно говорил мне об этом. Так, значит, вы умеете производить нестойкое золото, которое взрывается?

— Я не хочу ничего от вас скрывать, поэтому скажу, что умею изготавливать даже гремучую ртуть.

— Но философское яйцо?..

— Оно у меня в голове!

— Вы богохульствуете! — взволнованно закричал монах.

— Что это еще за история с цыпленком и яйцом? — изумилась Анжелика. — Мне ее никто никогда не рассказывал.

Беше смерил графиню презрительным взглядом. Но видя, что граф де Пейрак с трудом сдерживает улыбку, а шевалье де Жермонтаз безудержно зевает, монах решил за неимением лучшего довольствоваться скромной аудиторией в лице молодой женщины.

— Философское яйцо является герметическим сосудом, в котором совершается «Великий опыт», — сообщил священник,

¹ Алхимическая печь, в которой постоянно горит огонь. В средневековых трактатах по оккультным наукам можно видеть ее изображение в виде обычной круглой печи или горна с топкой внизу, трубой и алхимическими колбами наверху. — *Примеч. пер.*

буравя взглядом простодушно взирающую на собеседника Анжелику. — Философское яйцо — это средоточие первичной материи: чистого золота (Солнце) и серебра (Луна), к которым необходимо добавить ртуть (Меркурий). Именно в философском яйце алхимик подвергает эту материю воздействию то уменьшающегося, то увеличивающегося огня, Вулкана. Подобные манипуляции при оплодотворяющей мощи Венеры способствуют процессу рождения, в частности рождения видимой регенерирующей сущности. То есть из философского яйца вылупляется философский камень, который алхимики именуют «цыпленком». Все реакции в яйце происходят в строгом порядке, что позволяет ученому следить за созданием материи. Необходимо уделять особое внимание трем цветам: черному, белому и красному, которые указывают на последовательное разложение, испарение и покраснение философского камня. Короче, происходит чередование смерти и воскрешения, через которые, согласно древнейшей философии, должна пройти любая произрастающая сущность, дабы возродиться. Мировой дух, непременный посредник между душой и универсальным телом, — важнейший элемент зарождения всего сущего, и он призван вдохнуть жизнь в четыре основополагающих элемента природы. И дух этот таится в золоте, но, увы, остается неактивным, потому что заперт в нем. И задача мудреца — его высвободить.

— И что же вы делаете, отец мой, чтобы освободить этот дух, являющийся основой всего сущего, но, увы, запертый в золоте? — тихо спросил граф де Пейрак.

Но алхимик не заметил насмешки в его словах. Откинув голову назад, он упивался своей давнишней мечтой.

— Для того чтобы высвободить дух, необходим философский камень. Но и этого недостаточно. Процессу надо дать импульс с помощью специального порошка, инициирующего феноменальное явление, которое сможет превращать в *чистое золото все на свете*.

Несколько секунд Беше молчал, погрузившись в собственные мысли.

— После долгих лет опытов и исследований я могу сказать, что добился определенных результатов. Так, смешав философскую ртуть, олицетворяющую женское начало, с золотом, олицетворяющим мужское начало, — отмечу, что я брал самое чистое листовое золото, — я поместил эту смесь в атанор, или «дом цыпленка мудреца», в святилище, дарохранилищницу, которой должна быть оборудована лаборатория каждого алхимика. Это философское яйцо, представляющее собой герметично запечатанную реторту совершенной овальной формы, дабы из него не улетучилась никакая материя, я поставил в миску, наполненную золой, и убрал ее в печь. С этого момента ртуть своим собственным жаром и внутренней серой, пробужденной огнем, который я постоянно поддерживал в печи, регулируя необходимую температуру, сумела незаметно растворить золото и превратить его в первичные элементы. Через шесть месяцев я получил черный порошок, который назвал «химическим мраком». При помощи этого порошка мне удалось превратить некоторые части предметов из обычного металла в чистое золото, но, увы, жизненный росток моего «*rigum aurum*»¹ был еще слишком слаб и я не смог превратить в золото весь предмет целиком!

— Но, разумеется, вы пытались укрепить этот чахнувший росток? — поинтересовался Жоффрей де Пейрак, в глазах которого плясали озорные огоньки.

— Да, и дважды мне казалось, что я близок к цели. В первый раз я поступил следующим образом: в течение двенадцати дней экстрагировал в навозе сок пролесника, портулака и чистотела. Получившийся продукт я подверг дистилляции, в результате чего получил красную жидкость. Ее я снова поместил в навоз. В жидкости завелись черви, которые пожирали друг друга до тех пор, пока не остался только один. Этого единственного червя я кормил тремя уже упомянутыми растениями до тех пор, пока он не стал очень крупным. Затем я его сжег, перетер пепел

¹ «Чистое золото» (*лат.*).

и смешал порошок с купоросным маслом, добавив туда порошок «химического мрака». Но, увы, от этого он не стал более действенным.

— Фу! — с отвращением прокомментировал эту речь шеваље де Жермонтаз.

Анжелика бросила озадаченный взгляд на мужа, но граф оставался бесстрастным.

— А во второй раз? — спросил он.

— Второй раз в моей душе затеплилась величайшая надежда. Это случилось после того, как один путешественник, переживший кораблекрушение и нашедший приют на необитаемом острове, вручил мне щепоть земли, на которую, как он уверял, никогда не ступала нога человека. Действительно, ученым известно, что «девственная земля» содержит в себе зародыш или росток металлов, то есть настоящий философский камень. Но эта щепоть земли наверняка не была воистину девственной, — с жалким видом закончил повествование ученый монах, — потому что я не добился тех результатов, на которые рассчитывал.

Теперь и Анжелика с трудом сдерживала смех. Несколько поспешно, чтобы скрыть неуместное веселье, она спросила:

— Но вы сами, Жоффрей, разве не рассказывали мне, что после кораблекрушения провели какое-то время на пустынном острове, окутанном туманами и покрытом льдами?

Монах Беше вздрогнул, в его глазах появился лихорадочный блеск, и священник схватил графа де Пейрака за плечо.

— Волею случая вы были занесены на неизвестную землю? О, я знал это, я подозревал! Следовательно, вы один из тех людей, о которых упоминается в герметических рукописях, один из тех, кто вернулся с «самого края земли», оттуда, «где грохочет гром, дует ураганный ветер, а с небес низвергается дождь и град. Именно в этом месте можно обрести то, что ищешь».

— Ваше описание частично совпадает с тем, что я видел на острове, — беззаботно заявил граф. — Скажу больше, я даже обнаружил там огненную гору, возвышающуюся среди льдов,

которые оказались мне вечными. И ни одного жителя. Я оказался в прибрежных районах Огненной Земли и был спасен моряками с португальского парусника.

— Я готов отдать свою жизнь и даже свою бессмертную душу за одну щепоть этой девственной земли! — воскликнул Беше.

— Увы! Вынужден признаться, святой отец, что я даже не подумал о том, чтобы захватить с собой эту щепоть.

Монах смерил собеседника мрачным, подозрительным взглядом, и Анжелика поняла, что он не поверил графу.

Взгляд ее светлых глаз поочередно останавливался на каждом из трех мужчин, стоявших перед ней среди странных декораций из пробирок и колб. Прислонившись к одной из кирпичных опор печи, Жофfrey де Пейрак, Великий Лангедокский Хромой, с высокомерной иронией поглядывал на своих гостей. Он даже не пытался скрыть, что не испытывает ни малейшего уважения ни к старому Дон-Кихоту от алхимии, ни к его разукрашенному бантами Санчо Пансе.

На фоне этих двух гротескных персонажей муж показался Анжелике столь великим, столь свободным и необыкновенным человеком, что у нее защемило сердце.

«Я боюсь, — внезапно подумала она. — Я боюсь. Ах! Как бы они не причинили ему зла. До тех пор... До тех пор...»

Смушенная этой мыслью, она не осмеливалась ее закончить: «До тех пор, пока он не сожмет меня в объятиях».

* * *

Утром, войдя вместе с графом в дворцовую библиотеку, Анжелика снова обнаружила там Клемана Тоннеля, который был занят тем, что самым тщательным образом записывал на воощенной дощечке названия книг, выстроившихся на полках. Как и в первый раз, когда его неожиданно застали в этом помещении, дворецкий смутился и попытался спрятать дощечку и стилос.

— Вот так штука! Кажется, вы не на шутку увлеклись латынью! — воскликнул де Пейрак, который выглядел скорее удивленным, нежели разгневанным.

— Я всегда тянулся к знаниям, господин граф. Мечтал стать помощником нотариуса и поэтому счастлив служить в доме не только знатного вельможи, но и большого ученого.

— Сомневаюсь, что мои книги по алхимии помогут вам поднатореть в вопросах юриспруденции, — сказал Жоффри, хмуря брови. Ему никогда не нравился этот двуличный слуга, который был единственным человеком из всей челяди, к кому граф обращался на «вы».

Когда дворецкий удалился, раздосадованная Анжелика заметила:

— Я не могу пожаловаться на Клемана, он исправно несет службу, но при этом, сама не знаю почему, его присутствие в доме все больше и больше тяготит меня. Когда я на него смотрю, мне кажется, что он напоминает мне о чем-то неприятном; но ведь я сама привезла его из Пуату.

— Ба! — ответил граф, пожимая плечами. — Конечно, ему недостает скромности, но его страсть к «знаниям» не слишком меня волнует, во всяком случае до тех пор, пока ему не вздумается заглянуть ко мне в лабораторию.

Но тревога не оставляла Анжелику, и еще не раз в течение дня перед ее глазами возникало изрытое мелкими оспинами лицо дворецкого.

Вскоре после этого Клеман Тоннель попросил у хозяев отпуск, чтобы съездить в Ньор и уладить вопросы наследства. «Кажется, он никогда не получал наследства», — подумала Анжелика. Она припомнила, что по этой же причине дворецкий оставил и предыдущее место службы. Мастер Клеман обещал вернуться через месяц, но глядя на то, как тщательно он седлает лошадь, Анжелика вдруг решила, что нескоро увидит его угодливую физиономию.

Жизнь в Тулузе была такой насыщенной, что Анжелика почти не замечала, как бежит время.

Однако после отъезда Клемана Тоннеля она вдруг ощутила безотчетное желание вновь повидать Монтелу и его обитателей.

Впрочем, по отцу Анжелика почти не скучала: она до сих пор таила обиду на него и не могла простить за то, что он так легко согласился на ее брак. Братья и сестры разъехались, тетушки наверняка стали еще более сварливыми и болтливыми, а кормилица — еще более властной. Анжелика невольно вспомнила о Николя. После ее свадьбы он исчез из Монтелу.

Поразмыслив над тем, почему же ее так тянет в родные края, Анжелика поняла, что больше всего ей хочется вернуться в замок Плесси и удостовериться, что пресловутая шкатулка с ядом все еще лежит в тайнике одной из декоративных башенок дворца. Она не могла просто так оттуда исчезнуть. Чтобы найти ее, следовало разрушить все здание.

Почему событие давно минувших лет внезапно так ее беспокоило? Все заговоры и интриги той смутной эпохи остались в прошлом. Монсеньор Мазарини, король и его брат живы и здоровы. Месье Фуке получил власть, не прибегнув к убийствам. И разве все не говорят о том, что в скором времени Людовик простит мятежного принца Конде?

Анжелика выбросила из головы глупые страхи и забыла о них.

Глава 12

Дверь, ведущая к небесам

В тот вечер сияла безупречно круглая луна. Ее серебряный диск, просвечивающий сквозь листву деревьев, поднимался все выше и выше.

Анжелика стояла на террасе, прислонившись к одной из колонн, и никак не могла заставить себя отправиться спать. Небывалая жара спала, и ночная прохлада побуждала заняться делами, которым мешал дневной зной.

В этот час дворец превратился в остров тишины.

Таинственный остров, и Анжелика с графом де Пейраком были его единственными обитателями.

Минувший день выдался насыщенным и даже утомительным. В течение нескольких последних недель город будоражили слухи — правда, ничем не подтвержденные, — что вскоре во дворце Веселой Науки начнутся знаменитые Суды любви, которые Анжелика всегда считала легендой из далекого Средневековья.

И вот несколько дней назад, в самом конце обеда, граф де Пейрак официально объявил о предстоящем празднике, назвав его датой. К счастью, речь шла не о следующем дне, но надлежало немедленно начинать приготовления.

В тот же день состоялось собрание, на котором по просьбе мужа присутствовала и Анжелика. И вот план намечен, решения приняты. Неизвестно откуда возникшая толпа секретарей составила и написала тексты приглашений, и тотчас же по всей провинции

полетели конные гонцы, напоминавшие проворных вестовых главнокомандующего, уполномоченные доставить письма гостям. Расторопные слуги спешно отпирали комнаты — Анжелика до сих пор не могла назвать точное количество спален, имеющих в дворце, — убрали их, вешали на стены картины и роскошные gobelены, проверяли мебель и, если требовалось, чинили ее. В общем, челядь в поте лица готовила комфортабельные спальни для тех, кто в дни увеселений почтит своим присутствием дворец Веселой Науки.

Обычай требовал, чтобы все, кто способствовал успеху этого радостного досуга, — и гости, и слуги — были щедро вознаграждены.

Анжелика, несколько ошарашенная размахом готовящегося мероприятия, заинтересовалась у своей подруги Аделаиды де Лиль, как проходят Суды любви.

Сколь же велико было ее удивление, когда она услышала, что эта частая гостя дворца Веселой Науки никогда их не посещала.

— Приезжает слишком много людей, с которыми мы незнакомы. Это друзья месье де Пейрака, которые не имеют удовольствия постоянно наслаждаться его обществом, как делают жители Тулузы. И поэтому мы уступаем место тем, кто живет в глуши, вдали от светских развлечений, и предпринимает небезопасное путешествие, сравнимое с путешествием на Киферу¹. Эти люди не желают быть узанными, поэтому чем меньше народа их увидит, тем лучше. В первый вечер, на грандиозном балу, организованном в честь открытия праздника, многие гости появляются в масках. Никто никого не представляет. Кто захочет, назовется сам.

Аделаида добавила, что будет много музыки, танцев, песенных и поэтических турниров, галантных бесед и коллоквиумов, посвященных любви.

¹ Кифера, или Китира, — остров в Эгейском море, считается одним из главных культовых центров Афродиты. — *Примеч. пер.*

Анжелика удивилась.

— Вы так подробно и восторженно описываете все очарование этого мероприятия и при этом утверждаете, что никогда на нем не присутствовали?

— Я слишком робка, — призналась молодая женщина после минутного колебания. — А еще слишком привязана к моему духовнику. Он человек суровый, но заботится о моей душе. Я скорее умру, чем признаюсь ему, что принимала участие в Судах любви, даже если буду развлекаться лишь в обществе добрых друзей. Мой духовник считает подобные сборища греховными, ведь на них присутствуют только «посвященные», которые кажутся ему подозрительными.

Еще одна подруга Анжелики, «жеманница» Мод де Мазабран, сказала, что не посещает Судов любви, поскольку так рекомендовал ей супруг, городской капитул. Он полагает, что от ее участия в одном из этих праздников может пострадать ее репутация, особенно если об этом узнают в высшем обществе.

— В каком высшем обществе? — удивилась Анжелика.

Мод де Мазабран призналась, что ей самой это неизвестно и, скорее всего, ее супругу-капитулу тоже.

В этом королевстве все так нестабильно.

Целесообразно ли предпринимать попытки войти в окружение слабого монарха (а у королевы-регентши репутация святоши)? Или, быть может, разумнее примкнуть ко двору дяди короля, Гастона Орлеанского, вечного мятежника, который все-таки является правителем Лангедока?

Но все ее сомнения никоим образом не связаны с готовящимися торжествами. О них мадам де Мазабран тоже отзывалась лишь в превосходной степени.

В этой предпраздничной суматохе граф де Пейрак мимоходом обратился к Анжелике:

— Вы встревожены? Не переживайте по пустякам! Все будет хорошо. Дворец Веселой Науки привык распахивать свои двери тем, кто любит веселье, и сюда придут только такие люди. Ведь речь идет о празднике и любовных встречах.

— До меня дошли слухи, что некоторые считают подобные мероприятия сборищем «посвященных».

Юная графиня увидела, как граф сначала изумленно нахмурил брови, а затем его лицо расплылось в насмешливой улыбке.

— «Посвященных»? А что, по вашему мнению, означает это слово?

— Этого я не знаю, — призналась Анжелика, — но... Я беспокоюсь за вас!

Глаза графа лучились весельем.

— Боже Всевышний! Как мне это нравится! Вы за меня беспокоитесь!

Казалось, от Жоффрея исходит ласковое, успокаивающее сияние.

— Ничего не бойтесь! Вы будете самой красивой и станете королевой праздника. Что касается ваших стыдливых подруг...

Смеясь, он направился прочь, напоследок крикнув:

— Они придут в масках!

Этот случай напомнил Анжелике о первых месяцах ее пребывания в Лангедоке, когда она была гораздо смелее и получала больше удовольствия от жизни.

Как она желала вернуть то беззаботное время, то необыкновенное волнение, которое она испытывала сразу после приезда в Тулузу! Она с головой окунулась в новую, доселе незнакомую жизнь, которая была словно создана для нее. Анжелика последовательно переживала стадии удивления, привыкания, очарования и пыталась разгадать, что скрывает, что обещает ей взгляд Жоффрея, когда сталкивается с ее взглядом.

Он вернулся, и она снова попала в плен его чар. Но была ли она свободна от них в его отсутствие?

* * *

И вот сейчас ее окружала безмолвная, пустынная ночь.

Он был там, наверху.

Совсем один, исполненный невероятной силы.

Анжелика догадывалась, что ее муж вглядывается в невидимый мир, мчится сквозь пространства к волнующим открытиям, на которые могут отважиться редкие смельчаки, к которым смеют прикоснуться только необыкновенные люди. И Жоффрей увлекал ее за собой, манил лучом света, связал прочной золотой нитью, потому что она была его пленницей.

Анжелика стала вспоминать, как кормилица, давая волю своему воображению, рассказывала ей об этом таинственном месте.

Она говорила о спрятанных трупах и о семейном демоне, который служит графу и помогает ему завоевывать женщин. Какие глупости!

И все же в ее душе крылась смутная тревога, связанная то ли с этим мнимым демоном, то ли с упоминанием о якобы совершенных здесь преступлениях, зловещее эхо которых все еще разносилось по окрестным местам.

Пришло время отогнать навязчивые идеи.

Здесь ее дом.

Анжелика хотела знать все.

* * *

Она стала подниматься.

Она шла по прекрасным изящным лестницам, осиянным серебром лунного света, проникающего отовсюду: из окон, из лоджий, из галереи с арочными пролетами.

Три, четыре этажа.

А наверху, как она и ожидала, была открыта дверь таинственной комнаты.

Казалось, в ее недрах рождается призрачный голубой свет.

Анжелика дошла до порога.

Комната была очень просторной, с высоким, почти невидимым потолком. Утопающее в темноте помещение переходило в террасу, которая, скорее всего, являлась частью дворцовой крыши.

Но саму террасу Анжелика разглядеть не могла, потому что весь широкий открытый дверной проем был заполнен бархатным

занавесом небес, на котором сияла луна, усиливая глубокий иссиня-черный цвет ночи. Мрак, царивший в комнате, был таким непроглядным, что казалось, будто единственный свет исходит от самой ночи, рождается в ее бездонной глубине, похожей на плотную и мягкую ткань, пронизанную всеми солнцами Вселенной.

Безмолвная богиня Ночь все вокруг подчинила своей власти, баюкая спящих людей.

Только Луна, такая близкая и знакомая, рассеивала непроглядную тьму, обводя тонкой светящейся кистью очертания предметов и мебели. Она посеребрила столы, заваленные книгами, атласами и другими более странными, удивительными вещами: кабалистическими таблицами, тускло мерцающими зубчатыми колесами, астроблябиями, планисферами...

И в комнате находился один-единственный человек — хозяин этого странного места.

Как уже бывало, Анжелика сначала не узнала Жоффрея де Пейрака, решив, что видит незнакомца.

Граф стоял, прильнув к большому телескопу, и она смотрела сбоку на его лицо, не искаженное безобразными шрамами. Лунный свет выгодно подчеркивал строгость и четкость линий чеканного профиля, ласкал высокий лоб, свидетельствующий о силе ума и величии нрава, освещал прямой нос с едва заметной горбинкой и плотно сжатые губы. Жоффрей был поглощен исследованиями. Он откинул назад тяжелую гриву волос и стал словно моложе — ведь именно с такой небрежностью отбрасывают шевелюру пыльные юноши. Щека с резко очерченной скулой, бледный, затененный висок.

Но вот граф оторвался от телескопа, поднял голову — и прекрасный профиль исчез, уступив место грубому израненному лицу. В зависимости от настроения глаза Жоффрея то пылали неистовым огнем, то лучились ласковым теплом, и с помощью взгляда месье де Пейрак давал понять собеседнику, какие чувства обуревают его в данную минуту — гнев или радость. Порой же он смотрел совершенно невозмутимо, умело скрывая от окружающих все свои мысли и эмоции.

Именно таким взглядом он окинул Анжелику, застывшую в дверном проеме.

Она остановилась на пороге, потому что больше не могла сделать ни шагу.

Наконец раздался такой прекрасный, такой мелодичный и такой спокойный голос ее мужа:

— Вы пришли, мадам!..

Он не спрашивал, он констатировал факт.

Слова гулким эхом разлетелись по комнате. Анжелика прислонилась к дверному косяку. Она боялась, что бросится к графу, словно птица, привлеченная дудочкой птицелова.

— И что вы надеялись здесь обнаружить?

Анжелика пожирала глазами эту чудесную комнату, отрезанную от всего остального мира ночной тишиной, комнату, наполненную сокровищами, среди которых в свете луны сверкали деревянными лакированными боками и драгоценным орнаментом инструменты ученого.

И юная графиня ответила:

— Дух Галилея.

Если бы в эту секунду Анжелика смотрела на лицо мужа, то увидела бы улыбку, сотканную из искренней радости, удивления и восхищения.

Но уже через мгновение лицо Жоффрея вновь стало непроницаемым.

Он следил за тем, как взглядом, исполненным не только обычного любопытства, но и искреннего восторга, Анжелика разглядывает помещение, переводя глаза с бездонного небесного свода на невероятные декорации комнаты, в которой он работал.

Жоффрей отлично видел, что этот взгляд намеренно избегает его самого, но в ту секунду это не волновало графа: он был охвачен страстью, вызванной ее появлением, ее красотой и пьянящей женственностью. И ему стоило невероятных усилий оставаться неподвижным.

Когда он заговорил снова, его голос звучал тише и глуше.

— Чего же вы хотите? Чего желаете?

— Заглянуть в это странное приспособление, благодаря которому великий ученый Галилей смог увидеть лунные горы.

Излагая свою просьбу, Анжелика отважно подняла взгляд на мужа — и похолодела, увидев, какими суровыми стали его темные глаза. Жоффрей ответил, и в его голосе не было ни злости, ни насмешки.

— Нет! *Не сейчас!* Потому что прежде я должен познакомить вас с удивительным миром, таящим в себе большие тайны, чем луна и звезды.

— Но что может быть удивительнее, чем небесный свод?

— ЛЮБОВЬ.

Услышав это слово, произнесенное нежным и уверенным голосом, Анжелика испытала такое потрясение, что чуть было не лишилась чувств и едва не бросилась в его объятия. Вот каким оно было, колдовство комнаты с золотым замком.

Но она не могла избавиться от ощущения, что Жоффрей заманивает ее, чтобы подчинить, пленить... Поэтому Анжелика сделала шаг назад, вышла из комнаты и направилась к лестнице.

Спускалась она очень медленно: ноги стали ватными.

Оказавшись в спальне, графиня увидела свое отражение в зеркале: широко распахнутые глаза, рука лежит на сердце — таким жестом юных дворянок учили выражать некоторые эмоции, например внезапное волнение или удивление. Такой глупый и смешной жест, который должен был обозначать и страх, но дамы из высшего общества никогда не должны попадать в ситуации, когда страх заполняет все их естество, заставляя принимать столь вульгарные позы. Супруга родовитого сеньора обязана, как и ее муж, олицетворять собой спокойствие и уверенность, она должна искоренить в себе такие отвратительные чувства, как страх. Знатное происхождение позволяет дворянке проявлять только мужество.

Однако, быть может, это не страх... Не только страх... заставляет так неистово биться ее сердце?

Она была вынуждена признать, что в данную секунду переживает совершенно иной, ранее незнакомый ей ужас.

Так и застыв с расширенными глазами, неспособная даже пошевелиться, Анжелика прислушивалась к собственной душе, наполненной самыми противоречивыми и доселе неизведанными ощущениями. Припомнив, каким суровым взглядом смерил ее Жофfrey, она вновь ощутила этот новый и безотчетный страх. Неужели она потеряет его, даже не успев назвать своим? Они поменялись ролями.

Нет! Это невозможно!

То, что возникло между ними, нельзя уничтожить!..

И она представила огромное небо, в объятия которого так хотела упасть, слабея от головокружения, повинувшись сумасшедшему, сладостному полету, умирая от восторга. И это небо будет соткано из его рук, его губ, его поцелуев и прикосновений.

Побежденная Анжелика со всей ясностью осознала открывшуюся ей правду:

— Если это и называется «любить»... Если это именно то самое... В таком случае да, я его люблю!..

Глава 13

Суды любви. — Счастье

— Любовь, — говорил Жоффрей де Пейрак, — искусство любви, умение любить — ценнейшее качество, которым в полной мере наделена наша нация. Я много путешествовал, побывал в самых разных странах и понял, что это распространенное мнение. Так возрадуемся, господа, и вы, милые дамы, возгордимся нашими умениями, но не будем забывать и об осторожности. В мире мало вещей более непрочных, чем подобная репутация, и она испарится как дым, если ее не поддержит чуткое сердце и умелое тело.

Граф склонил голову, и на его лице в угольно-черной бархатной маске, обрамленном густой шевелюрой, сверкнула лукавая улыбка.

— Вот почему мы собрались во дворце Веселой Науки. Впрочем, я не призываю вас вернуться в прошлое. Конечно, я не могу не вспомнить о непревзойденном мэтре искусства любви, который некогда пробудил сердца людей ото сна и вдохнул в них любовное томление, но не стану отрицать, что и последующие века подарили нам много полезного. Они научили нас, как вести галантные беседы, развлекать собеседников, блистать умом, а также уделять внимание более простым, земным наслаждениям, которые, однако, тоже обладают особой значимостью, — отменной еде и изысканному питью, потому что все это вместе и настраивает нас на правильный любовный лад.

— Ха! Ваше последнее высказывание мне особенно по нраву! — выкрикнул шевалье де Жермонтаз. — Чувства, фу! Я съедаю

полкабана, трех куропаток, шесть цыплят, осушаю одним глотком бутылку вина из Шампани и — давай-ка в постель, красавица!

— А когда красавица зовется мадам де Монмор, то она может добавить, что вы умеете очень громко храпеть... Но это и все, что вы умеете делать в постели.

— Она рассказала вам об этом? О! Предательница! Хотя однажды вечером я и вправду слишком отяжелел...

Взрыв всеобщего смеха прервал изливания толстого шеваляе, который, делая хорошую мину при плохой игре, приподнял серебряную крышку одного из блюд и схватил двумя пальцами куриное крылышко.

— Что касается меня, то когда я ем, то уж ем. И не равняюсь на вас, пытающихся свалить все в одну кучу и добавить изысканность туда, где ей вовсе не место.

— Грубый боров, — тихо, но отчетливо произнес граф де Пейрак. — С каким удовольствием я смотрю на вас! Вы олицетворяете все то, что мы стремимся искоренить из нашего поведения, все то, что мы ненавидим. Взгляните, господа и милые дамы, — перед вами потомок варваров, тех самых крестоносцев, которые, исполняя волю своих епископов, пришли сюда и зажгли тысячи костров между Альби, Тулузой и По. Они так яростно завидовали нашему благодатному краю, где всегда воспевалась любовь к Прекрасной Даме, что сожгли его дотла и превратили Тулузу в город нетерпимости и подозрительности, в город с жестокими глазами фанатика. Ни в коем случае нельзя об этом забывать...

«Ему не следовало бы вести подобные речи», — подумала Анжелика.

Гости смеялись, но графиня заметила, как глаза многих присутствующих зажглись недобрый огнем.

Можно было подумать, что этим вечером Жоффрей де Пейрак стремился разжечь злость в сердцах людей, но двигала им отнюдь не фанатичная любовь к родной провинции, а нетерпимость к ограниченности мышления, грубости и глупости.

Граф сидел на другом конце стола, и Анжелика хорошо видела его темно-красный бархатный наряд, усыпанный бриллиантами.

Черная маска и темные волосы выгодно оттеняли снежную белизну высокого воротника из фламандских кружев, такие же кружева красовались на манжетах, из-под которых виднелись длинные, тонкие подвижные пальцы, унизанные перстнями.

Сама Анжелика облачилась в белое платье, которое напомнило ей о дне свадьбы. Как и тогда, во дворце за двумя большими столами, накрытыми в галерее второго этажа, собрались самые знатные вельможи Лангедока и Гаскони. Но сегодня в этом блестящем обществе не было ни стариков, ни духовных лиц. Теперь Анжелика поименно знала каждого гостя и заметила, что большинство окружавших ее этим вечером пар не состояло в законном браке. Так, д'Андижос привел на ужин свою любовницу, пылкую парижанку. Мадам де Сожак, муж которой исполнял обязанности магистрата в Монпелье, нежно склонила темную головку на плечо капитана с русыми усами. Несколько кавалеров, явившихся в одиночестве, подсади поближе к отважным и независимым дамам, решившимся прийти на знаменитые Суды любви в одиночестве.

Эти роскошно одетые мужчины и женщины казались воплощением молодости и красоты. В свете факелов и свечей золото и драгоценные камни переливались всеми цветами радуги. Окна большого зала были распахнуты настежь, и в комнату заглядывал еще один гость — теплый весенний вечер. Чтобы избавиться от комаров, в курительных плошках жгли фимиам и сухие листья мелиссы, и пьянящий запах дыма примешивался к терпкому аромату вина.

Анжелика по-прежнему чувствовала себя неуместной в столь блистательном обществе — полевой цветок, случайно попавший на клумбу с розами.

Между тем сегодня она была еще прекраснее, чем обычно, а ее манерам позавидовали бы самые знатные придворные дамы.

Рука юного герцога де Фабра Ганжского робко коснулась обнаженной руки графини де Пейрак.

— Как горько сознавать, мадам, — прошептал он, — что вы принадлежите такому человеку! Сегодня вечером я не могу отвести от вас глаз.

Анжелика легонько ударила кончиком веера по слишком шаловливым пальцам.

— Не спешите применять на практике то, чему вас здесь учат. Старательно слушайте наставления умудренных опытом людей: «У слишком торопливого косаря все сено разлетается». Разве вы не заметили, что у вашей соседки справа очаровательные розовые щечки и милый вздернутый носик? Позволю себе заметить, что эта вдовушка мечтает о том, чтобы кто-нибудь утешил ее после смерти очень старого и очень брюзгливого мужа.

— Благодарю за советы, мадам.

— «Новая любовь вытесняет старую», — утверждает мэтр Андре Капеллан.

— Я готов следовать любому наставлению, слетевшему с ваших бесподобных губ. Позвольте облобызать ваши пальцы, и я обещаю, что займусь безутешной вдовушкой.

* * *

В то же время на другом конце стола разгорелся нешуточный спор между Сербало и месье де Кастель-Жалонем.

— Я беднее последнего нищего, — жаловался Кастель-Жалон. — Не стану скрывать, что мне пришлось продать арпан¹ моих виноградников, чтобы купить себе достойный наряд и появиться на этом празднике. Однако я все так же утверждаю, что мне не требуется богатство, чтобы быть любимым.

— Вашей любви недостает изысканности. Более того, такая любовная идиллия будет напоминать идиллию простолюдина, одной рукой ласкающего бутылку, а другой — свою подружку и при этом с грустью думающего о тех жалких су, которые он заработал тяжким трудом и с которыми будет вынужден расстаться, расплачиваясь и за вино, и за подружку.

— А я утверждаю, что чувства...

— Чувства не могут расцвести в нищете...

¹ Арпан — старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м.

Жофfrey де Пейрак, смеясь, протянул руки к спорящим.

— Мир, господа, мир. Давайте послушаем великого мэтра былых эпох, чья гуманная философия поможет нам закончить спор. Вот какими словами начинается трактат «О любви»: «Любовь аристократична. Чтобы посвятить себя любви, следует избавиться от забот о хлебе насущном, нельзя допускать, чтобы они давили на нас, заставляя считать каждый час каждого дня». Следовательно, господа, будьте богаты и одаривайте драгоценностями вашу ненаглядную красавицу. Огонь, разгорающийся в женских глазах при виде украшений, очень быстро превращается в огонь любви. Лично я обожаю взгляд, который бросает на свое отражение в зеркале роскошно наряженная женщина. Дамы, не протестуйте, не будьте лицемерками. Неужели вы сможете полюбить того, кто пренебрегает вами и не пытается сделать вашу красоту еще более яркой?

Дамы засмеялись и начали перешептываться.

— Но я беден! — жалобно воскликнул Кастель-Жалон. — Пейрак, не будь таким жестоким, верни мне надежду!..

— Стань богатым!

— Легко сказать!

— Тот, кто хочет, всегда найдет способ добиться желаемого. По крайней мере хотя бы не скупись. «Скупость — самый страшный враг любви». Если ты нищий, то транжирь свое время, будь щедрым на подвиги, совершай тысячу безумств, а главное — смейся. «Тоска — червь, подтачивающий древо любви». Разве я не прав, милые дамы, разве вы не предпочтете чопорному ученому веселого шута?.. Но напоследок я тебя утешу и скажу следующее: «Лишь самый достойный заслуживает любви».

«Как прекрасен его голос, как он красноречив», — подумала Анжелика.

Поцелуй юного герцога до сих пор жег ей пальцы. Послушный ее совету, молодой человек отвернулся от хозяйки дома и теперь склонился к розовощекой вдовушке. Анжелика сидела совсем одна и поверх длинного стола сквозь синеватый дымок курильниц смотрела на графа в красном наряде. Видел ли он ее? Бросил ли из-

под маски, закрывавшей его лицо, хоть один призывный взгляд на собственную жену? Или она безразлична ему и он, как и положено истинному эпикурейцу, беззаботно наслаждается словесной игрой?

— Вы знаете, я несколько озадачен, — внезапно воскликнул молодой герцог де Фабр Ганжский, приподнимаясь со своего места. — Я впервые присутствую на Судах любви и признаюсь, что питал надежду услышать об изысканном распутстве, а не о строгости нравов. «Лишь самый достойный заслуживает любви». Неужели мы должны стать святыми, чтобы завоевать сердца наших дам?

— Упаси вас Боже, герцог, — рассмеялась молодая вдова.

— Серьезное заявление, — вступил в разговор д'Андижос. — Вы хотели бы увидеть нимб над моей головой, дражайшая?

— Конечно нет.

— С чего вы решили, что достоинство измеряется святостью? — изумился Жофfrey де Пейрак. — Чтобы стать достойнейшим, надо быть безумцем, весельчаком, храбрецом, всадником, поэтом и прежде всего — собственно, этого я и жду от вас, господа, — всегда бодрым и умелым любовником. Наши отцы противопоставляли куртуазную любовь галльской, то есть любви свободной и даже низменной. А я скажу вам следующее: давайте возьмем за правило смешивать их воедино. Любить следует и душой, и телом.

Граф замолчал и через несколько мгновений продолжил более тихим голосом:

— Но не стоит презирать сентиментальную восторженность, которая, не будучи чужда плотскому желанию, возвышает его и наделяет особой изысканностью. Поэтому я считаю, что каждый, желающий познать любовь, должен принести себя в жертву трудной сердечной науке и не забывать, что рекомендует нам Андре Капеллан: «У возлюбленного должна быть только одна возлюбленная. У возлюбленной должен быть только один возлюбленный». Выбирайте себе пару, любите друг друга, а когда любовь вам наскучит, расставайтесь без сожалений; но не будьте

теми ветренными гуляками, для которых страсть становится сродни пьянству и которые желают отпить сразу из всех бокалов, превращая сад наслаждения в скотный двор. Избегайте опьянения страстью.

— Клянусь святым Севереном! — вскричал де Жермонтаз, отрываясь от своей тарелки. — Если бы вас слышал мой дядя архиепископ, он бы потерял рассудок. То, что вы говорите, так необычно. Меня никогда не учили подобным вещам.

— Вас вообще мало учили, шевалье!.. Что из сказанного мною вас так потрясло?

— Все! Вы проповедуете верность и распутство, благопристойность и плотскую любовь. И вдруг, словно с церковной кафедры, обличаете «опьянение страстью». Я посоветую дяде использовать ваши слова в своей проповеди. Уверен, что в следующее воскресенье собор будет полон.

— Мои слова содержат обычную человеческую мудрость. Любовь не терпит излишеств. Это как добрая трапеза — в ней всегда следует предпочитать количеству качество. Наслаждение перестает быть таковым, когда переходишь все мыслимые границы, ибо распутство вызывает лишь отвращение. И разве тот, кто жрет, словно свинья, и пьет, как сапожник, способен оценить всю сладость поцелуя?

— Должен ли я узнать в этом портрете себя? — с набитым ртом проворчал шевалье де Жермонтаз.

Анжелика подумала, что родственник епископа, по крайней мере, не отличается злым нравом. Но почему Жоффрею доставляет удовольствие провоцировать этого толстяка? Ведь граф не может не понимать, сколь опасен этот неприятный гость.

— Архиепископ приставил к нам своего племянника, чтобы тот шпионил, — сообщил граф супруге накануне праздника. А затем как бы между делом добавил: — Война объявлена.

— Что случилось?

— Ничего. Но архиепископ хочет заполучить тайну моего состояния, а может, и само состояние. Он не оставит меня в покое.

— Вы будете защищаться, Жоффрей?

— По мере сил. К несчастью, еще не родился на свет тот, кто сможет уничтожить человеческую глупость.

* * *

Слуги унесли подносы с едой, и в зал вошли восемь юных пажей: одни несли корзины с розами, другие — пирамиды из фруктов. Перед каждым гостем появилась тарелочка с пряными драже и различными сладостями.

— Я с радостью слушал, как легко и непринужденно вы рассуждаете о плотской любви, — сказал юный Сербало. — Только представьте себе: я безумно влюблен, однако явился на этот пир в полном одиночестве. Не думаю, что моим речам недоставало пыла, и скажу без хвастовства: порой мне кажется, что моя любовь взаимна. Но увы! Моя подруга стыдлива и целомудренна. Стоит мне позволить себе какой-нибудь смелый жест, и все последующие дни она встречает меня суровыми взглядами, держится подчеркнуто холодно. Вот уже несколько месяцев, как я кружусь в этом дьявольском хороводе: пытаюсь завоевать ее, всеми способами доказывая, сколь силен огонь моей страсти, и каждый раз теряю ее, когда совсем близок к успеху...

Злоключения влюбленного Сербало позабавили всех собравшихся. Какая-то дама сгребла юношу в охапку и с жаром прильнула к его губам. Когда шум голосов несколько поутих, слово взяла Жоффрей де Пейрак:

— Имейте терпение, Сербало, и помните, что именно девицы-недотроги могут стать истинными королевами сладострастия. Но им нужен умелый любовник, который сможет развеять их странные сомнения и заставит этих скромниц поверить в то, что нельзя путать любовь с грехом. Также опасайтесь тех девиц, которые путают любовь и брак. Я процитирую еще несколько советов великого мэтра: «Предаваясь любовным утехам, не доводи возлюбленную до пресыщения», «Даришь ли ты любовное удовольствие или получаешь его, никогда не пренебрегай некоторой стыдливостью». И наконец: «Будь всегда внимателен к желаниям дамы».

— Мне кажется, вы слишком печетесь о дамах, — заметил один дворянин, за что тут же получил от своей соседки удар веером. — Вас послушать, так нам надо бесконечно умирать у их ног.

— Так и есть, — согласилась любовница Бернара д'Андижоса. — Известно ли вам, как мы, «жеманницы» Парижа, называем наших поклонников? «Умирующие».

— Я не хочу умирать, — мрачно заявил д'Андижос. — Пусть лучше умирают мои соперники.

— Следовательно, мы должны исполнять все дамские капризы?

— Несомненно.

— Тогда они станут нас презирать...

— И будут нам изменять...

— Мы должны смириться с изменами?

— Конечно нет, — сказал Жоффрей де Пейрак. — Вызывайте соперников на дуэль, господа, и убивайте их. «Кто не знает ревности, тот не умеет любить», «Сомнения в любовнице лишь усиливают любовный пыл!»

— Этот чертов Капеллан все предусмотрел!

Анжелика поднесла к губам бокал. Вино горячило ее и вызывало желание смеяться. Она любила это время, когда трапеза подходила к концу и раскатистые голоса южан с их странным акцентом начинали напоминать звучание духового оркестра. Гости перебрасывались все более двусмысленными шутками, кто-то из дворян тянулся к шпаге, а его сосед настраивал гитару.

— Спой нам! Спой! — вдруг потребовал кто-то. — Мы хотим слышать Золотой голос королевства.

В расположенной над галереей лоджии тихо заиграли музыканты. Анжелика увидела, что веселая вдовушка положила головку на плечо юного герцога и, беря с тарелочки пастилку, тонкими пальчиками клала ее в рот кавалеру.

Они мило улыбались друг другу.

На черном бархате небес засияла луна, круглая и казавшаяся прозрачной.

Жоффрей де Пейрак сделал знак слуге, чтобы тот задул свечи. Стало совсем темно, но вскоре глаза привыкли к мягкому

сиянию месяца; голоса постепенно замолкали, и в подкравшейся тишине стали слышны лишь вздохи обнимающихся пар. Некоторые из гостей покинули свои места и отправились прохаживаться по парку или галереям, открытым приятному дуновению ночного ветерка.

— Дамы, — вновь раздался серьезный и чарующий голос Жоффре де Пейрака, — и вы, господа, почувствуйте себя во дворце Веселой Науки как дома. В течение нескольких дней мы будем есть за одним столом и вести интереснейшие беседы. Каждому из вас приготовлены отдельные апартаменты. Там вы найдете изысканные вина, пирожные и шербеты. И конечно же, удобные кровати. Если вы пребываете в мрачном настроении, то можете почитать в одиночестве, а можете пригласить в свою спальню подругу или друга на час... или на всю оставшуюся жизнь, как вам будет угодно. Ешьте, пейте, занимайтесь любовью... Но не забывайте о скромности, ведь «нельзя рассказывать всем и вся о своей любви, дабы не лишить ее привкуса тайны». И еще один совет, который я хотел бы дать дамам. Знайте, что лень — еще один из жесточайших врагов любви. На Востоке и в Африке, в тех краях, где женщина по-прежнему считается рабыней мужчины, именно ей надлежит приложить максимум усилий, чтобы доставить своему хозяину небывалое наслаждение. Вам повезло родиться в нашей цивилизованной стране, но порой вы злоупотребляете своим положением, отвечая на нашу страсть томной вялостью... напоминающей оцепенение. Научитесь дарить себя, не скупитесь на ласки, и сладострастие вознаградит вас: «Торопливый мужчина и вялая женщина — любовники, лишаящие себя удовольствия». Напоследок я позволю себе один совет из области гастрономии. Господа, не забудьте, что вино из Шампани, несколько бутылок которого охлаждается в изголовьях ваших кроватей, больше способствует мечтам, чем стойкости. Иными словами, не советую злоупотреблять им, если вы готовитесь к бою. Но никакое другое вино так не подходит для празднования победы, оно укрепит ваши силы после счастливой ночи и поддержит ваш любовный пыл. А сейчас, дамы, я прощаюсь с вами.

Граф резко отодвинул кресло, закинул на стол скрещенные ноги, взял гитару и запел. Его лицо, скрытое маской, было обращено к луне.

Анжелика чувствовала себя ужасно одинокой.

Этой ночью под сенью башни Ассеза словно феникс из пепла возрождался мир прошлого. Тулуза вновь вернула себе свою пламенную душу. Сладострастие снова правило розовым городом, и графиня, в жилах которой бурлила молодая горячая кровь, не могла остаться равнодушной к этому волшебству. Нельзя безнаказанно вести беседы о любви и даруемых ею наслаждениях, поскольку неизбежно попадешь в ласковые сети, поддашься сладкому томлению. Большинство пар уже покинуло зал. Лишь несколько влюбленных задержались у открытых окон с бокалами розового ликера в руках и нашептывали друг другу ласковые и игривые признания. Мадам де Сожак целовала своего капитана. Долгий теплый вечер, ставший еще прекраснее благодаря изысканным винам, отменным приправленным острыми пряностями яствам, музыке и цветам, подошел к концу, и дворец Веселой Науки погрузился в магию любви.

Мужчина в красном продолжал петь, но он тоже был одинок.

«Чего он ждет? — думала Анжелика. — Что я брошусь к его ногам?»

Одна эта мысль заставила ее содрогнуться, и она закрыла глаза.

В тот миг Анжелику терзали тревоги и противоречия. Еще вчера она полагала, что готова сдаться, уступить, а сегодня вечером все ее существо бунтовало против этого искушения. «Он очаровывает молодых женщин странным пением». Там, в Монте-леу, это казалось ей чудовищным, а здесь, во дворце, — чудесным. Графиня направилась к лестнице, убеждая себя, что сможет освободиться от его чар, а в следующее мгновение подумала, что этот человек — ее супруг пред Богом. Анжелика в отчаянии тряхнула головой, чувствуя себя потерянной и испуганной. Воспитанная в строгости, она робела, столкнувшись со слишком сво-

бодными нравами, потому что жила в то время, когда любая слабость влечет за собой раскаяние и угрызения совести.

Именно поэтому каждая женщина, этой ночью со стонами отдающаяся любовнику, уже завтра в слезах побежит в исповедальню и будет требовать запереть ее в монастыре и постричь в монахини, чтобы она могла искупить свои грехи. И Анжелика догадывалась, что Жоффрей де Пейрак хочет связать ее не брачными, а любовными узами.

Выйди она замуж за любого другого мужчину, Жоффрей, чтобы добиться желаемого, действовал бы теми же методами. У этого человека нет никаких представлений о морали! Уж не была ли права кормилица, утверждая, что хромой дворянин служит дьяволу?..

Ароматы дремлющих садов лишь усиливали действие хмельного вина. Но Анжелике хотелось пить еще и еще, она испытывала страшную жажду.

Спускаясь по парадной лестнице, графиня наткнулась на обнимающуюся парочку: женщина что-то очень быстро шептала, словно твердила слова жалобной молитвы. Покинув дворец, переполненный вздохами, Анжелика бродила по парку в своем белом платье. Внезапно она заметила юного Сербало, который тоже в одиночестве слонялся по темным аллеям, наверняка размышляя о тех речах, которыми он покорит свою слишком стыдливую подругу.

«Бедный Сербало! Останется ли он верен своей любви или забудет о ней ради менее жестокосердной девицы?»

Нетвердым шагом по лестнице спустился шевалье де Жермонтаз. Шумно дыша, он остановился рядом с Анжеликой.

— Чума на головы всех этих кривляк южан! Моя подружка, которая до сих пор была всем довольна, только что влепила мне пощечину. И все потому, что отныне я для нее не достаточно деликатен.

— Право слово, пора бы сделать выбор, что вам ближе: образ жизни распутника или священника. Возможно, вы оттого и страдаете, что еще не определились с собственным предназначением.

Красный как рак толстяк вплотную подошел к Анжелике, обдав ее сильным запахом вина.

— Я страдаю от того, что маленькие кокетки вроде вас вонзают в меня стрелы язвительных острот, словно в разъяренного быка. Но я привык иначе вести себя с женщинами.

И прежде чем Анжелика успела сделать хоть какое-нибудь протестующее движение, шевалье грубо схватил ее и впилился в ее губы своими слюнявыми, жирными губами. Дрожа от отвращения, Анжелика яростно отбивалась, но мужчина крепко ее держал. Она чувствовала, как толстые пальцы лезут под корсаж ее платья, словно омерзительные слизняки. Шевалье грубо разорвал тонкие кружева и шелк ее одежды.

* * *

— Месье де Жермонтаз! — раздался резкий голос.

Обезумевшая Анжелика заметила на вершине лестницы красный костюм графа де Пейрака. Ее супруг поднес руку к маске, сорвал ее и отшвырнул назад. Она увидела лицо Жоффрея, искаженное такой яростью, которая могла бы заставить задрожать самого закаленного храбреца. Очень медленно, нарочито хромая, граф спустился по лестнице, и, когда оказался на последней ступеньке, блеснула молния — это Жоффрей обнажил шпагу.

Де Жермонтаз, пошатываясь, отступил. Вслед за Жоффреем де Пейраком по лестнице спускались Бернар д'Андижос и месье де Кастель-Жалон. Племянник архиепископа, озираясь, посмотрел в сторону сада и увидел приближающегося Сербало. Толстяк задыхался.

— Это... это западня, — пробормотал он. — Вы хотите меня убить!

— Ты сам себе вырыл западню, грязный боров! — ответил д'Андижос. — Кто просил тебя покушаться на честь жены гостеприимного хозяина?

Дрожащая Анжелика пыталась прикрыть обнаженную грудь разорванным корсажем. Этого нельзя допустить! Они не могут драться! Нужно вмешаться... Жоффрей смертельно рискует, связываясь с этим полным сил здоровяком!..

Жоффрей де Пейрак подходил все ближе, и внезапно Анжелике показалось, что его искалеченное тело обрело гибкость ярмарочного жонглера. Дойдя до шевалье де Жермонтаза, Жоффрей приставил шпагу к его толстому животу и тихо сказал:

— Защищайся.

Непроизвольно повинувся рефлексам, приобретенным на военной службе, шевалье вытащил оружие, и клинки скрестились. Несколько минут шло настолько ожесточенное сражение, что гарды шпаг дважды сталкивались, а лица дуэлянтов находились всего в нескольких дюймах друг от друга.

Но каждый раз граф де Пейрак легко отражал удары. Его ловкость с лихвой компенсировала недостаток скорости из-за покалеченной ноги. Когда де Жермонтаз прижал графа к лестнице и вынудил его подняться на несколько ступеней, он внезапно перепрыгнул через балюстраду, и шевалье еле-еле успел развернуться, чтобы отразить натиск противника. Но племянник епископа начал уставать. Он отлично фехтовал, знал множество хитрых приемов, однако техника графа его озадачивала. Шпага Жоффрея распорол правый рукав де Жермонтаза и рассекла ему руку. Рана была неглубокой, но сильно кровоточила, отчего сжимавшая оружие кисть слабела с каждой секундой. Теперь шевалье с трудом отражал удары. В его круглых выпученных глазах появилась паника, в то время как в глазах Жоффрея де Пейрака горело темное пламя, в котором не было пощады. Анжелика прочла в них смертный приговор.

Она так сильно закусила губу, что готова была кричать от боли, но не осмеливалась даже пошевелиться. И вдруг она зажмурилась, услышав короткий глухой крик, словно ухнул опускающий топор лесоруб.

Когда Анжелика снова открыла глаза, то увидела распростертого на мозаичном полу шевалье де Жермонтаза, из бока которого торчала шпага. Великий Лангедокский Хромой с улыбкой склонился над поверженным противником.

— Кривляки южане! — почти пропел граф.

Затем он взялся за эфес шпаги и резко выдернул ее из обмякшего тела. Раздался тихий всплеск, и Анжелика увидела, что на

ее белом платье появились пятна крови. Ее ноги подкосились, и она была вынуждена прижаться к стене.

Жоффрей повернулся к жене. По его лицу стекал пот, а худая грудь, прикрытая красным бархатом, вздымалась, словно кузнечные меха. Анжелика бросилась к графу и стала ощупывать его, как безумная, сжимать тут и там, желая убедиться, что он не ранен.

Он посмотрел на Анжелику и, когда встретился с ее встревоженным изумрудным взглядом, улыбнулся...

И приказал:

— Пойдем.

* * *

Лошадь медленной рысью бежала вдоль берега реки, взрывая копытами песок узкой извилистой дороги. Трое вооруженных слуг ехали на некотором расстоянии, бдительно охраняя своего сеньора, но Анжелика не замечала их присутствия. Ей казалось, что она одна под звездным небом, одна в объятиях Жоффрея де Пейрака, который игриво усадил жену в седло и сейчас вез в павильон на берегу Гаронны, где они проведут первую ночь любви.

Жоффрей не торопил кобылу, одной рукой держа поводья, а второй прижимая к себе юную супругу. Пребывая в блаженной беспомощности, Анжелика наслаждалась его властной силой, которой она воспротивилась в вечер их свадьбы, стремясь избежать запретного поцелуя. Но сейчас все это казалось ей далеким и нереальным. Время пришло. И она все крепче и теснее прижималась к мужу, пряча лицо в мягком бархате его наряда.

Жоффрей не смотрел на жену, скользя взглядом по быстро текущей воде. В какой-то момент он принялся напевать старинную песню, слова которой были знакомы Анжелике.

«Как охотник, который везет домой вожаделенную добычу... Так и я везу мою любовь, побежденную и покорную моему желанию».

Лунный свет озарял волевое лицо графа. Анжелика подумала:

«У него самые прекрасные на свете глаза, самые прекрасные зубы, самые прекрасные волосы. Его кожа нежна, а руки так кра-

сивы... Как я могла считать его уродливым, отталкивающим? Неужели это любовь? Магия любви?»

* * *

В павильоне на берегу Гаронны их уже ждали слуги, но, вышкоченные строгим хозяином, оставались невидимыми. Спальня была готова к приезду супружеской четы. На террасе рядом с кушеткой стояло блюдо с фруктами, а в бронзовом тазу охлаждались бутылки с вином, но сам дом казался пустым.

Анжелика и ее муж молчали. Потому что наступило время молчания. Однако когда Жоффрей с мрачной решимостью привлек жену к себе, она прошептала:

— Почему вы не улыбаетесь? Вы все еще сердитесь? Но, уверяю вас, я не виновата в том, что произошло с Жермонтазом.

— Я знаю, дорогая.

Он глубоко вздохнул и тихим голосом продолжил:

— Я не могу улыбаться, потому что слишком долго ждал этой минуты, так ждал, что сейчас испытываю боль. Ни одну женщину я не любил так, как тебя, Анжелика, и мне кажется, я полюбил тебя еще до того, как узнал. А когда увидел... В тот миг я понял, что именно тебя ждал всю жизнь. Но ты прошла мимо, такая высокомерная, недостижимая, неуловимая, как озерный эльф. И я осыпал тебя шуточными признаниями, боясь увидеть ужас или насмешку на твоём лице. Никогда я не ждал женщину так долго, не проявляя столько терпения. И вот теперь ты моя. Сотни раз я был готов к тому, чтобы взять тебя силой, но я желал не только твоего тела; я жаждал твоей любви. И вот сейчас, когда я вижу, что ты наконец принадлежишь мне, я не могу не сердиться за причиненные тобой муки. Я не могу не сердиться, — повторил граф, сменяемый жгучей страстью.

Анжелика храбро посмотрела на разгневанное лицо мужа, которое больше не пугало ее, и улыбнулась.

— Так отомсти мне, — прошептала она.

Он вздрогнул и улыбнулся в ответ.

— Ах! В тебе больше женского начала, чем мне казалось. Не провоцируйте меня! Вы еще попросите пощады, моя прекрасная противница!

И с этого мгновения Анжелика больше не принадлежала себе. Она вновь чувствовала вкус губ, однажды уже опьянивший ее, вновь переживала те чудесные ощущения, воспоминания о которых оставили в ее сердце и теле смутную тоску. Все ее естество пробудилось и устремилось навстречу невиданному блаженству, предвкушение которого оказалось таким пронизывающим, что она испугалась.

Задыхаясь, Анжелика отклонилась назад, пытаясь выскользнуть из этих рук, каждое движение которых открывало для нее новый источник наслаждения, и, словно проваливаясь в бездонный колодец сладостной неги, видела, как качаются звездное небо и подернутая туманом равнина с серебряной лентой Гаронны.

Крепкое и здоровое тело Анжелики было создано для любви. Впервые испытанные необычные открытия и ощущения потрясли ее, и она чувствовала смятение от натиска неведомой силы, давившей на нее не столько снаружи, сколько изнутри. Лишь много позже, обретя немалый любовный опыт, она смогла оценить, сколь деликатен был в тот вечер Жоффрей де Пейрак, каких усилий ему стоило усмирить свои желания, свою яростную страсть, для того чтобы полностью приручить и завоевать ее.

Она даже не заметила, как Жоффрей раздел ее и уложил на кушетку. С невероятным терпением он снова и снова обнимал ее, ласками делая все более покорной, более пылкой, и она смотрела на него, тихо постанывая, лихорадочно горящими глазами. Анжелика то отбивалась от него, то прижималась всем телом, и когда возбуждение, которое она уже не могла контролировать, стало невыносимым, она внезапно ощутила невероятную истому. Анжелика чувствовала, как ее переполняет блаженство, к которому примешивается дивный и пронзительный восторг; и тогда она забыла о всякой стыдливости, отдалась самым смелым ласкам и, закрыв глаза, позволила волнам страсти закружить ее и унести в океан чувственности. Она не воспротивилась боли,

потому что каждая частичка ее тела яростно желала ощутить власть мужчины. И когда Жоффрей вошел в нее, она не закричала, а лишь широко распахнула зеленые глаза, в которых отражались звезды весеннего неба.

— Уже! — прошептала Анжелика.

Вытянувшись на кушетке, она постепенно возвращалась в реальность. Мягкая индийская шаль прикрыла от проказливого ночного ветерка ее влажное разгоряченное тело. Анжелика смотрела на стоящего Жоффрея де Пейрака, фигура которого в свете луны казалась почти черной, Жоффрея, разливающего по бокалам освежающее вино. Он рассмеялся.

— Осторожнее, моя милая! Вы только приступили к изучению любовной науки, поэтому я не могу позволить себе продолжить сей занимательный урок. Придет время и для долгих утех. А пока давайте выпьем! Этим вечером мы оба славно потрудились и заслужили вознаграждение.

Пока Анжелика медленно пила вино, муж нежно поддерживал ее под спину, и она, намеренно преувеличивая свою усталость и слабость, с истинно женским, неосознанным кокетством все теснее прижималась к нему. Она беззастенчиво наслаждалась тем, что этот мужчина, этот много повидавший в жизни прожженный циник все же по достоинству оценил дар, который она ему только что преподнесла. Он скрывал свое почти юношеское счастье под шутливыми замечаниями, но проницательная Анжелика понимала, что отныне она обрела немалую власть над мужем. Но она не станет ею злоупотреблять. Она будет любить его всей душой, подарит ему детей и счастливо проживет с ним всю свою жизнь под ласковым небом Тулузы!

Графиня подняла к мужу прелестное лицо и улыбнулась, сама не осознавая, сколь обворожительна ее улыбка. Ведь только что случилось чудо: на свет родилась совершенно новая, расцветшая, свободная Анжелика.

И граф, словно ослепленный ею, прикрыл глаза. Когда он вновь их открыл, то увидел на очаровательном личике супруги неподдельную тревогу.

— Шевалье де Жермонтаз, — прошептала Анжелика. — О, Жоффрей, я совсем забыла. Вы убили племянника архиепископа!

Он ласково обнял жену.

— Не стоит об этом думать. Есть свидетели его недостойного поведения. Вот если бы я спустил ему с рук эту выходку, то многие бы меня осудили. Архиепископ — дворянин благородных кровей, ему придется смириться... Бог мой! Дорогая, — пробормотал граф, — ваши формы еще совершеннее, чем я думал.

Он провел пальцем по ее белому упругому животу. Она улыбнулась и тихо, блаженно вздохнула. А ей говорили, что все мужчины после акта любви ведут себя грубо или равнодушно...

Но Жоффрей решительно ничем не походил на других мужчин. Он прилег рядом с ней на кушетку, и Анжелика услышала, как он негромко смеется.

— Когда я думаю, что в данную минуту архиепископ с высоты башни епископства смотрит на дворец Веселой Науки и предрекает мне адское пламя за мою распущенную жизнь, я не могу удержаться от смеха! Если бы он только знал, что в этот час я предаюсь «греховным наслаждениям» со своей собственной женой, союз с которой он лично благословил!..

— Вы несправимы. Он относится к вам с подозрением и не ошибался, говоря, что если уже существует два способа делать что-либо, то вам всегда надо изобрести третий. Вы могли провести эту ночь с любовницей, изменив жене, или же честно исполнить ваш супружеский долг. Но нет! Вам было необходимо оставить нашу первую брачную ночь так, чтобы в ваших объятиях я чувствовала себя грешницей.

— Прелестное чувство, не правда ли?

— Замолчите! Вы просто дьявол! Признайтесь, Жоффрей, если вы самым изящным образом вышли из положения и не нарушили никаких заповедей, то сегодня вечером большая часть ваших гостей не может похвастать благочестием. С какой ловкостью вы вовлекли их в то, что монсеньор именует развратом... Я не слишком уверена, что вы являетесь существом... безопасным!..

— А вы, Анжелика, — восхитительный маленький и совершенно голенький каноник! И я не сомневаюсь, что в ваших объятиях моя душа обретет вечное спасение! Но давайте больше не будем пренебрегать радостями жизни. Столько людей на белом свете подчиняются совершенно иным обычаям, живут по иным канонам и при этом не являются менее благородными и счастливыми. Под своими роскошными одеждами мы скрываем грубость сердец и нравов, и я мечтаю возрадоваться душой и лицезреть вокруг себя лишь утонченных женщин и мужчин, благодаря которым галантная слава Франции возрастет в сотни раз. Да, я буду рад этому, потому что люблю женщин, люблю, как все прекрасное. Нет, Анжелика, моя прелесть, я не испытываю угрызений совести и не пойду на исповедь...

* * *

Только став женщиной, Анжелика смогла по-настоящему расцвести. До сих пор она была всего лишь нераскрытым розовым бутоном, хотя в ее венах и текла капля жгучей мавританской крови, будоражащей плоть.

В последующие дни, отмеченные многочисленными праздниками в честь Судов любви, Анжелике казалось, что она перенеслась в иной, неизведанный мир, полный восхитительных открытий, словно все остальное перестало существовать, исчезло и всякая другая жизнь замерла.

Юная графиня чувствовала, что влюбляется все сильнее. Ее щеки окрасились милым румянцем, а в смехе появились игривые нотки. Каждую следующую ночь Жоффрей де Пейрак находил свою супругу все более жадной до наслаждений, более требовательной, и внезапные капризы девственной Дианы, не желавшей подчиняться новым фантазиям мужа, быстро уступали место покорности и желанию познать очередную радость любви.

Их гости тоже целиком и полностью отдались этому легкому и непринужденному существованию.

Царившая во дворце удивительная расслабляющая атмосфера во многом стала возможной благодаря организаторскому таланту

графа де Пейрака, который неустанно заботился о комфорте гостей. Внешне беспечный Жоффрей казался вездесущим, уделял внимание каждой мелочи, однако Анжелика чувствовала, что он думает только о ней, поет только для нее. Иногда, глядя, как черные глаза графа встречаются с пылкими взглядами записных кокеток, ждущих от него совета по поводу премудростей «Карты Страны Нежности»¹, графиня испытывала укол ревности. Она прислушивалась к таким разговорам и была вынуждена признать, что ее муж всегда с честью выпутывался из ситуации, отпустив очередную остроту, завуалированную изысканным комплиментом, на которые он был мастер.

По прошествии восьми дней Анжелика со смесью облегчения и грусти смотрела, как тяжелые кареты с гербами разворачиваются во дворе дворца, спеша доставить в родовые имения загостинившихся дворян. В окнах экипажей появлялись обрамленные кружевами прекрасные руки, машущие на прощание хозяевам дворца Веселой Науки. Всадники приветствовали остающихся взмахами шляп с роскошными перьями. Анжелика, стоя на балконе, жизнерадостно махала рукой в ответ.

Она радовалась, что их дом вновь наполнится тишиной и покоем, а муж будет принадлежать только ей одной. И все же Анжелике было немного грустно оттого, что эти чудесные, необычайные дни пролетели так быстро. Нельзя войти в одну реку дважды — такие счастливые минуты выпадают только в раз жизни. И вдруг ее сердце защемило от предчувствия: эта замечательная неделя больше никогда не повторится...

* * *

В первый же вечер после отъезда гостей Жоффрей де Пейрак заперся в лаборатории, куда не заходил с тех пор, как начались Суды любви.

¹ «Карта Страны Нежности» (La Carte du Tendre) — приложение к роману «Клелия» французской писательницы Мадлен де Скюдери, где рафинированный анализ любовного чувства облекается в форму аллегорической топографии.

Удрученная и разочарованная Анжелика вертелась с боку на бок в своей огромной кровати, но ждала супруга напрасно.

«Вот они — мужчины! — с горечью думала красавица. — Снисходят до нас между делом, уделяют немного времени, но важнее всего для них остаются их любимые игрушки. Для одних это дуэль, для других — война. А для Жоффрея — его ненаглядные реторты. Прежде его исследования интересовали меня, ведь когда мы беседовали о науке, мне казалось, что между нами возникает дружеская привязанность, но теперь я ненавижу его лабораторию!»

Ворча и негодуя, Анжелика в конце концов уснула.

Проснувшись она от яркого света свечи и в изголовье кровати увидела Жоффрея, который уже почти разделся. Анжелика с решительным видом уселась на постели и обхватила руками колени.

— Разве в этом есть необходимость? — спросила она. — Я уже слышу, как в саду просыпаются птицы. Не думаете ли вы, что будет лучше, если вы закончите эту так чудесно начавшуюся ночь в собственных апартаментах, прижимая к сердцу толстопузые стеклянные колбы?

Жоффрей рассмеялся, и в его смехе не было ни капли раскаяния.

— Мне очень жаль, душенька моя, но я был занят опытом, который не мог прервать. Наш ужасный архиепископ никуда не делся, должным образом отреагировав на смерть племянника. Но ситуация требует осторожности, ведь дуэли запрещены и караются смертной казнью. И наш поединок стал еще одним его козырем в этой игре. Епископ выставил мне ультиматум: я должен открыть этому идиоту монаху Беше тайну изготовления золота. А так как я не могу посвятить его в секреты транспортировки испанского золота, я решил отвезти священника в Сальсинь, где он сможет присутствовать при добыче золотоносной породы и ее превращении в драгоценный металл. Но прежде я собираюсь вызвать саксонца Фрица Хауэра, а также отправить гонца в Женеву. Бернали мечтал стать свидетелем моих опытов, поэтому не замедлит явиться.

— Все это меня не интересует, — сердитым голосом прервала рассказ мужа Анжелика. — Я хочу спать.

Ее роскошные волосы упали на лицо, а кружевные воланы тонкой ночной сорочки соскользнули на обнаженную руку, и она прекрасно понимала, что ее вид несколько не соответствует этим суровым словам.

Граф погладил ее нежное белое плечо, но Анжелика проворно вонзила свои зубки в руку Жоффрея. Он шуточно шлепнул проказницу и с притворным гневом опрокинул ее на кровать. Несколько секунд влюбленные яростно боролись. Но довольно скоро Анжелика уступила небывалой силе Жоффрея де Пейрака, той силе, которой она не уставала удивляться. Впрочем, она не желала так просто уступать и продолжала вырываться из его объятий. Но в ее крови уже зажегся огонь страсти, разнося по венам благодатное тепло. Она продолжала метаться, но при этом с возрастающим любопытством прислушивалась к удивительным ощущениям, рождавшимся в ее теле. Жоффрей сжимал ее все крепче и наполнял своим естеством. Анжелика плыла по волнам небывалого удовольствия, то воспаряя к небесам, то окунаясь в пучины сладостного иступления — подобного она еще не испытывала. Раскинувшись на кровати и запрокинув голову, сквозь полуприкрытые веки она видела золотые отблески свечи, озаряющие альков. Внезапно раздался душераздирающий жалобный стон, и Анжелика с удивлением узнала свой собственный голос. Прямо над ней в сероватом мареве рассвета находилось странное лицо — улыбающийся фавн с загадочными глазами, наслаждающийся мелодией страсти, которую сумел разжечь.

— О, Жоффрей, — выдохнула Анжелика, — мне кажется, что я сейчас умру. Почему с каждым разом это становится все чудеснее?

— Потому что любовь — искусство, в котором совершенство приходит постепенно, вместе с опытом, но вы, моя прелестная подруга, талантливая ученица.

Обессиленная, но умиротворенная Анжелика засыпала, прижавшись к мужу. Каким смуглым казалось тело Жоффрея в пенном кружеве рубашки!.. И как пьянил исходящий от него аромат табака!

Глава 14

Поездка на золотоносный рудник. — Медовый месяц

Через две недели небольшая группа всадников, за которой следовала карета, украшенная гербами графа де Пейрака, поднималась по горной дороге к маленькому селению Сальсинь в департаменте Од.

День радовал прекрасной погодой, но Анжелика боролась с приступами нетерпения, несвойственными ее натуре. Схожее нетерпение она испытывала, когда ожидала отъезда гостей, почтивших своим присутствием Суды любви, хотя обычно старалась удержать во дворце милых ее сердцу друзей.

Однако с некоторых пор мир для Анжелики изменился.

И когда Жоффрей сообщил супруге о предстоящей поездке, она с трудом сдержала возглас разочарования. Но усилием воли, воспитанной еще в юные годы, графиня заставила себя не выказывать недовольства. Чем лучше она будет скрывать свои сердечные тайны, тем меньше рискует разрушить радостную идиллию.

Потому что если для нее солнце любви, согревшее ее своими ласковыми лучами, не заходило ни днем, ни ночью, словно светило, остановленное властной рукой Иисуса Навина, то жизнь других людей продолжала идти своим чередом. Внешне поведение супружеской четы для всей Тулузы выглядело по-прежнему, и жители города, привыкшие считать своих сеньоров олицетворением праздника и счастливого бытия, продолжали наслаждаться радостным и волнующим спектаклем. Если бы граф с графиней внезапно

уединились, прекратили вести светскую жизнь, устраивать роскошные приемы, приглашать друзей и соседей, а также принимать во дворце Веселой Науки путешественников, прибывавших со всех концов света, то подобное поведение не только опечалило бы горожан, но и заставило бы их заподозрить скрытую драму, детали которой все сразу захотели бы узнать.

В конце концов, существовало обещание, данное епископу, племянник которого погиб от шпаги Жоффрея. Граф обязался продемонстрировать монаху-алхимику научный феномен, связанный с добычей невидимого глазу золота.

Анжелика понимала, что этот «покаянный маневр» чрезвычайно важен, поэтому, как и подобает прилежной жене, посвятила свое время снаряжению каравана, который должен был сопровождать их к руднику Сальсинь.

Рудник находился в горах, а значит, следовало взять с собой шатры, мебель, необходимую для вечернего досуга, продовольствие и оружие, которое непременно пригодится для охоты: приготовленные в котелках дикий козленок или кабан станут прекрасными составляющими ужина. Поскольку кроме основных участников экспедиции в горы отправлялись и слуги, надо было захватить с собой множество посуды и, конечно же, бочки с вином.

Посвятить себя хозяйственным хлопотам — вот лучший способ не выдать Жоффрею печаль, терзавшую ее оттого, что она не могла постоянно находиться с ним наедине. Но как же это было трудно! В течение дня Анжелика не раз становилась рассеянной, взволнованной как ЕГО присутствием, так и ЕГО отсутствием. И каждый раз с нетерпением ждала наступления ночи, чтобы вновь и вновь пьянеть от его любви, от тех мгновений, когда он сжимал ее в объятиях, был занят только ею и стремился лишь к тому, чтобы дарить ей счастье.

Итак, в тот жаркий день на пыльной дороге, ведущей в горы, Анжелика старалась сосредоточиться на разных мелочах, чтобы не впасть в излишнюю мечтательность, к которой располагала неспешная, убаюкивающая трусца лошади.

Сначала она с неприязнью разглядывала монаха Конана Беше, который ехал верхом на муле, почти загребая землю длинными худыми ногами в грубых башмаках. Затем принялась размышлять о последствиях, которые могут повлечь за собой упрямство и злопамятность архиепископа. И наконец, виднеющаяся вдали деревня Сальсинь напомнила ей о жилистом Фрице Хауэре: рудокоп привез ей письмо от отца. Саксонец приехал в Тулузу на телеге вместе с женой и тремя светловолосыми отпрысками, которые, несмотря на долгое время, проведенное в Пуату, по-прежнему изъяснялись на гортанном германском наречии.

Прочитав письмо отца, Анжелика долго плакала, узнав новость о смерти старого Гийома Лютцена. Графиня спряталась в самом темном углу дворца и рыдала там несколько часов. Даже Жоффрею она не могла описать овладевшие ею чувства, не могла объяснить, почему ее сердце разрывалось от печали, когда она представляла себе изборожденное морщинами бородатое лицо старого вояки со светлыми суровыми глазами, которые могли становиться такими ласковыми, когда он смотрел на маленькую Маркизу Ангелов. Однако вечером, когда муж нежно ласкал Анжелику, не задавая никаких вопросов, ее горе несколько поутихло. Прошлое должно остаться в прошлом. Но письмо барона Армана вернуло к жизни маленьких босоногих призраков с соломинками в волосах, бродивших по ледяным коридорам старого замка Монтелу, в тени которых летом прятались от жары куры.

Кроме того, барон жаловался на жизнь. Она оставалась нелегкой, хотя благодаря торговле мулами и великодушию графа де Пейрака каждый из обитателей замка получал все необходимое. Но их родной край был почти разорен вследствие страшного неурожая. К тому же таможенники «прижали» контрабандистов, промышляющих солью, что заставило взбунтоваться обитателей болот.

Бунтовщики взяли за правило неожиданно выходить из зарослей камыша и грабить поселки; они отказывались платить налоги и убивали сборщиков податей. Потребовалось вмешательство королевских солдат, но разбойники все равно «ускользали из

рук преследователей, словно угри в протоках». На перекрестках всех дорог возвышались виселицы с повешенными.

Неожиданно Анжелика осознала, что значит обладать одним из самых значительных состояний провинции. Она и забыла, что существует иной мир, что есть люди, задыхающиеся от страха перед налогами и бесчинствами разбойников. Быть может, ослепленная своим счастьем и окружающей роскошью, она стала эгоистичной? Быть может, архиепископ сумел бы сдержать свой вспыльчивый характер, если бы она задобрила его, занимаясь благотворительностью?

Графиня слышала, как вздыхает бедняга Берналли.

— Какая ужасная дорога! Она гораздо хуже, чем в Абрुццо! А ваша прекрасная карета! От нее останутся одни щепки! Это настоящее преступление!

— Я искренне прошу вас расположиться в ней, — сказала Анжелика. — По крайней мере тогда она хоть для чего-нибудь пригодится.

Но галантный итальянец отказался, правда, не преминув потерять ноющую поясницу.

— Помилуйте, синьора, человек, достойный называться мужчиной, не может позволить себе нежиться в карете, в то время как молодая дама путешествует верхом.

— Ваша щепетильность старомодна, мой бедный Берналли. В наши дни мы не придаем особого значения учтивым манерам. К тому же теперь, узнав вас лучше, я уверена, что стоит вам увидеть гидравлическую машину, которая качает и подает воду, как вашу ломоту как рукой снимет.

Ученый просиял.

— Право слово, мадам, неужели вы помните о моей пламенной страсти к науке, которую я называю гидравликой? Ваш муж знал, чем можно завлечь меня в ваши края, и я не преминул этим воспользоваться. Он намекнул, что построил в Сальсинь машину, способную поднимать на поверхность воду, таящуюся в земных недрах. Этого оказалось достаточно, чтобы я сразу же тронулся в путь. Я все задаюсь вопросом, уж не изобрел ли он, часом, вечный двигатель.

— Вы заблуждаетесь, мой дорогой, — раздался голос следовавшего в некотором отдалении Жоффрея де Пейрака. — Речь идет о модели, сконструированной по принципу водоподъемных машин, которые мне доводилось видеть в Китае и которые могут поднимать воду с глубины ста пятидесяти туазов и даже более. Поглядите, вон она. Мы уже почти прибыли.

Вскоре путешественники оказались на берегу небольшого, но бурного горного потока и смогли увидеть нечто вроде бака с опрокидывающим устройством, который быстро вращался вокруг оси, время от времени выбрасывая высоко в воздух параболическую струю воды.

Эта вода попадала в искусственный водоем, расположенный на возвышенной площадке, а уже оттуда медленно струилась по деревянному трубопроводу. Все сооружение окружал ореол сияющих брызг, складывающихся в нарядную радугу, и Анжелика сочла гидравлическую машину очень красивой. Однако Бернали выглядел разочарованным и с горечью заметил:

— Из двадцати частей поступающей воды девятнадцать вы теряете. Это не имеет ничего общего с вечным двигателем!

— Меня совершенно не интересует, какое количество воды и энергии мы теряем, — заметил граф. — Главное, что я доставляю воду на поверхность, и ее количества и напора хватает, чтобы обогатить измельченную золотоносную породу.

Визит на рудник отложили до следующего утра. Деревенский капитул приготовил высоким гостям скромное, но достойное жилье. Подкатали телеги с кроватями и багажом. Пейрак предоставил дома в распоряжение Бернали, монаха Беше и д'Андижоса, который, естественно, не мог не принять участия в экспедиции.

Сам граф предпочел поселиться в большом шатре с двойной крышей, привезенном с Востока.

— Я полагаю, что привычку становиться лагерем мы унаследовали от крестоносцев, пытавшихся покорить Восток. Вот увидите, Анжелика, в этом жарком и сухом краю — возможно, самом

сухом во Франции — в шатре будет много приятнее, чем в каменном или глинобитном доме.

Действительно, когда наступил вечер, Анжелика с наслаждением вдыхала свежий воздух, спускавшийся с гор. Полы шатра были откинuty, и она любовалась небом, розовеющим в прощальных лучах заката; откуда-то издалека, с берега реки, доносились заунывные и торжественные песни саксонских рудокопов.

На удивление, Жоффрей де Пейрак выглядел озабоченным.

— Не нравится мне этот монах! — вдруг с жаром воскликнул граф. — Он не только ничего не поймет, но еще и попытается истолковать увиденное согласно собственным извращенным представлениям о науке. Я предпочел бы все объяснить самому архиепископу, но тому требуется «ученый свидетель». Ха-ха! Отличная шутка! Да последний каменотес понял бы все лучше, чем этот бормочущий молитвы олух.

— Однако, — произнесла Анжелика, желая унять его гнев, вызванный присутствием «ученого свидетеля», — разве мы не знаем, что многие великие ученые были монахами?

Граф раздраженно махнул рукой.

— Я не отрицаю этого и скажу больше: в течение долгих веков именно Церковь собирала и сохраняла культурное наследие мира. Но в настоящее время она погрязла в схоластике. Наука попала в лапы так называемых посвященных, или сведущих, готовых отрицать самые очевидные факты лишь потому, что они не имеют теологического объяснения, и отвергать явления, которые на самом деле объясняются самыми естественными причинами.

Жоффрей замолчал и внезапно привлек к себе жену. А затем произнес слова, которые она поняла значительно позже:

— Я тоже выбрал свидетеля — вас.

* * *

На следующее утро саксонец Фриц Хауэр отвел хозяина и его спутников к золотоносному руднику.

Он представлял собой огромный карьер у подножия отрогов Черной горы. Гигантская жила — пятьдесят туазов в длину и пят-

надцать в ширину — была полностью расчищена, обнажившуюся серую массу отделяли от остальной породы при помощи железных и деревянных клиньев, а полученные блоки грузили на тележки и везли к жерновам.

Внимание Берналли привлекли гидравлические дробилки. Они представляли собой деревянные башмаки, обитые листами железа, которые сталкивались между собой, когда один из ящиков наполнялся водой и терял равновесие.

— Как нерационально используется мощность водного потока, — вздохнул Берналли, — но какое простое и изящное решение, какая экономия рабочей силы! Это еще одно из ваших изобретений, граф?

— Я просто взял за образец гидравлические машины китайцев, которые, как меня заверили, существуют на Востоке уже три или четыре тысячелетия. В Китае их используют главным образом для вылущивания риса, который является там традиционным блюдом.

— Но где же здесь золото? — весьма здраво заметил монах Беше. — Я вижу лишь тяжелый серый порошок, который вы получаете из зелено-серой скальной породы при помощи ваших хитрых машин.

— Давайте пройдем в литейный цех саксонцев, и там вы сами все увидите.

Маленькая группа экскурсантов спустилась ниже, туда, где под крышей амбара без стен были установлены каталонские печи.

От кузнечных мехов, раздуваемых двумя мальчишками, тянуло душливым жаром. Из пасти раскаленной печи время от времени вырывалось бледное пламя, явственно пахнущее чесноком, которое оставляло после себя в воздухе нечто вроде тяжелого пара, оседавшего на пол белыми хлопьями, похожими на снег.

Кончиками пальцев Анжелика ухватила щепотку этого странного снега и уже хотела было положить ее в рот — настолько ее заинтриговал исходящий от порошка запах чеснока.

Невысокий уродливый человечек в кожаном фартуке, похожий на выскочившего из недр земли гнома, резко ударил ее по руке, чтобы не дать ей закончить движение.

Прежде чем Анжелика успела среагировать, гном гаркнул:
— *Gift, Gnädige Dame!*¹

Анжелика изумленно смотрела на загадочный белый порошок, а монах Беше окинул суровым взглядом юную графиню, а затем и все помещение.

— У нас, — тихо вымолвил он, — алхимики работают в масках.

Но Жоффрей услышал замечание священника и поспешил вмешаться:

— Здесь нет никакой алхимии, хотя все эти ингредиенты нельзя не только есть, но даже трогать руками. Фриц, вы не забываете ежедневно раздавать молоко рабочим вашей артели? — по-немецки обратился граф к мастеру.

— Когда мы сюда прибыли, то обнаружили шесть коров, месье.

— Хорошо. И не забывайте, что молоко следует пить, а не про-давать.

— Мы не нуждаемся в деньгах, месье, а кроме того, хотим прожить как можно дольше, — сказал горбатый мастер.

— А можно узнать, господин граф, что это за вязкая субстанция, которую я вижу в сей адской печи? — крестьясь, спросил Беше.

— Это все тот же тяжелый песок из шахты, только промытый и высушенный.

— И этот серый порошок, по вашему мнению, содержит золото? Я не заметил в нем никакого блеска, ни единой золотой крупинки, даже сейчас, когда его промыли.

— И все же это золотиносная порода. Принеси-ка нам полную лопату песка, Фриц.

Рабочий вонзил лопату в огромную кучу гранулированного серо-зеленого песка со странным металлическим отливом.

Крайне осторожно Беше насыпал немного песка на ладонь, понюхал его, попробовал на язык, тут же выплюнул и заявил:

— Серноокислый мышьяк. Сильный яд. Не имеет ничего общего с золотом. Впрочем, золото можно добывать лишь из мел-

¹ Яд, благородная дама! (нем.) — Примеч. авт.

кого галечника, но никак не из монолитной горной породы. А в осмотренном нами карьере нет и крошки галечника.

— Очень верное замечание, дорогой коллега, — согласился Жоффрей де Пейрак и бросил саксонскому горняку: — Если пришло время, добавляй свинец!

Но этой операции пришлось ждать еще долго. Масса в печи становилась все краснее, она плавилась и кипела. Вокруг продолжали куриться тяжелые белые пары, оставляя повсюду, даже на одежде, тонкий слой снежной пыли.

Затем, когда дым почти исчез, а пламя уменьшилось, два саксонца в кожаных фартуках подкатили тележку с несколькими свинцовыми слитками и бросили их в вязкую массу.

Масса разжижилась и перестала бурлить. С помощью длинной палки из сырой древесины саксонец помешивал удивительное «варево».

Наконец на поверхности появились пузырьки, а затем пошла пена. Фриц Хауэр снимал и снимал эту пену, ловко орудуя огромным ситом и железными крюками. Затем снова принялся мешать.

Еще позже мастер склонился к отверстию, находившемуся почти в самом низу печи. Он достал из него керамическую затычку, и в заранее приготовленную изложницу потекла тонкая серебристая струйка.

Заинтригованный монах подошел поближе и разочарованно протянул:

— Перед нами по-прежнему свинец.

— И мы с этим по-прежнему согласны, — кивнул граф де Пейрак.

Но вдруг монах испустил пронзительный крик:

— Я вижу три цвета!

Задыхаясь, он тыкал пальцем в охлаждающийся слиток, на котором появилась радужная пленка. Руки святоши тряслись, и он восторженно бормотал:

— Великий опыт! Я стал свидетелем Великого опыта!

— Он свихнулся, этот славный монах, — заметил д'Андижос, не проявляя никакого почтения к доверенному лицу архиепископа.

Жофfrey де Пейрак с улыбкой пояснил:

— Алхимики всегда трясутся, видя, как появляются «три цвета». Они считают это признаком рождения философского камня и трансмутации металлов. Однако перед нами явление сродни радуге после дождя, не имеющее особой значимости.

Внезапно монах рухнул перед графом на колени. Заикаясь, он благодарил его за то, что тот позволил ему присутствовать при «опыте всей его жизни».

Взбешенный этой нелепой демонстрацией чувств, граф сухо сказал:

— Встаньте с колен, святой отец. Пока вы еще ничего толком не видели и скоро сами в этом убедитесь. Мне очень жаль, но здесь нет никакого философского камня.

Саксонец Фриц Хауэр мрачно наблюдал за разыгравшейся сценой, и на его лице, странным образом раскрашенном рудниковой пылью, застыло величайшее сомнение.

— *Muss ich das Blei durchbrennen vor allen diesen Herrschaften?*¹ — спросил он.

— Действуй так, как будто здесь нет никого, кроме меня.

Анжелика увидела, как рабочий с помощью мокрых тряпок взял еще горячий слиток и бросил его в тележку, после чего отвез к небольшой печи, установленной над уже раскаленным докрасна кузнечным горном.

Кирпичи центральной камеры печи, образующие нечто вроде открытого тигля, были необыкновенно белыми, легкими и пористыми. Их изготовили из костей животных, трупы которых в огромном количестве лежали неподалеку и источали ужасный смрад. Этот запах, смешиваясь с запахами чеснока и серы, создавал такое зловоние, что стало трудно дышать.

Красный от жары и волнения монах Беше, заметив скопище скелетов, покрылся мертвенной бледностью, принялся торопливо креститься и бормотать слова очищающих молитв.

¹ «Должен ли я провести купелирование прямо при всех присутствующих?» (нем.) — Примеч. авт.

Граф не смог удержаться и рассмеялся, а затем бросил Берналли: — Только взгляните, какой эффект произвели мои работы на современного ученого. При этом купелирование на костной муке считалось детской забавой во времена римлян и греков!

И все-таки Беше не сбежал при виде этого жуткого зрелища. Сильно побледнев, он непрерывно перебирал четки, но не отводил глаз от старого саксонца и его помощников.

Один из них подсыпал в горн угля, а другой принялся нагнетать жар, раздувая меха с помощью педали. Свинец тут же расплавился, а затем собрался в центре круглого углубления печи, сложенного из костяных кирпичей.

Когда весь слиток стек в углубление, рабочие добавили жару и свинец начал дымиться.

По команде старика Фрица к печи подошел мальчик, который держал в руках меха, заканчивающиеся трубкой из огнеупорной глины. Мастер положил эту трубку на край тигля и принялся подавать холодный воздух на темно-красную поверхность расплавленного свинца.

Внезапно воздух, нагнетаемый на жидкий металл, со свистящим звуком засиял. Это светящееся пятно становилось все больше и ярче, пока не стало совершенно белым, покрыв при этом весь металл.

Тогда юные помощники мастера поспешно убрали из печи все уголья. Большие меха прекратили свою работу.

Но купелирование продолжалось: металл оставался раскаленным и ослепительно сверкал, слепя глаза. Время от времени он покрывался темной пленкой, которая потом трескалась, в результате чего по светящейся жидкости начинали кружиться странные темные островки. И когда такой плавучий островок достиг стенки тигля, он, словно по мановению волшебной палочки, поглощался костяными кирпичами, и поверхность металла делалась все более чистой и сияющей.

Одновременно металлический мениск уменьшался прямо на глазах. В конце концов он достиг размера большого блина, стал более темным и неожиданно ярко вспыхнул. В этот самый момент

Анжелика ясно увидела, как оставшийся металл сильно завибрировал, после чего застыл и стал очень темным.

— Этот феномен вспышки описан Берцелиусом, который много работал над купелированием и сепарацией металлов, — сообщил Берналли. — Я счастлив, что могу лично присутствовать при процессе, о котором знал исключительно по книгам.

Алхимик молчал. Его взгляд стал отсутствующим и каким-то тусклым.

Между тем Фриц плоскогубцами ухватил металлическую лепешку и погрузил ее в воду, после чего передал желтый блестящий блин своему хозяину.

— Чистое золото, — с величайшим почтением прошептал монах-алхимик.

— Не такое уж чистое, — сказал Пейрак. — Иначе мы бы не увидели вспышки, которая свидетельствует о наличии в слитке некоторого количества серебра.

— Мне бы очень хотелось знать: это золото выдержит воздействие азотной или соляной кислоты?

— Конечно, ведь это — настоящее золото!

Оправившись от волнения, монах спросил, может ли он получить крошечный образец драгоценного металла, для того чтобы вручить его своему благодетелю архиепископу.

— Возьмите всю лепешку неочищенного золота, добытого из недр наших гор, — сказал граф де Пейрак, — и объясните вашему благодетелю, что этот драгоценный металл изначально находился в горной породе. Архиепископу нужно всего лишь найти на своих землях подобное месторождение, которое поможет ему разбогатеть.

Конан Беше тщательно завернул в тряпицу драгоценную лепешку, весящую не менее двух фунтов, и ничего не ответил.

Обратная дорога омрачилась незначительным, на первый взгляд, происшествием, которому впоследствии суждено было сыграть важную роль в жизни Анжелики и ее мужа.

На полпути в Тулузу, во второй день путешествия, гнедая графини внезапно захромала, поранив ногу острым камнем на кремнистой дороге. Запасной кобылы не нашлось, и Анжелике пришлось пересесть в карету, где уже обосновался никудышный наездник Берналли. Видя, насколько плохо он переносит даже легкую конную прогулку, Анжелика прониклась еще большим уважением к этому ученому: не задумываясь, он отправился в долгое и трудное путешествие, лишь бы взглянуть на гидравлическую водоподъемную машину и обсудить силу тяготения. Более того, изгнанный из нескольких стран, итальянец был беден как церковная мышь и путешествовал без слуг, на взятых в аренду лошадях. Несмотря на то что карету нещадно трясло, он восхищался тем, что называл «поразительным комфортом», и когда Анжелика, смеясь, спросила у него разрешения занять место в экипаже, смущенный Берналли поспешно убрал ноги, которые с наслаждением вытянул на сиденье.

Граф и Бернар д'Анджос некоторое время гарцевали рядом с каретой, но дорога была такой узкой и пыльной, что всадникам пришлось отстать, не то они рисковали задохнуться в клубах поднятой экипажем пыли. Двое верховых слуг ехали прямо перед графской каретой.

Дорога все больше сужалась и петляла. После очередного поворота карета с пронзительным скрипом остановилась, и Анжелика с Берналли увидели группу всадников, которые перегородили им проезд.

— Не беспокойтесь, мадам, — сказал итальянец, высовывая голову из окна кареты, — это всего лишь лакеи, сопровождающие встречный экипаж.

— Но мы не сможем разъехаться на такой узкой тропе! — воскликнула Анжелика.

Слуги графа и неизвестного путешественника затеяли жестокую перебранку. Незнакомцы отличались особой наглостью и явно вознамерились любым способом убрать с дороги карету месье де Пейрака. Желая доказать, что именно их экипаж имеет право на беспрепятственный проезд, один из лакеев принялся

направо и налево раздавать удары хлыстом, задев и людей из «группы противника», и их лошадей в упряжке. Кони встали на дыбы, карета закачалась, и Анжелике показалось, что сейчас они сорвутся в пропасть. Она не удержалась и испуганно закричала.

Тем временем к месту столкновения подоспел Жоффрей де Пейрак. Когда он увидел, что его людей хлещут кнутом, то мгновенно пришел в неопишемую ярость и со всей силы ударил лакея хлыстом по лицу. В этот момент подкатил второй экипаж; оттуда выскочил толстый мужчина апоплексического вида, наряд которого украшало кружевное жабо и многочисленные банты, обильно покрытые пудрой и дорожной пылью. Вычурность его пропитавшегося потом туалета производила неизгладимое впечатление. Мужчина размахивал тростью с набалдашником из слоновой кости, перевязанной атласной лентой, и кричал:

— Как вы осмелились поднять руку на моих людей? Тупица, разве вы не знаете, что имеете дело с президентом парламента Тудузы, бароном де Массно, сеньором Пуйяка и других земель? Я требую, чтобы вы немедленно удалились и пропустили наш кортеж.

Граф повернулся к нему лицом и приветствовал его со всей возможной напыщенностью.

— Счастлив знакомству. Уж не родственник ли вы месье Массно, клерка нотариуса, о котором мне доводилось слышать?

— Месье де Пейрак! — воскликнул несколько обескураженный толстяк.

Но гнев месье де Массно, подогреваемый жаркими лучами стоявшего в самом зените солнца, не утих, а лицо и вовсе побагровело.

— Спешу вам заметить, граф, что хотя дворянство и пожаловано мне совсем недавно, но оно такое же подлинное, как и ваше! Я мог бы продемонстрировать вам грамоту Королевской палаты.

— Я верю вам на слово, месье Массно. Общество до сих пор стонет, что вознесло вас так высоко.

— Извольте объяснить ваш намек. В чем вы меня упрекаете?

— Не находите ли вы, месье, что мы выбрали весьма неудачное место для обсуждения подобных вопросов? — спросил Жоффри де Пейрак, которому с трудом удавалось сдерживать лошадь, раздраженную жарой и этим толстым краснолицым мужчиной, размахивающим тростью.

Но барон де Массно не желал сдаваться.

— Не вам рассуждать об обществе и общественных порядках, месье де Пейрак. Вы даже не удосуживаетесь являться на заседания парламента.

— Я больше не интересуюсь парламентом, который лишился какого бы то ни было авторитета. На его ассамблеях я рискую встретить одних карьеристов и выскочек, покупающих дворянские звания у месье Фуке или кардинала Мазарини. Они подрывают устои Лангедока, лишают провинцию последних местных свобод.

— Месье, я являюсь одним из высочайших чиновников юстиции нашего королевства. Лангедок уже давно стал частью французского государства и подчиняется короне. Непристойно в моем присутствии рассуждать о каких-то там местных свободах.

— Непристойно в вашем присутствии произносить само слово «свобода». Вы неспособны понять его смысл. Вы годитесь лишь на то, чтобы жить подачками короля, называя это государственной службой.

— Я хотя бы служу, в то время как вы...

— В то время как я у короля ничего не прошу, зато исправно плачу ему налоги за моих людей и посылаю полновесное золото, добытое на моих землях или полученное благодаря торговле. Знаете ли вы, месье Массно, что из миллиона ливров, которые приносит короне Лангедок, четверть миллиона — моя? И это при том, что в провинции четыре с половиной тысячи дворян и одиннадцать тысяч мещан.

Но в голове президента парламента задержалась лишь одна фраза.

— Полученное благодаря торговле! — возмущенным тоном взвизгнул толстяк. — Так, значит, правду говорят, что вы торгуете.

— Я торгую и произвожу. И горжусь этим. Потому что мне не по нраву побираться у короля.

— Ах! А вы и в самом деле гордец, месье де Пейрак! Но запомните мои слова: мещане и новые дворяне — вот будущее и сила королевства.

— Считайте, что потрясли меня этой новостью, — насмешливо протянул граф, к которому вернулась его обычная ирония. — А пока пусть новое дворянство поучится у старого хорошим манерам и сойдет с дороги, чтобы пропустить карету, в которой изнывает мадам де Пейрак.

Но новоиспеченный барон упрямо топал ногами в пыли и навозе.

— На каком основании я должен уступать вам дорогу? Мое дворянство, повторяю, ничем не хуже вашего!

— А я значительно богаче вас, безмозглый болван! — взорвалась Жоффрей. — И поскольку вы, мещане, преклоняетесь исключительно перед богатством, — прочь отсюда, месье Массно, дорогу золоту!

И Жоффрей поскакал вперед, расталкивая слуг чиновника, которому только и оставалось, что отскочить в сторону, чтобы его не сшибла карета с графскими гербами. Кучер, который с нетерпением ждал сигнала хозяина, был в восторге оттого, что они одержали победу над челядью «нового дворянина».

Проезжая мимо, Анжелика мельком увидела багровую физиономию месье де Массно, который, размахивая нарядной тростью, вопил:

— Я напишу жалобу!.. Две жалобы!.. Я сообщу Его Высочеству герцогу Орлеанскому, правителю Лангедока... И Королевскому совету!

* * *

Чтобы сгладить впечатление, оставленное неприятным происшествием, омрачившим возвращение с Черной горы, Жоффрей де Пейрак подарил Анжелике и самому себе то, о чем они оба мечтали.

Тихий отдых вдали от ставших привычными суеты и волнений. Неужели мир науки и богатства на время выпустил свою добычу?

И наступила тишина. Время передышки. Пустота, словно они наконец-то остались одни на всем белом свете и могли поговорить о том, что вместе пережили за время их брака.

О затянувшейся дуэли, в которой они сошлись лицом к лицу, удивляясь, а затем восхищаясь своим соперником, и о том, как в конце концов вопреки всем ожиданиям они сблизились и обрели друг друга. Жоффрей и Анжелика любовно перебирали детали, нюансы, этапы их сближения, обсуждали свои муки и терзания, мгновения озарения, во время которых они то испытывали отчаяние, то окрылялись надеждой.

Вечером, вытянувшись на кушетке террасы в павильоне на берегу Гаронны, Анжелика не раз вспоминала волшебный голос, который звучал под ее балконом.

Она искренне изумлялась, как сумела так обмануться. Ее ввело в заблуждение скромное одеяние странствующего трубадура.

— Как я могла заподозрить обман? Ведь я увидела грубые, пыльные ботинки и одежду из скромного сержа. В то время как вы, Жоффрей, всегда так элегантны...

— Я действительно был вынужден уделить особое внимание этому маскараду. Я опасался вашего живого, пронизательного взгляда, потому что вы всегда стремитесь все узнать и понять... Мне скорее понравилось, что вас околдовала старинная мелодия и вы не оттолкнули безродного певца.

— Но чего вы ждали от этой злой шутки?

— Того, что и случилось! Вы приблизились ко мне, и я смог украсть у вас поцелуй.

— Это низко! Я вас никогда не прощу!

Затем Жоффрей объяснил, почему решил уехать в Париж, не попрощавшись с женой.

— Я держал вас в своих объятиях... Я познал мгновения счастья, в котором вы мне отказывали... Я больше не мог терпеть невыносимые страдания, словно грешники в аду, не имеющие возможности

утолить свою жажду. И я решил уехать. Нет, моя святая невинность, я не искал утешения в алькове Нинон де Ланкло. Надо понимать природу мужчины, понимать его чаяния и желания, когда он сражен великой любовью, о которой так много поют, но так мало знают поэты... Лишь обретение вожделенного приза может утолить страсть истинного мужчины, все остальные награды его не волнуют. Вы были тем горизонтом, к которому я стремился. Много тайн из трактата «О любви» были до сих пор сокрыты от меня, и вдруг я прикоснулся к ним и осознал, как мало мне было дано...

Этот не привыкший откровенничать человек сейчас изливал Анжелике душу, рассказывая, что он чувствовал в первые минуты их знакомства, когда она вышла из кареты и стояла под палящим солнцем, среди пыли и скачущих танцоров, среди шума и пронзительно-бравурной музыки, среди рокота тамбуринов.

— Такой вы явились мне: в ореоле танца и музыки... Я подозревал, что мой вид испугает вас... И, быть может, это меня даже веселило... Но произошло нечто, чего я не мог ожидать: предо мной предстало самое изящное и самое соблазнительное создание на свете! Самое трепетное. И самое отважное. Чудо, а не женщина! И вас отдали на растерзание такому злему, такому ужасному существу! Я был потрясен!.. Поэты называют это «ударом молнии», «любовным озарением». Смесь восторга, уверенности и боли. «Неумолимая стрела бога-малыша Эрота». Как я был зол на тех, кто принес вас в жертву своим интересам, и как корил себя за то, что сам принял живейшее участие в организации этого брака. И когда я занял свое место в карете, когда сел подле вас, а вы, охваченная ужасом и отчаянием, даже не замечали меня, как и цветов, которые я вам преподнес, — в тот миг я поклялся, что завуюю вас... И буду любить вечно.

Жоффрей обнял Анжелику и стал покрывать ее лицо поцелуями. Затем они долго молчали, наслаждаясь тишиной звездной ночи.

Она отдыхала у него на груди.

В этот миг она без колебаний согласилась бы умереть, настолько безграничным было ее счастье.

Часть четвертая
Небольшой замок
в Беарне

Глава 15

Дипломатические переговоры. — Королева для короля Франции

Радость царицы повсюду: не только в доме Анжелики, но и во всем королевстве. Даже архиепископ Тулузский, вынужденный заняться более важными делами, на время отказался от слежки, которую до этого времени неустанно вел за своим противником — графом де Пейраком.

Дело в том, что монсеньор де Фонтенак, как и архиепископ Байонны, был призван сопровождать в путешествии к Пиренеям самого кардинала Франции.

Вне всяких сомнений, если бы не эта поездка, никто так и не узнал бы необыкновенную, потрясающую новость, которую сильные мира сего так тщательно скрывали!

После второй Битвы в дюнах¹, в которой месье де Тюренн наголову разбил своих противников, принца де Конде и дону Хуана Хосе Австрийского, король Испании Филипп IV, казалось, впервые задумался о мирных переговорах. Крохотная лазейка, в которую кардинал Мазарини с завидным проворством ухитрился протиснуться и озвучил замысел, который уже давно лелеял. Чтобы вернуть мир в измученные войной страны, кардинал задумал соединить брачным союзом юного короля Франции Людовика XIV и дочь короля Испании, инфанту Марию-Терезию.

¹ Известна также как битва при Дюнкерке. — *Примеч. пер.*

Да и кто еще мог стать супругой двадцатилетнего короля — надежды одной из самых великих наций, — как не чистокровная принцесса, которая к тому же была олицетворением выгодного политического союза и гарантией его соблюдения? В течение долгих лет месье де Лионн, министр иностранных дел, самым придирчивым образом изучал портреты всех принцесс христианского мира, достигших брачного возраста.

Было время, когда Людовику XIV прочили в жены его кузину, прозванную Великой Мадемуазель, которая была почти на десять лет старше его, но казалась единственной достойной кандидатурой на королевскую корону. Но пушечные выстрелы, прозвучавшие по команде этой яростной фрондерки в день сражения в пригороде Сент-Антуан, разрушили сей блистательный проект.

Итак, только испанская инфанта могла стать залогом мира для обескровленной Европы.

Мазарини отлично понимал, что без этого союза мирный договор, который должен был официально ратифицировать французские победы во Фландрии, остался бы, как и все подобные договоры, только пустой болтовней, и в любой момент Франция снова могла лишиться с таким трудом завоеванных провинций.

Король Испании, будучи не менее тщеславным и властолюбивым, чем его предок Филипп II, тоже это понимал, как и то, что при таком повороте событий этот брак станет концом испанской гегемонии в Европе. Поэтому он всячески тянул время, выдвигал различные требования, пытался отстоять каждый город и вдруг повернул назад.

Он никак не может отдать свою дочь королю Франции, ведь она — его ребенок от первого брака, а значит, является наследницей испанских Нидерландов, а быть может, и всей великой Испании вместе с ее обширными владениями, если после смерти Филиппа IV не останется наследников мужского пола. Поскольку, хотя вторая супруга монарха и подарила ему двоих сыновей, мальчики отличались слабым здоровьем и могли не дожить до совершеннолетия.

Мазарини был опытным политиком, но даже он не был готов к подобному повороту событий. И тогда кардинал пошел на хитрость, сделав вид, что совершенно не заинтересован в браке Людовика XIV с испанской инфантой.

В Савойе, которой правил древний княжеский род, основанный еще в одиннадцатом веке графом Гумбертом Белоруким, обитала прелестная принцесса на выданье, Маргарита Виоланта, сестра герцога Савойского Карла Эммануила II. Их мать, Кристина Французская, долго остававшаяся регентшей при малолетнем сыне, и сейчас продолжала играть не последнюю роль в княжестве, поэтому кардинал решил обратиться именно к ней.

Дело было в октябре, погода стояла холодная. Оба двора — Франции и Савойи — встретились в Лионе.

И пока придворные танцевали и веселились на великолепных праздниках, устроением которых всегда славились правители Савойи, долгожданный посланец проскользнул в потайную дверь. Его звали Антонио Пимантелли.

Его встретил месье Кольбер, интендант кардинала, и провел по темным коридорам прямо в небольшой, хорошо изолированный кабинет. Здесь к Пимантелли присоединился Мазарини, и они долго о чем-то шушукались.

Наконец кардинал вернулся к королеве Анне Австрийской и прошептал ей на ухо:

«Инфанта наша. Больше нет нужды искать невесту».

* * *

Стремясь потешить самолюбие правителей Савойи, их пригласили в Париж, куда вернулся французский королевский двор.

Получив новые инструкции от короля Испании, Пимантелли курсировал из страны в страну — к этому времени французы стали фамильярно называть его «Пимантель», — а прибыв во Францию, скрывался в окрестных городах столицы: в Монтаржи и Монтеро, откуда он по первому зову устремлялся в Париж,

завернувшись в серый плащ и нацепив маску. Переговоры держались в строжайшей тайне.

Филипп IV, заседавший в Эскориале, никак не мог распрощаться с давней мечтой — выдать дочь за Леопольда Австрийского, возглавлявшего младшую ветвь династии Габсбургов и не так давно провозглашенного императором Священной Римской империи.

У Мазарини под его кардинальской шапочкой волосы встали дыбом.

При подобном стечении обстоятельств могла зайти речь о восстановлении наследия великого императора Карла V! В этом случае в один прекрасный день, окруженная ненасытными отпрысками семейства Габсбургов, Франция будет проглочена врагами.

Но кардинал не сдавался. Хотя на пути его грандиозных замыслов возникло еще одно непревзойденное препятствие.

Молодой король тайно страдал: он был безумно влюблен в подругу детства, черноволосую Марию Манчини, племянницу кардинала.

Решительно все обстоятельства мешали Мазарини осуществить его планы и установить наконец в Европе долгожданный мир и покой.

Именно во время поездки в Лион юноша и девушка признались друг другу в любви. Мария Манчини, которую король знал очень давно, была самой юной племянницей кардинала, и до сих пор Людовик отдавал предпочтение ее сестре Олимпии, даже сделал последнюю своей любовницей.

Вернувшись из Кале, где его едва не погубила странная болезнь, Людовик XIV узнал, что Олимпия, недавно вышедшая замуж за графа Суассона, проявила завидное равнодушие к здоровью правителя, а вот Мария заливалась слезами и изнывала от беспокойства. Впервые монарх столкнулся с проявлением столь пылкой любви, искреннего чувства, подтвержденного жаркими признаниями и красноречивыми взглядами. В Лионе во время торжеств, организованных в честь мнимой помолвки с принцессой Савойской, огонь этой любви разгорелся с необычайной силой, как если бы боги желали доказать, сколь опасно

играть брачными союзами, заключаемыми только ради блага страны.

И вот ко всем остальным заботам Мазарини добавилась еще одна: любым путем разрушить запретную страсть, которая грозила уничтожить все плоды его гениальной дипломатии. Потому что двадцатилетний король звался Людовиком XIV, желал жениться на Марии Манчини и увенчать ее прелестную головку короной Франции.

Но это противоречило государственным интересам, и в такой ситуации кардинал Джулио Мазарини доказал, что он действительно беспокоился исключительно о славе своего венценосного воспитанника и о благе королевства.

Он хотел мира. Для Франции! Для Европы! Для всех!

Поэтому, используя последний шанс, он приложил все усилия, чтобы доплести интриги, которые его ловкие итальянские руки плели уже долгие годы. Племянница Мазарини была безжалостно удалена из дворца, а Людовик XIV не без скандала, но смирился. Он женится на инфанте.

И вот наступил долгожданный миг.

Вся Франция не уставала повторять потрясающую новость.

С помпой, заставившей всех дрожать от восторга, господин кардинал отправился к острову на пограничной реке Бидасоа, в Страну Басков, чтобы начать мирные переговоры с испанцами.

Они должны были покончить с бесконечной войной, которая каждую весну расцветала буйным цветом, словно возродившиеся к жизни растения. Но не только эта долгожданная новость заставляла ликовать всех жителей королевства вплоть до последнего ремесленника. В качестве залога мира высокомерная Испания соглашалась отдать в супруги юному королю Франции вожделенную инфанту. Поскольку, несмотря на недомолвки и ревнивые взгляды, которыми обменивались представители расположенных по обе стороны Пиренеев стран, во всей Европе того времени, вместе с бунтующей Англией, крошечными немецкими и итальянскими княжествами, а также теми грубыми народами, которых

презрительно называли «мореходами», — фламандцами и голландцами — имелись всего лишь две царственные особы, достойные друг друга.

* * *

И вот, с восьмью личными каретами, десятью телегами багажа, двадцатью четырьмя мулами, ста пятьюдесятью слугами в ливреях, с сотней всадников и с двумястами пехотинцами кардинал пустился в путь вдоль изумрудных берегов Сен-Жан-де-Люз к Атлантике.

По дороге он прихватил с собой архиепископов Байонны и Тулузы с их свитой, стремясь придать солидности и внешней роскоши всей делегации.

Между тем по другую сторону гор мчал по равнинам Кастилии дон Луис де Аро, представитель Его Католического Величества, ярый противник роскоши и ревнитель пуританской простоты — в его сундуках лежали лишь свернутые в рулоны гобелены со сценами, напоминавшими о славе древнего королевства Карла V.

Никто не спешил, ни один из дипломатов не желал прибыть к месту встречи первым и униженно дожидаться появления «противника». Дошло до того, что караваны плелись с черепашьей скоростью, и каким-то чудом итальянец и испанец оказались на берегу Бидасоа в один и тот же день и час. Затем возникли другие вопросы этикета. Кто первым спустит лодку на воду, чтобы добраться до маленького острова Фазанов, расположенного в центре реки, где должна была состояться знаменательная встреча? В конце концов дипломаты нашли решение, призванное потешить самолюбие каждого. Кардинал и дон Луис де Аро одновременно сказались больными. Однако их ухищрения ни к чему не привели, поскольку теперь следовало ждать, когда «заболевшие» поправятся, но ни один из них не желал выздоравливать.

Все трепетали. Когда же наконец будет заключен мир? Малеший жест итальянца и испанца подвергался тщательному обсуждению.

* * *

Находившаяся в Тулузе Анжелика не особенно внимательно следила за политическими новостями. Она вся отдалась радостным событиям, происходившим в ее собственной жизни и волновавшим ее значительно больше, чем брак короля.

Их сердечное согласие с Жоффреем крепло день ото дня, и теперь графиня страстно желала родить ребенка.

В течение этого года Анжелика часто сопровождала мужа в поездках по провинции, и во время этих путешествий все чаще обращалась мыслями к своему далекому детству, которое теперь чудилось ей полузабытым сном.

Неоднократно к ней возвращалось видение, рассеивающее ту золотистую пелену, которая окутывала ее с тех пор, как она, пройдя через многочисленные испытания, открыла для себя новую реальность — любви.

Анжелика снова видела себя совсем маленькой в логове колдуньи Мелюзины и слышала слова, которые нашептывала старуха: «Я открою тебе все свои тайны, и тогда любовь не будет казаться тебе враждебной!..» Страшное обещание. Тайна, из-за которой Мелюзину обвиняли в колдовстве, называли безумной, терзали, ненавидели.

Теперь Анжелика поняла, что любовь своей силой напоминает мощь бушующего моря, но при этом она помнила и страх, который внушала женщинам плата за эту любовь, те фатальные последствия, которые многим казались страшнее смерти. И лишь колдуньи могли спасти от проклятия, вызванного любовной встречей, — рождения ребенка. Проклятого ребенка, который появлялся на свет вне законного брака или был плодом изнасилования. И перед внутренним взором Анжелики возникал силуэт молчуна Жана-Кирасы, на которого кормилица не могла смотреть без воспоминаний об армиях господина кардинала де Ришелье и короля Людовика XIII, об армиях, направляющихся в Ла-Рошель на «усмирение» протестантов и похода наведавшихся в Пуату.

Именно об этом шептала в своем логове Мелюзина, именно этот секрет передавали друг другу женщины деревни: как

избавиться от проклятого ребенка... Невнятный шепот, продуманный ритуал, объединяющий элементы тайной, действенной, избрательной науки, складывающейся долгими годами из тысячи самых разных знаний; ритуал, предназначенный лишь для одного — «избежать несчастья». Бесценное сокровище, надежно защищающее женщину от мужчины и таящейся в нем опасности.

«Но почему об этом нужно шептаться в логове колдунов?» — спрашивала себя Анжелика, взволнованная этими мрачными воспоминаниями, пробуждавшимися в ней во время прогулок по озаренным солнцем полям.

Чтобы уберечь себя от дьявола? Или от Великого инквизитора, блюстителя строгой морали и верного слуги Церкви?

К счастью, у нее все обстоит по-другому. Она покинула страну темных трагедий и причалила к светлым берегам, хотя еще не до конца разобрала сложный язык их обитателей.

Анжелике казалось, что Жоффрей не торопится стать отцом, и не осмеливалась заговорить с ним об этом, предпочитая, чтобы все шло своим чередом.

Она знала, что граф женился на ней не для того, чтобы обзавестись наследником, но с целью заполучить рудник Аржантьер. Приобретая желаемое, он, похоже, с некоторым цинизмом отнесся к налагаемым браком условиям — «институтом, убивающим любовь», как сказал с его слов Фабрицио. Однако он и сам не мог предположить, что влюбится. А сейчас хочет ли он иметь ребенка? Или ждет, когда его супруга сама выразит желание стать матерью?

Анжелика не знала, как заговорить об этом с мужем.

Потому что существовала наука, в которой граф был гораздо искуснее, чем его юная жена (и, разумеется, бедная Мелюзина), — наука о любовных радостях, которой он старательно обучал Анжелику, утверждая, что она является единственной женщиной в мире, которая его восхищает.

Она любила мужчину, которого так и не узнала до конца, поэтому ей не удавалось избавиться от снедающего душу недовере-

рия. Сначала она опасалась страсти, которую внушал ей супруг, затем окунулась в сладостное опьянение, даруемое удивительными открытиями, и вот теперь была одержима странной тревогой. То, что ее любит этот удивительный человек, казалось Анжелике настолько необычайным подарком судьбы, что порой она задавалась вопросом, уж не спит ли она, а после пробуждения не столкнется ли с предсказанной мрачной действительностью, будучи наказанной за свои грезы.

Имеет ли она право любить столь горячо? Имеет ли право быть счастливой? А вдруг Жоффрей внезапно оттолкнет ее, прельстившись новыми завоеваниями? Конечно, он уверял супругу, что никогда ни одну женщину не любил настолько сильно, чтобы пускаться в свою лабораторию и беседовать с ней о математике, но Анжелику не покидали сомнения и порой одолевали такие приступы ревности к прошлому мужа, что он не мог удержаться от смеха, хотя в глубине души умилялся ее страсти.

Но постепенно все ее страхи забылись. Анжелика приняла действительность, в которой существовала только любовь Жоффрея, любовь, посланная им Небесами, и было грешно от нее отказываться.

Их соединили навеки, и это были не просто слова.

* * *

Анжелика поняла, сколь чувствительным и даже ранимым может быть этот отважный человек, оценила мужество, с которым он справлялся со своим недугом. Она восхищалась его несгибаемым характером и тем, как он противостоял любим трудностям. Порой графине казалось, что, будь Жоффрей не калекой, а невероятным красавцем, она не смогла бы любить его столь же страстно. И мечтала подарить ему ребенка.

Но шли дни, и Анжелика начала опасаться, что бесплодна.

Однако в самом начале зимы 1658 года она поняла, что беременна, и не смогла сдержать слез счастья.

Жоффрей тоже не скрывал переполнявшей его радости и гордости. Этой зимой, когда все готовились к королевской свадьбе

(которая, однако, до сих пор не была делом решенным, но знатные сеньоры провинции уже ждали приглашений на торжества), жизнь во дворце Веселой Науки текла тихо и размеренно.

Граф де Пейрак отказался от светских приемов, которые прежде постоянно устраивал в своем доме, и сосредоточился на работе и своей молодой жене. Кроме того, ничего не сообщая Анжелике, он воспользовался отсутствием архиепископа, чтобы взять в свои руки бразды правления общественной жизнью Тулузы, к вящему удовольствию части капитулов и горожан.

* * *

Когда подошло время родов, супруги перебрались в маленький замок графа в Беарне, в отрогах Пиренеев.

В отличие от душающей жары Тулузы, здесь, к западу от Лангедока, царилла благодатная прохлада, принесенная ветрами с безбрежной Атлантики.

По соседству с беарнским замком графа обитала прославленная женщина-ученый, заботам которой Жоффрей де Пейрак хотел поручить беременную Анжелику.

Ее называли Дамой Изор. Ее отец, член городского правления маленького горного поселка, нарек свою дочь этим редким именем, желая, чтобы ей покровительствовала Клеманс Изор, легендарная поэтесса, основательница Цветочных игр. Дама прославилась благодаря своим обширным научным знаниям и живому уму, при этом была настолько влиятельна, что порой ее просили прибыть для решения того или иного вопроса в город По, столицу края. Но Дама Изор неохотно покидала свой поселок. Чаще страждущие сами приходили к ней, ведь она была одной из немногих женщин, получивших медицинское образование. Скорее всего, она закончила медицинскую школу в Монпелье, основанную еще арабами и потому сохранившую свой независимый свободолобивый дух. Граф де Пейрак знал Даму Изор с юношеской поры и любил вести с ней беседы.

За разъяснениями Анжелика обратилась к горничной Маргарите.

— Я, кажется, догадываюсь, в чем дело! Еще одна молочная сестра?!

— Нет, у графа только одна молочная сестра — я, — рассмеялась Марго.

Но служанка признала, что между графом, Дамой Изор и ею самой существует некое внешнее сходство: так бывает, когда люди долго общаются. Но тот факт, что Дама Изор похожа на Маргариту, вовсе не причина для того, чтобы последняя не ехала в Беарн и не присутствовала при родах!

Это обстоятельство печалило Анжелику. Она привыкла к работе, которой окружила ее верная служанка, и хотела видеть Марго рядом в любой ситуации. Маргарита пустилась в пространные объяснения о далеком крае, но ни словом не обмолвилась о нравах и обычаях его обитателей.

Не успев образоваться, Беарн сразу же попытался стать независимым государством.

А родовой замок графа располагался в одной из трех долин, которые вообще не относили себя ни к Франции, ни к Испании, ни — и это усложняло ситуацию — даже к Аквитании и самому Беарну.

В этих долинах, зажатых между ледниками, озером, лесом и горными стремнинами, жили суровые люди, именовавшие свои владения, на античный манер, «маленькой республикой».

После прибытия на место Анжелика быстро во всем разберется, заверяла ее Марго. Так называемым иностранцам приходится преодолевать множество трудностей, чтобы попасть на эту «закрытую» территорию. Но месье де Пейрак — сеньор одного из фьефов¹, поэтому считается там своим и будет в безопасности.

* * *

Анжелика сразу же приняла и полюбила то, что увидела в Беарне. Она впервые оказалась в настоящих горах, вершины и долины

¹ Фьеф (то же, что феодал) — наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу при условии несения службы.

которых кажутся не только недоступными, но и необитаемыми.

Поднимаясь вверх на приземистых и выносливых лошадаках местной породы (багаж навьючили на мулов), графиня с восхищением обнаруживала за каждым следующим поворотом очередную неожиданную деталь пейзажа, до этого скрытую от любопытных глаз.

Прилепившийся к горе маленький замок был возведен на большом уступе прямо над бездной. Путешественники подъехали к нему с левой стороны и очутились в замкнутом дворе, окруженном высокими насыпями. Между двумя круглыми башнями, одна из которых, более высокая, называлась донжоном, располагалось трехэтажное здание. Два верхних этажа замка были отведены под жилые помещения, а первый этаж, согласно местным обычаям, предназначался для домашнего скота. Сейчас здесь обретались всего несколько овец да две коровы, а остальное стадо угнали на горные пастбища, подальше от дремучего леса, в котором водились медведи.

Суровость и однообразность пейзажа компенсировались открытым и общительным нравом многочисленных местных жителей, находившихся в постоянном движении.

Жизнь этих долин была неразрывно связана с новостями, поступающими из «большого мира», а также с повседневными хлопотами: зимним и летним перегоном овец в горы, изготовлением сыра, торговлей и многим другим...

Дама Изор, обитавшая в маленьком поселке, расположенном чуть ниже, следила за порядком и поддерживала внешнюю гармонию между протестантской сутью поселения и его католической формой.

Старики рассказывали о героических боях, в которых участвовали войска месье де Монморанси и месье де Рохана. Во времена религиозных войн — к счастью, давно закончившихся, — многие из местных жителей продемонстрировали как мужество первых христиан, так и позорную жестокость. Ради вождельного мира и спокойного сосуществования среди этих заснеженных

пиков и райских равнин необходимо было проявлять терпимость.

Лишь оказавшись высоко в горах, Анжелика наконец поняла смысл фразы, услышанной или прочитанной ею на уроках слова Божьего: «Я взял тебя и положил на простор».

Ни одно другое место в мире не соответствовало так тому событию, к которому готовилась будущая мать. Жоффрей был прав, привезя ее сюда.

По винтовой лестнице, напоминающей лестницу в Монтелу, Анжелика взбиралась на площадку донжона и дышала там бодрящим воздухом гор, а ее взгляд блуждал по бездонной пропасти, над которой парили орлы. И среди этих просторов их с мужем душевная близость представлялась совершенной. Жоффрей и Анжелика проводили много времени вместе, как на площадке донжона, так и у огня очага.

Дама Изор осмотрела Анжелику и представила ей нескольких молодых крестьянок, которые в будущем станут прислуживать маленькому сеньору, поскольку у нее не было сомнений, что родится мальчик. Ученая дама также пригласила в замок опытных повитух, которые явились выразить свое почтение мадам де Пейрак, нарядившись в праздничные плащи с капюшонами из темно-красного атласа.

Повитухи обосновались в замке, чтобы развлекать Анжелику в последние недели тягостного ожидания, уже ставшего утомительным. Они рассказывали ей истории, которые она так любила, — о прошлом и настоящем их родной стороны.

Некогда Аквитанию называли Водным краем. Эту провинцию особенно любили римляне за ее бурные реки и многочисленные горячие целебные источники, которые, собственно, и дали ей имя. Кроме того, все знали, что именно под небесами Лангедока и Аквитании живут самые красивые, вечно молодые и вечно любимые женщины. Повитухи поведали Анжелике о необыкновенной судьбе великой герцогини Алиеноры Аквитанской,

которая сначала стала королевой Франции, а затем Англии и которая в свои сорок пять лет произвела на свет восьмого ребенка (или десятого, если считать обеих дочерей от короля Франции Людовика VII). Этот факт служил неоспоримым доказательством того, что ее второй супруг, король Генрих II из английской династии Плантагенетов, даже в сорок пять лет находил красавицу великолепной и желанной, хотя и был моложе супруги на десять лет.

Анжелика безмерно удивилась, узнав, что столицей своего герцогства Алиенора избрала ее любимый город Пуатье. Хроника утверждает, что при дворе Алиеноры собирались передовые ученые, а также лучшие писатели и поэты, говорящие на самых разных языках: «На окситанском, лангедойле, бретонском, кастильском, баскском или арабском». Анжелика не могла поверить своим ушам: для нее Пуатье открылся с совершенно иной стороны. Неужели провинции и города могут менять свое лицо, столкнувшись с неумолимым бегом времени и суровыми испытаниями?

Подобно правительнице, потерявшей любовь, дружбу и уважение собственного народа, которая чахнет, блекнет, теряет вкус к роскошной жизни, выбирая отдых и забвение, довольствуясь лишь обычным почтительным отношением, — Пуатье замкнулся в самом себе, зажил тихой жизнью, радуясь своим монастырям, церквям и школам.

Но Алиенора никогда не испытала забвения.

Величественная, пронизательная, обаятельная, в восьмидесятилетнем возрасте она отправилась в Испанию к одной из своих дочерей, вышедшей замуж за Альфонса VIII, короля Кастилии. Алиенора никак не могла решить, кому оставить в наследство дорогое ее сердцу герцогство Аквитания, поскольку все душой желала, чтобы провинция процветала и после ее смерти. Королева выбирала среди своих внучек, одну из которых прочили в супруги сыну короля Франции. В конце концов она завещала свое герцогство, никто не знал почему, самой младшей, Бланке, которой едва исполнилось одиннадцать лет.

В этом месте южане делали многозначительную паузу, застыв в немом восхищении.

Потому что именно Бланка Кастильская, став регентшей при своем малолетнем сыне короле Людовике IX Святом, руководила искоренением альбигойской ереси и в 1244 году повелела разжечь костер в Монсегюре, на который взойшло двести Совершенных, как мужчин, так и женщин, не пожелавших отказаться от своей религии.

«Надо отсечь дракону голову!» — заявила Бланка Кастильская, чем еще раз подтвердила разумность решения ее бабки Алиеноры Аквитанской, которая смогла распознать в маленькой девочке будущую великую правительницу.

Глава 16

Апрель 1659

Уединенная жизнь на горе с Флоримоном

Приближалось время родов.

Разумеется, будущие родители заранее обсудили имя, которое хотели дать сыну, наследнику графов Тулузских. Жоффрей предложил имя Кантор, поскольку так звали знаменитого трубадура Лангедока Кантора де Мармона, но в конечном итоге в честь Цветочных игр мальчика назвали Флоримоном.

Малыш родился очень смуглым, с густыми черными волосами. В течение нескольких дней Анжелика таила на сына обиду за ту боль, которую испытала во время родов, в то время как повитуха утверждала, что «для первого раза» все прошло более чем удачно. Но Анжелика редко болела и не знала, что такое физические страдания. В течение долгих часов ожидания она чувствовала, как боль постепенно заполняет все ее естество, и природная гордость в ней взбунтовалась. Она должна была одна пройти по этой дороге страданий, где ей не могли помочь ни любовь, ни дружба, и только пока незнакомый ей ребенок диктовал правила игры. Лица окружающих людей казались ей чужими.

Этот час стал для Анжелики воплощением того ужасного одиночества, с которым ей однажды придется столкнуться. Она не могла заглянуть в будущее, но чувствовала, что получила зловещее предсказание, и в первые дни после родов Жоффрей де Пейрак с беспокойством поглядывал на свою бледную, молчаливую

жену, на лице которой иногда появлялась лишь вымученная улыбка.

Спустя три дня, вечером, Анжелика с любопытством склонилась над колыбелью, в которой спал ее сын, и узнала тонкий профиль, увидела неискаженное шрамами лицо Жоффрея. Молодая мать тут же представила себе страшную саблю, обрушивающуюся на эту ангельскую мордашку, выброшенное из окна хрупкое тельце, покалеченного ребенка, лежащего в снегу среди бушующего пламени. Видение было настолько реальным, что Анжелика закричала от ужаса. Она схватила новорожденного и что было сил прижала его к сердцу. Ее груди, переполненные молоком, причиняли боль, и повитуха туго перевязала их полотном. Благородные дамы никогда сами не кормили своих детей. Молодая кормилица, крепкая и здоровая, должна была увести Флоримона в горную деревню, где он проведет первые годы жизни.

Но когда Дама Изор в тот вечер вошла в комнату только что родившей Анжелики, она в отчаянии вплеснула руками, увидев, как Флоримон в упоении сосет грудь матери.

— Мадам, вы с ума сошли! Как мы теперь остановим молоко? У вас поднимется температура и затвердеет грудь.

— Я выкормлю его сама! — ожесточенно крикнула Анжелика. — Я не хочу, чтобы моего сына вышвырнули в окно!

Возмущению окружающих не было предела: благородная дама вела себя как простая крестьянка. В конце концов в дом мадам де Пейрак взяли кормилицу, и она подкармливала своим молоком маленького Флоримона, у которого оказался превосходный аппетит.

Между тем, пока решался вопрос с молоком, взбудораживший даже членов правления находящейся при замке маленькой берарнской деревни, прибыл Бернар д'Андижос. Перед отъездом Жоффрей де Пейрак назначил своего друга первым придворным графского двора и послал его в Париж проследить, как идет строительство особняка.

По возвращении из столицы д'Анджос направился прямоком в Тулузу, чтобы представлять там графа на торжествах в честь Цветочных игр.

В Беарне его не ждали.

Маркиз выглядел чрезвычайно возбужденным. Бросив поводья лошади одному из лакеев, он, перескакивая через ступени, взлетел по лестнице и ворвался в спальню к Анжелике. Она лежала в постели, а Жоффрей де Пейрак, усевшись на подоконнике, играл на гитаре и что-то напевал. Вечер выдался прохладным, и в камине разожгли огонь. Кормилица, устроившись на квадратной подушке рядом с люлькой младенца, заворачивала его в ткань и в конце концов запеленала так туго, что он стал напоминать фигурку младенца Иисуса — боб, который кладут в «пирог волхвов», приготовленный к празднику Епифании.

д'Анджос даже не удостоил взглядом эту семейную идиллию.

— Король приезжает! — задыхаясь, выкрикнул он.

— Куда?

— К нам, во дворец Веселой Науки, в Тулузу!

Затем маркиз рухнул в кресло и вытер пот со лба.

— Ну что же, — сказал Жоффрей де Пейрак, после того как исполнил на гитаре небольшой пассаж, чтобы дать отдышаться неожиданному вестнику. — Не будем впадать в панику. Мне действительно говорили, что король, его мать и весь двор выехали из Парижа, дабы присоединиться к кардиналу в Сен-Жан-де-Люз. Но с чего вдруг они решили завернуть в Тулузу?

— Это целая история! Похоже, дон Луис де Аро и месье Мазарини так увлеклись обменом любезностями, что до сих пор не начали обсуждать саму свадьбу. Впрочем, ходят слухи, что они не сошлись во мнениях и никак не могут договориться по поводу принца де Конде. Испания хочет, чтобы во Франции его встретили с распростертыми объятиями и забыли не только его измену и шалости с Фрондой, но и то, что этот французский принц крови несколько лет был испанским генералом. Горькая пилюля, которую нелегко проглотить, тем более что этот великий герой хватил через край: заняв Париж, приказал вырезать

всех городских советников прямо в ратуше, а затем сжег и само здание.

— Но почему Филипп IV так настаивает на том, чтобы французы простили этого великого военачальника, который стоял во главе его армии почти целых восемь лет? С чего испанского короля волнует судьба принца теперь, когда он решился сесть за стол переговоров?

— Он не хочет отдавать дочь в руки противника и тем самым подставлять под удар свою честь, а Филипп IV, несомненно, потеряет лицо, не приняв участия в судьбе людей, служивших ему верой и правдой, даже если он платил им за это звонкой монетой. Французы же, в свою очередь, полагают, что это сугубо семейное дело, и не королю Испании учить их великодушию. В сложившейся ситуации французский королевский двор не может появиться на острове, так как это будет выглядеть нелепо. Мазарини порекомендовал королю попутешествовать. Вот он и путешествует. Двор направляется в Экс, где присутствие короля, без сомнения, утихомирит разгоревшийся мятеж. Но весь высший свет, выехавший из Бордо, желает посетить Тулузу. А вас там нет! И архиепископа тоже! Капитулы совсем обезумели...

— Однако им не впервой принимать в городе важную особу, в том числе и короля, как это случилось шесть или семь лет назад.

— Вам необходимо там быть, — взмолился д'Андижос. — Я лично примчался за вами. Говорят, король, узнав, что посетит Тулузу, якобы сказал: «Наконец-то я познакомлюсь с этим Великим Лангедокским Хромым, о котором мне все уши прожужжали!»

— Ой! Я хочу в Тулузу! — воскликнула Анжелика, подсакивая на кровати.

Но она тут же вновь упала на постель, скривившись от боли. Молодая мать еще не совсем окрепла, и тяжелая дорога по горам, а также суэта праздничных дней могли нанести существенный вред ее здоровью. От разочарования глаза Анжелики наполнились слезами.

— Король в Тулузе! Король во дворце Веселой Науки, а я его не увижу!..

— Не плачьте, дорогая, — сказал Жоффрей. — Я постараюсь быть настолько любезным и услужливым, что Его Величество просто не сможет не пригласить нас на свадьбу. Вы увидите короля в Сен-Жан-де-Люз, причем во всем блеске славы, а не прикрытого пылью после долгого путешествия.

Когда граф вышел, чтобы отдать распоряжения слугам по поводу своего раннего утреннего отъезда, милейший д'Анжос постарался утешить графиню.

— Ваш муж прав, о прекраснейшая. Королевский двор! Король! Ба! Да что в этом такого? Один-единственный обед во дворце Веселой Науки стоит десяти праздников в Лувре. Верьте мне, я был в Лувре и так замерз, находясь в прихожей перед залом Совета, что у меня на носу образовалась ледышка. Можно подумать, что у короля Франции нет лесов, где нарубить дров. Что же касается офицеров королевского дома, то я сам видел, что у них на штанах зияют огромные дыры, отчего даже королевские фрейлины, не отличающиеся особым целомудрием, отводят глаза.

— Ходят разговоры, что его наставник кардинал не хотел приучать своего венценосного воспитанника к роскоши, которая бы противоречила бедственному положению страны.

— Я не знаю, какими доводами руководствовался кардинал, который ни в чем не обделяет себя самого и без счета скупает обработанные и необработанные алмазы, а также картины, драгоценные фолианты, гобелены и гравюры. Но я полагаю, что король, каким бы скромным он ни выглядел, с нетерпением ждет, когда сможет избавиться от этой опеки. Ему до смерти надоело бобовый суп и наставления матери. Ему надоело быть наглядным воплощением несчастной, разграбленной Франции. И это понятно: Людовик — красивый малый, к тому же король. И уже не за горами то время, когда юноша тряхнет львиной гривой.

— Каков он? Опишите мне короля, — попросила сгорающая от любопытства Анжелика.

— Неплох! Неплох! Величав, представительен. Но, мотаясь от одного города к другому во время Фронды, он почти не уделял внимания образованию и, говорят, остался невежественным, как

последний конюх. Если бы он не был королем, я бы сказал вам, что нахожу его несколько мрачным. Кроме того, Людовик переболел оспой, и его лицо стало рябым.

— О! Вы намеренно пытаетесь разочаровать меня! — воскликнула Анжелика. — К тому же вы говорите как один из этих проклятых гасконцев, или беарнцев, или альбигойцев, которые до сих пор не могут смириться с тем, что Аквитания не осталась самостоятельным государством, независимым от Французского королевства. Для вас существует лишь Тулуза и ваше солнце. Но что касается меня, то я умираю от желания увидеть Париж и короля Франции.

— И вы его увидите на королевской свадьбе. Возможно, эта церемония позволит государю раскрыться в его истинном величии. Но если вы вознамеритесь отправиться в Париж, то останьтесь в Во, чтобы поприветствовать месье Фуке. Вот кто в наши дни настоящий король. Какая роскошь, друзья мои! Какое великолелие!

— Так, значит, ты тоже захел поклониться этому проклятому финансисту, не получившему должного воспитания? — спросил вернувшийся граф де Пейрак.

— Это необходимо, дорогой мой. Не только для того, чтобы тебя приняли в Париже, потому что все знатные особы прямо-таки молятся на него, но, признаюсь, меня снедало любопытство: я хотел собственными глазами увидеть жилище суперинтенданта королевства, который является первой политической фигурой в стране — разумеется, после Мазарини.

— Будь честен и не бойся сказать: перед Мазарини. Каждый знает, что кардинал не может взять ни одного займа у кредиторов, даже когда речь идет о нуждах страны, а вот Фуке пользуется всеобщим доверием.

— Но пронырливый итальянец не завистлив. Фуке постоянно наполняет деньгами королевскую казну, что пока позволяет вести войну, а больше у него ничего и не просят... пока. Его не интересует, сколько процентов берут кредиторы — двадцать пять или даже пятьдесят. Двор, король и кардинал живут на эти

средства, полученные на грабительских условиях. И никто не может остановить Фуке! Поэтому он еще долго будет выставлять напоказ свой герб с карабкающей вверх белкой и девизом: «*Quo non ascendam?*» — «Куда не заберусь?»

Жофfrey де Пейрак и Бернар д'Анджос увлеклись беседой о необычном взлете Фуке, который начал свою карьеру служащим в суде, затем стал членом парижского парламента, но при этом остался сыном простого бретонского магистрата. А Анжелика погрузилась в собственные мысли, потому что стоило кому-нибудь упомянуть имя Фуке, как графиня тут же вспоминала о ларце с ядом, и это воспоминание мучило ее.

Разговор прервал маленький слуга, принесший поднос с легкими закусками для маркиза.

— Уф! — воскликнул д'Анджос, обжигая пальцы о горячие булочки, начиненные замороженной гусиной печенкой. — Только у вас можно отведать столь чудесные яства. Точнее, у вас и в Во. Фуке обзавелся выдающимся поваром по имени Ватель.

Внезапно маркиз стукнул себя по лбу:

— О! Это напомнило мне об одной... странной встрече. Угадайте, кого я увидел у месье Фуке, сеньора Бель-Иля и других владений и почти вице-короля Бретани... Догадались?

— Это трудно. У Фуке так много знакомых.

— И все же попытайтесь... Он, если можно так выразиться, в некотором роде из вашего дома...

Анжелика призадумалась и решила, что речь идет о ее зяте, муже сестры Органс, который был судейским чиновником в Париже, как и знаменитый суперинтендант в свое время.

Но д'Анджос отрицательно покачал головой.

— Ах! Если бы я не боялся так вашего мужа, то потребовал бы за свою информацию поцелуй, потому что вы никогда не догадаетесь, о ком идет речь.

— Ну что ж, вы можете получить свой поцелуй, потому что правила хорошего тона позволяют целовать женщину, только что разрешившуюся от бремени. А теперь не томите меня и назовите имя.

— Итак, я встретил там вашего бывшего дворецкого, Клемана Тоннеля, который несколько лет служил у вас в Тулузе: именно он присутствовал на тайном собрании суперинтенданта.

— Должно быть, вы ошиблись. Он уехал в Пуату, — поспешно перебила маркиза Анжелика. — У него нет ни прав, ни оснований посещать столь важных особ. Если только Клеман не решил наняться на службу в Во.

— Именно так я подумал. Они беседовали о Вателе, поваре суперинтенданта.

— Вот видите, — с облегчением вздохнула Анжелика. — Все ясно: он хотел наняться на службу и поработать под началом этого самого Вателя, которого все называют гением.

Графиня была несколько разочарована, ведь Клеман был пуатевинцем, прожил несколько лет у них во дворце Веселой Науки и напоминал ей о родной провинции.

— Да, да! — согласился д'Андижос, который, казалось, думал о чем-то своем. — Но все же меня смутила одна деталь. Так уж получилось, что я совершенно неожиданно зашел в комнату, где суперинтендант беседовал с этим самым пресловутым Клеманом. Я был вместе с группой подвыпивших сеньоров. Мы принесли Фуке извинения за непрошеное вторжение, но я все же успел заметить, что ваш бывший дворецкий разговаривал с ним весьма вольным тоном и лишь при нашем появлении принялся раболепствовать. Он узнал меня. И когда мы выходили, я увидел, как он что-то быстро шептал суперинтенданту, после чего тот окинул меня холодным змеиным взглядом, а затем сказал: «Не думаю, что это имеет значение».

— Следовательно, он решил, что ты не имеешь никакого значения, друг мой? — поинтересовался де Пейрак, беззаботно брэнча на гитаре.

— Мне показалось...

— Очень здравая мысль!

д'Андижос сделал вид, что сейчас выхватит шпагу, и разговор вернулся в шутовское русло.

Глава 17

Анжелика ждет, когда вернется Жоффрей

— Мне необходимо вспомнить одну вещь, — твердо решила Анжелика. — Я знаю, что она прячется где-то в недрах моей памяти. И знаю, что это важно. Я должна вспомнить!

Она обхватила лицо руками, закрыла глаза и сосредоточилась на воспоминаниях. Это случилось давно. В замке Плесси. В этом Анжелика не сомневалась, но все остальное было запутанным.

Огонь камина обжигал лоб. Она машинально взяла большой шелковый расписной веер и принялась им обмахиваться. Снаружи стояла непроглядная ночь и бушевала буря — одна из тех весенних бурь, которые часто бывают в горах: гроза без молний и грома, обрушивавшая на окрестности мириады градин, дробно стучащих в окна. Анжелике не спалось, и она сидела у камина в одной из комнат донжона. У нее до сих пор побаливала спина, и она злилась на себя, что никак не может восстановить пошатнувшееся здоровье. Повитуха не преминула заметить, что слабость мадам связана с ее упрямым желанием самой выкармливать сына. Но Анжелика и слышать ничего не желала: когда она брала на руки своего малыша и прижимала его к груди, глядя, как он жадно сосет молоко, молодая мать испытывала бесконечную радость. Она прямо-таки расцветала и при этом чувствовала, что становится более рассудительной и одновременно нежной. Она уже видела себя величавой, снисходительной матроной, окруженной спотыкающимися мальчуганами. Почему

она так часто вспоминает собственное детство, ведь маленькая Маркиза Ангелов давно исчезла?..

Нет, это не просто глухая, необъяснимая тревога. В ней есть какой-то тайный смысл. И Анжелика не могла избавиться от мысли: «Я должна, обязательно должна вспомнить!»

Время от времени она вставала со своего места и подходила к узкому окну башни. Эта круглая комната, расположенная почти на вершине донжона, некогда была сторожевым постом, после чего ее переделали, и она стала очень уютной. Прекрасные гобелены, развешанные по стенам, помогали сохранять тепло, большое кресло с высокой готической спинкой было немного жестким, но его смягчали многочисленные подушки, а рядом стоял низкий столик и несколько стульев, выполненных в том же готическом стиле; также здесь были табуреты и большие расшитые декоративные пуфы, которые дополняли общий ансамбль интерьера. Анжелика приказала поставить на буфет кое-какие закуски, фрукты и графины с вином.

Через приоткрытую дверь можно было разглядеть свет в большой комнате, расположенной в основном здании, откуда долетал тихий шепоток женских голосов. Это были владения Флоримона; кормилица, няня и Дама Изор втроем ловко крутили веретена, обмениваясь короткими фразами на гасконском языке, который мало чем напоминал язык равнин.

В тот вечер Анжелика ждала возвращения мужа.

Он прислал посыльного, чтобы сообщить о своем приезде, но его наверняка задержала разыгравшаяся буря, поэтому он придет лишь завтра.

Анжелика была расстроена до слез. В отсутствие супруга ее одолевала меланхолия.

От гонцов она узнала о празднике, устроенном в честь приезда короля, о торжественном приеме во дворце Веселой Науки, о роскошном пире, о прощальном бале. Какая жалость, что она не смогла присутствовать на торжествах, вместо этого сидя в горном замке и ломая себе голову, пытаясь сложить мозаику

из обрывков воспоминаний, припомнить некую деталь, которая, конечно же, не имела никакого значения. И все тщетно! Ей просто необходимо было отвлечься от навязчивой идеи, засевшей у нее в мозгу. Как только Жоффрей окажется рядом, дурман рассеется. Она свернется клубочком в его сильных руках и будет слушать забавные рассказы, впитывать его впечатления. Он сообщит ей последние новости, касающиеся мирных переговоров и свадьбы короля...

Снаружи раздался сильный раскат грома, и виднеющиеся сквозь маленькое окошко башни верхушки деревьев показались Анжелике почти белыми: их осветила яркая вспышка молнии. Затем окрестности вновь погрузились в непроглядный мрак.

Завтра он уже будет в замке.

Но когда оно наступит, это завтра! Ночью ей наверняка не удастся уснуть, и она тряхнула головой, чтобы освободиться от навязчивых мыслей. И в этот миг ей показалось, что она почти у цели.

«Это случилось в Плесси. В спальне принца Конде... Я как раз смотрела в окно. Мне надо вспомнить все подробности того вечера, шаг за шагом...»

Хлопнула дверь, в небольшой прихожей замка раздался шум голосов.

Анжелика вскочила на ноги и бросилась прочь из комнаты. Она узнала голос Жоффрея.

— О! Любимый, наконец-то вы здесь! Как я счастлива!

Анжелика бегом спустилась по лестнице и упала в объятия супруга.

— Вы легкая, как перышко, как эльф, моя прекрасная фея!

— Вы промокли с головы до ног. Вам следовало заночевать в ближайшей деревне.

— Я обещал вернуться сегодня вечером!

— Я изнемогала без вас.

Как он добр, как внимателен к ней!

Он догадался, каким невыносимым стал для юной графини этот ветреный, темный вечер, окутанный ливнем, хлещущим в стены маленького пиренейского замка, и граф не испугался бу-

ри, он мчался впереди всех и только вперед, смело глядя в лицо опасности, лишь бы провести эту ночь рядом с ней! Она его обожала!.. Он рядом! Все вокруг озарилось светом.

Графиня слышала, как прибежал старик горец, исполнявший обязанности конюха, и повел на конюшню лошадей, тихо поругивая неосмотрительное поведение хозяина. Лишь месье де Пейрак мог решиться на опасный подъем по скользким дорогам, размытым дождем.

Да! Только он! Потому что он необыкновенный!

Анжелика провела мужа в теплую комнату и кликнула слугу, чтобы тот стащил с графа мокрые сапоги. В это время Куасси-Ба и его помощник принесли багаж.

Жоффрей быстро переоделся, выпил стакан красного вина, но от ужина отказался, сказав, что перекусил по дороге и что после недели непрерывного обжорства на пирах он счастлив вернуться живым и невредимым в Беарн, где намерен питаться лишь хлебом и чесноком.

— А Флоримон? Он уже полюбил чеснок и вино из Жюрансона, совсем как славный король Генрих IV, которому сразу после рождения его дед Генрих д'Альбре, король Наварры, смочил губы вином и очистил их зубчиком чеснока?..

— Я попыталась протереть ему губы чесноком, как бабушка короля Генриха, но малышу это не понравилось.

— Он все так же красив, наш Флоримон?

— Он становится все прекраснее с каждым днем.

Жоффрей де Пейрак с видимым удовольствием опустился в кресло. Анжелика подошла к мужу с небольшой фруктошницей, наполненной виноградом, которую поставила прямо на плиточный пол.

После этого она присела на подушку у его ног и прижалась к нему.

— Рассказывайте.

— Клянусь честью, все прошло отлично, — ответил Жоффрей де Пейрак, отщипывая ягоду винограда. — Город постарался на славу. Скажу без ложной скромности, что прием во дворце Веселой Науки превзошел все ожидания придворных. Я сумел привезти

из Лиона одного умелого механика, который организовал чудесный праздник с театральным представлением и фейерверком.

— А король? Что король?

— Король, право слово, красивый юноша, который, кажется, наслаждается оказываемыми ему почестями. У него круглые щеки, нежные карие глаза и в избытке величественности. Мне показалось, что его сердце ранено любовью, и нанесла эту рану малышка Манчини. Пока она еще не затянулась, но поскольку Людовик преисполнен осознания собственной значимости и верен своему королевскому долгу, он поставил на первое место интересы государства. Я видел красивую, печальную королеву-мать, выглядевшую немного надменно. Слышал, как Великая Мадемуазель и Маленький Месье спорили о вопросах этикета. Что вам еще рассказать? Я столкнулся с множеством прекрасных имен и отнюдь не прекрасных лиц!.. Если быть честным, то больше всего меня обрадовала встреча с Пегиленом — вы его знаете, это граф де Лозен, племянник герцога де Грамона, правителя Беарна. До своего отъезда в Париж он часто гостил у меня в Тулузе. Как сейчас вижу его физиономию хитрющего кота, как было в те времена, когда мы делили одних любовниц.

— Жоффрей!

— Но он сдержал свои обещания и применил на практике все те знания, которые получил во время Судов любви. Как я смог заметить, он стал дамским фаворитом. А благодаря острому уму Пегилен удостоился дружбы короля, который теперь просто обходиться не может без его буффонад.

— А король? Вы мне расскажете о короле? Он был доволен оказанным ему приемом?

— Он весьма галантно выразил свое удовлетворение. И неоднократно высказал сожаление по поводу вашего отсутствия. Да, король был доволен... Слишком доволен.

— Что значит «слишком доволен»? Почему вы произносите это с ехидной улыбкой?

— Потому что мне сообщили о следующем разговоре. Когда король садился в карету, кто-то из придворных заметил, что

праздник во дворце Веселой Науки по своей роскоши может сравниться лишь с блистательными приемами Фуке. Тогда Его Величество ответил: «Да, все верно, и я задаюсь вопросом, не следует ли в ближайшее время взять этих людей за горло?» Добрейшая королева воскликнула: «Что за мысли, сын мой, среди этого веселья, устроенного исключительно в вашу честь!» «Мне надоело, — ответил король, — видеть, как мои собственные подданные превосходят меня своим блеском».

— Надо же! Какой завистливый мальчик! — воскликнула потрясенная Анжелика. — Я не могу в это поверить. Вы убеждены, что он произнес именно эти слова?

— Мой верный Альфонсо лично придерживал дверцу его кареты и обо всем мне доложил.

— Король не может быть таким мелочным. Это придворные испортили ему настроение и восстановили его против нас. Вы уверены, что не вели себя непочтительно с кем-нибудь из королевской свиты?

— Я был слаще меда и сахара, клянусь вам. Я обращался с ними как с принцами крови. Я приказал положить в спальню каждого сеньора, остановившегося в нашем замке, по кошелю с золотом. И, уверяю вас, ни один из них не забыл его прихватить.

— Вы им угождаете, но при этом презираете, и они это чувствуют, — сказала Анжелика, задумчиво качнув головой.

Она поднялась и села на колени мужа, крепко прижавшись к его сильному телу. Снаружи по-прежнему бушевала буря.

— Каждый раз, когда кто-то произносит имя этого Фуке, я вздрагиваю, — прошептала Анжелика. — Я так и вижу перед собой ларец с ядом, о котором долго не вспоминала, и эта картина постоянно меня преследует.

— Вы стали очень нервной, моя милая! Неужели отныне моя супруга будет вздрагивать при малейшем дуновении ветерка?

— Я должна что-то вспомнить, — простионала Анжелика, закрыв глаза.

Она потерлась щекой о его благоухающую фиалками шелковистую шевелюру, которая от влаги закудрявилась.

— Если бы вы могли помочь мне вспомнить... Но это невозможно. Мне кажется, что если бы я вспомнила, то отвела бы от нас надвигающуюся опасность.

— Никакой опасности нет, красавица моя. Рождение Флоримона расшатало ваше здоровье.

— Я вижу комнату... — продолжала Анжелика, закрыв глаза. — Принц Конде спрыгивает с кровати, потому что раздался стук в дверь... Но я не могла услышать этот стук. Принц накидывает халат и кричит: «Я с герцогиней де Бофор!..» Но дверь в глубине комнаты открывается, и слуга вводит монаха в капюшоне... Этого монаха звали Эксили...

Внезапно она умолкла и уставилась куда-то в пространство широко распахнутыми глазами. Ее поведение напугало графа.

— Анжелика! — закричал он.

— Теперь я вспомнила, — бесцветным голосом произнесла она. — Жоффрей, я вспомнила... Слугой принца Конде был... Клеман Тоннель.

— Вы с ума сошли, дорогая, — рассмеялся граф. — В течение нескольких лет этот человек служил в нашем доме, и вы только сейчас его узнали, обратив внимание на сходство со слугой принца Конде?

— Тогда я видела его лишь мельком, потому что в комнате царил полумрак. Но это лицо, изрытое оспинами, этот вкрадчивый, подобострастный голос... Да, Жоффрей, теперь я уверена, что это был он. Сейчас я понимаю, почему все время, пока он жил в Тулузе, при его появлении я испытывала неосознанный страх. Припомните слова, которые вы сами однажды произнесли: «Самый опасный шпион — тот, кого мы не подозреваем». Вы тоже ощущали слежку, чувствовали, что вокруг дома кто-то бродит. Неизвестный шпион, которым был Клеман.

— Вы слишком романтичны для женщины, интересующейся науками.

Жоффрей ласково провел рукой по лбу Анжелики.

— У вас, часом, нет жара?

Она тряхнула головой.

— Не смейтесь. Мне становится дурно от одной только мысли, что этот человек следил за мной в течение многих лет. По чьему поручению он действует? Месье де Конде? Фуке?

— Вы кому-нибудь рассказывали о том, что с вами произошло?

— Только вам... Однажды... И, возможно, он нас слышал.

— Вся эта история давно устарела. Успокойтесь, сокровище мое, я полагаю, что у вас просто разыгралось воображение.

Жоффрей все говорил, говорил, и понемногу его ласковый голос успокаивал Анжелику, отгоняя тягостную тревогу. В конце концов она улыбнулась.

Нежный, волшебный голос убаюкивал ее, пьянил чарующей магией.

Сегодня вечером Жоффрей был рядом, а значит, все встало на свои места. В душе Анжелики воцарился покой. Она была счастлива, ведь совсем недавно ее привела в отчаяние одна только мысль, что придется ждать мужа до утра. Никогда! Никогда она не сможет жить без него!

Граф де Пейрак тоже испытывал это новое для него чувство и признавался, что, находясь в Тулузе, очень тосковал по жене.

Без нее дворец Веселой Науки потерял свой блеск и в нем словно свет померк, ибо только ее красота и ее присутствие заставляли его сиять. Жоффрей посмеивался над собственным нетерпением и над горячим желанием поскорее увидеть жену.

И в его блестящих глазах Анжелика прочла радость от встречи с ней.

А буря все не утихала. Ветер и дождь бушевали, словно с цепи сорвались.

Но супруги, отделенные стихией от всего остального мира, были счастливы оттого, что могут обнять друг друга, счастливы от осознания, что любовь связала их навеки. И не было ничего прекраснее этой любви.

Содержание

Исторические и литературные истоки романа-потока Голон «Анжелика»	5
Предисловие к оригинальному изданию.	32

Тулузская свадьба Том II

<i>Часть первая</i>	
Проданная невеста	37
<i>Часть вторая</i>	
Таинственный дворец	75
<i>Часть третья</i>	
На пути к любви.	199
<i>Часть четвертая</i>	
Небольшой замок в Беарне	283

Літературно-художнє видання

ГОЛОН Анн
Анжеліка. Тудузьке весілля
Історичний роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *О. В. Трефілова*
Редактор *В. В. Давидова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Атещ*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

ГОЛОН Анн
Анжелика. Тулузская свадьба
Исторический роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Трефилова*
Редактор *В. В. Давыдова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Атец*

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

**Одесское
подразделение**

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

У оновленій версії роману ви зустрінетесь із новими персонажами — Фабриціо Контаріні, другом графа де Пейрака, та Дамою Изор. Ви дізнаєтесь про Суди кохання й палац Веселої Науки, а також зрозумієте, що за почуття довлося пережити Анжеліці на шляху від ненависті до кохання до незвичайного чоловіка, який їй судився.

Голон А.

Г61 Анжелика. Тулузская свадьба : исторический роман / Анн Голон ; пер. с фр. Ю. Котовой ; вступ. ст. С. Щепотьева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013. — 320 с.

ISBN 978-966-14-5479-7 (PDF)

В обновленной версии романа вы встретитесь с совершенно новыми персонажами — Фабрицио Контарини, другом графа де Пейрака, и Дамой Изор. Вы узнаете о Судах любви и дворце Веселой Науки, а также поймете, какие чувства довлося пережить Анжелике на пути от ненависти до любви к необыкновенному человеку, который судьбой предназначен ей в мужья.

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА

История легендарной Анжелики в уникальной авторской версии!

Роман об Анжелике, ставший классикой жанра любовно-исторического романа, расскажет о юности прекрасной героини, о ее первом женском опыте.

XVII век, эпоха галантности, роскоши и порока. Вихрь событий закружил прекрасную Анжелику — обучение в монастыре, случайно подслушанная тайна брата короля, первая ночь любви...

А впереди красавицу ждут невероятные приключения и всепоглощающая пламенная страсть, ставшая смыслом ее жизни.

Король Франции Людовик XIV и испанская инфанта Мария-Терезия заключают брак. Для главных героев — Анжелики и Жюфрея — это событие становится началом трагической страницы в их жизни. Не простив Анжелике ее отказ и опасаясь растущей власти и богатства Жюфрея, король подписывает указ о его тайном аресте. Пытаясь отстоять свое право на счастье, Анжелика начинает неравную борьбу с королем.

«Мученик Нотр-Дама» — самый трагичный из романов Анн Толон. С головокружительной быстротой под влиянием роковых событий юная Анжелика из прекрасной королевы превращается в отвергнутую обществом парию, оказывается в мире преступного ночного Парижа. Она теряет положение в обществе, поддержку родных и друзей, средства к существованию. Ей придется даже оставить крошек сыновей. Вместо избалованной любящим мужем беззаботной женщины рождается другая: решительная, жестокая Анжелика, способная постоять за себя и отомстить за отнятую любовь.

